

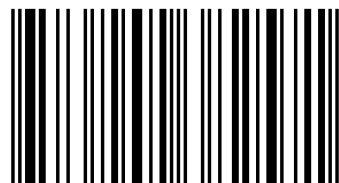
Конфликты в мировой политике

В монографии в контексте становления полицентрического миропорядка анализируются конфликты во внешнеполитической сфере, геополитическое соперничество США, Китая и России. Исследуются пути и перспективы снижения уровня конфронтационности в мире. Рассматривается дискурс по проблематике международных конфликтов в западной международно-политической науке. Работа адресована специалистам в области международных отношений, всем интересующимся мировой политикой.

Конфликты в мировой политике

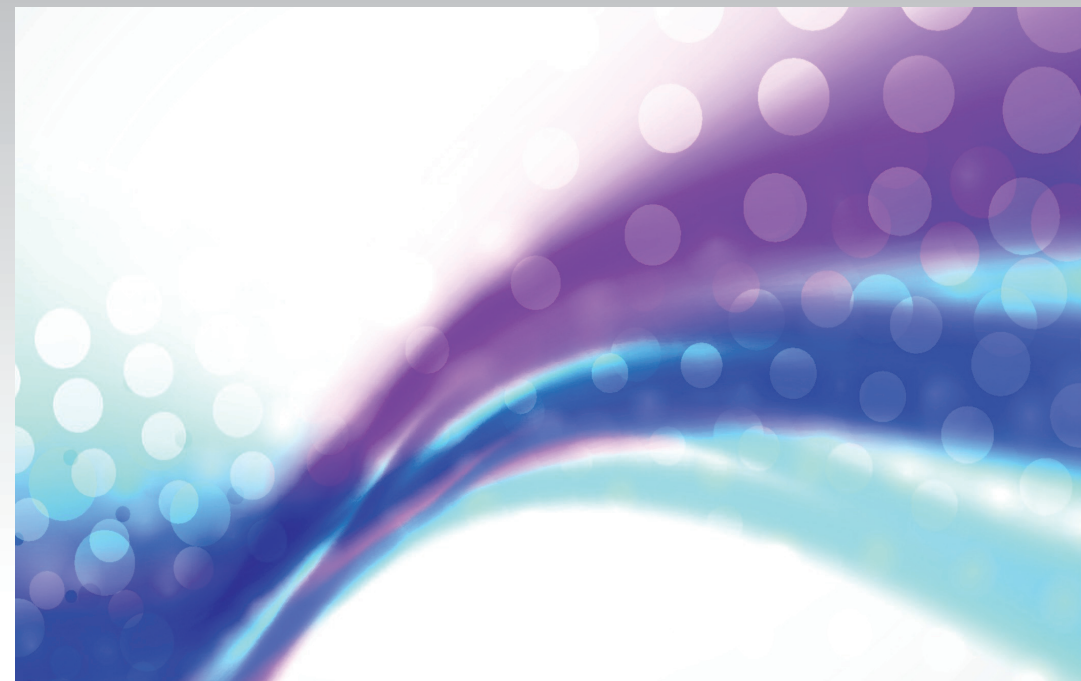

Сирота Наум Михайлович. Доктор политических наук, профессор. Кандидат философских наук. Профессор Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения. Специалист в области политической науки, международных отношений и геополитики

978-620-2-38257-1

Сирота

Наум Сирота

Конфликты в мировой политике

Мегатренды глобального социума

Palmarium
academic publishing

Наум Сирота

Конфликты в мировой политике

Наум Сирота

Конфликты в мировой политике

Мегатренды глобального социума

Palmarium Academic Publishing

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

Palmarium Academic Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-620-2-38257-1

Copyright © Haym Сирота

Copyright © 2019 International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1.	
Конфликтогенность мирового развития: от биполярного миропорядка к полицентрическому мироустройству.....	9
1.1. Холодная война как специфическая форма международного конфликта.....	9
1.2. Трансформация мироустройства и конфликтность в международных отношениях	19
1.3. Соперничество США, Китая и России как глобальный геополитический конфликт.....	42
Глава 2.	
Современные международные конфликты: механизмы урегулирования и разрешения	57
2.1. Военные конфликты XX1 века и культура мира.....	58
2.2. Мирное завершение международных конфликтов.....	69
2.3. Конфликты и миротворчество.....	76
2.4. Гуманитарные интервенции в контексте глобальной конфликтности.....	85
Глава 3.	
Западные исследования международных конфликтов:	95
3.1. Дефиниция и причины международных конфликтов.....	95
3.2. Основные направления анализа международных конфликтов.....	100
Библиография.....	107

ВВЕДЕНИЕ

В мире растёт конфликтный потенциал. Обостряется борьба за природные ресурсы и «ничейные» территории, увеличивается количество локальных и региональных конфликтов, возникают их новые формы, мало поддающиеся воздействию функционирующих институтов глобального управления и традиционных инструментов регулирования и разрешения. Усиливается тенденция к размыванию границ между внутренними и международными конфликтами. Мир неуклонно втягивается в информационные и финансовые войны, экономические санкции и кибервойны. Миротворческая деятельность переживает системный кризис, преодоление которого требует не только поиска адекватных ситуациям способов воздействия на конфликтные ситуации, но и новых парадигм управления конфликтами.

Резко обострились межгосударственные и внутригосударственные противоречия на постсоветском пространстве. После нескольких «цветных революций» Украина вступила в период хронической нестабильности. Минские соглашения как механизм прекращения вооружённых столкновений оказались малоэффективными. Укреплению стабильности на Кавказе препятствует неурегулированность грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Постоянным источником военных конфликтов является антагонизм Азербайджана и Армении. Нестабильная обстановка существует в Средней Азии, где между соседними государствами сохраняются серьёзные противоречия, в том числе по такому острому вопросу, как использование воды. Фактором потенциальной дестабилизации Центральной Азии остаётся угроза исламского фундаментализма, имеющего подпитку извне.

Проявлениями нарастающей напряжённости становятся многочисленные локальные кризисы, связанные прежде всего с внутренними процессами в нестабильных государствах, которые выплёскиваются за их границы. Отсутствие общих подходов к урегулированию этих кризисов со стороны значимых акторов мировой политики усугубляет хаос, поскольку каждый из них стремится извлечь свои дивиденды.

Ситуация неопределённости и конфликтогенности в существенной степени детерминирована противоречивостью правовых основ существующего мироустройства. С одной стороны, функционирует традиционный принцип

суверенитета государств, на котором строились системы международных отношений в течение столетий. С другой стороны, усиливается тенденция признания прав человека в качестве основного принципа мировой политики. Пока она сфокусирована на защите личности от произвола «своего» государства, но в дальнейшем может стать конституирующей основой правового регулирования в глобализирующемся мире.

Источником конфликтогенности является также противоречие между принципами сохранения территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение. Соблюдение первого из принципов связано с невозможностью предоставления государственности каждому малому народу. С другой стороны, если тот или иной народ лишен условий для осуществления своей национальной самобытности и тем более подвергается притеснениям, геноциду, он вправе претендовать на государственное самоопределение.

Определяющей характеристикой нынешней международной ситуации является обострение всех форм конкуренции – экономической, военной, геополитической и идеологической, едва ли не борьбы всех против всех. Экономическое соревнование может стать ещё более значимой частью мировой конкуренции из-за начавшейся смены технологического уклада – развития цифровой революции, новой волны роботизации, почти революционных изменений в медицине, образования и энергетической сфере. При этом конкуренция сочетается с углубляющейся взаимозависимостью участников.

Конфликтный характер приобрело соперничество между Россией и США, вызванное столкновением внешнеполитических интересов этих государств, прежде всего на постсоветском пространстве. Ускоренная глобализация последних десятилетий, открывавшая перспективы сотрудничества и интеграции, не гарантировала от обострения противоречий, создающих опасность прямого вооружённого столкновения.

Отсутствует определённая в вопросе о формате противостояния России и США. Сложившаяся ситуация нередко оценивается как «новое издание холодной войны» или даже «пролог к третьей мировой войне». Признавая опасность создавшегося положения, часть экспертного сообщества воздерживается от такой терминологии как отражающей реалии минувшей эпохи и должным образом не учитывающей причины и характер нынешней конфронтации¹. Используется лишённая чёткого содержательного смысла формулировка

---

¹ В современных условиях понятие «холодная война», видимо, следует рассматривать как метафору, отражающую крайнюю степень обострения отношений между Россией и Западом, прежде всего Соединёнными Штатами. Нынешняя ситуация разительно отличается от холодной войны, когда у каждой сверхдержавы был собственный лагерь – противостоящие общественные системы. В XXI столетии соперничают два глобальных проекта – «американского лидерства» и «многополярного мира», каждый из которых связан с жизненными интересами США – с одной

«холодный мир», отражающая конфликтное состояние отношений между Россией и Западом, когда обе стороны оставляют за собой право действовать исходя лишь из собственных интересов вне существующей правовой регламентации².

Острые формы приобретает соперничество между США и Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), потенциально способное перерасти в военный конфликт в Южно-Китайском море. Оба государства ведут торговую войну, отражающую фундаментальный конфликт интересов и ценностей, негативно влияющую на состояние мировой экономики.

Соперничество наиболее влиятельных акторов не переходит в открытое противостояние главным образом по двум причинам – наличия у потенциальных участников конфронтации оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, и высокой степени взаимозависимости экономик. Однако амортизирующий эффект совпадения интересов в предотвращении катастрофы не может служить надёжной гарантией от конфликта между ними.

Теряет силу ядерное табу, сформировавшееся в течение десятилетий действия соглашений о контроле над вооружениями, сотрудничества и осознания неприемлемости ядерного оружия как средства ведения войны и достижения в ней победы. Обострилось геополитическое соперничество и возобновилась гонка вооружений. Происходит психологическое привыкание к тому, что ядерное оружие – всего лишь один из видов оружия, хотя и наиболее разрушительный, а не путь к апокалипсису. Поэтому нельзя всецело исключить возможность его применения.

Средоточие беспорядков и турбулентности современного мира – Ближний Восток. Трансформируются арабские общества и изменяется геополитическая конфигурация всего региона. Разрушается территориальная целостность государств (Ирак, Ливия, Сирия), возникают новые этнические (курдские) или территориальные (Исламское государство) анклавы, расширяется влияние радикального исламизма, обостряются межрелигиозные противоречия,

---

стороны, России и Китая – с другой. С нашей точки зрения, резонна следующая констатация британского политолога Р.Саква: «На самом деле говорить о новой холодной войне не приходится, так как конфронтация между Россией и атлантическим сообществом обусловлена новыми вызовами и происходит в рамках иной логики по сравнению с периодом «первой холодной войны» (Саква Р. Кризис мирового порядка: Россия в поисках выхода из тупика //Полис (Политические исследования). 2016. С.53).

² Отечественные учёные А.А.Кокошин и А.Н.Панов прогнозируют: если на ближайшую перспективу возможность холодной войны в том виде, в котором это имело место в отношениях между СССР и США, не просматривается, то период «холодного мира» может быть достаточно продолжительным (Кокошин А.А., Панов А.Н. Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 года: США, ЕС, Китай, Индия и Япония сквозь призму интересов России. М., 2016.).

вызывающие войны (между шиитами и суннитами, алавитами и суннитами, мусульманами и христианами и т.д.).

В кризисные процессы пытаются встроиться ведущие мировые державы, имеющие в регионе свои интересы и реализующие собственные притязания. Они потворствуют амбициям своих союзников в странах, где идут гражданские войны, разжигают межфракционную, межклановую борьбу, не останавливаясь перед прямым вооружённым вмешательством в дела региона и ведением там «гибридных» войн. Разваливающийся Ближний Восток и связанный с ним радикальный ислам, способный распространиться на сферы влияния России и на её территорию, генерируют одну из главных угроз безопасности страны.

Контуры будущего устройства региона пока не просматриваются. Неясна роль международного сообщества в процессе стабилизации обстановки в регионе. Не сформулировано также стратегическое видение перспективы региона глобальными акторами.

Катализатором конфликтности и подъёма радикальных сил в мире является углубляющееся неравенство внутри государств и между ними. Даже в относительно развитых странах расслаивается и эрозирует средний класс, увеличивается численность прекариата (от англ. *precarious* - ненадёжный)¹, включающего всех, кто занят низкооплачиваемой или случайной работой и при этом лишён большинства прав, не имеет шансов для карьерного роста. Феномен прекариата охватывает всё новые страны и формы социальной жизни. Начинаясь четвёртая промышленная революция, которая будет сопровождаться фундаментальными сдвигами во многих сферах человеческой деятельности, несомненно приведёт к появлению новых социальных неравенств в планетарном масштабе.

В настоящее время трудно предвидеть, в каком направлении будут развиваться события – становления и укрепления нового миропорядка, основывающегося на демократических началах и исключающего любую гегемонию, или функционирования неустойчивого мироустройства, порождающего всеобъемлющее чувство неуверенности в перспективах мирового развития. От целенаправленных усилий народов и государств по формированию стабильной международной среды, предотвращению глобального беспорядка во многом зависит будущее человечества.

---

¹ Термин введён в научный оборот французскими социологами в 80-е годы по аналогии с пролетариатом индустриальной эпохи и обозначал тех, кто занят на временных работах типа уборки урожая.

Благоприятный сценарий для России – формирование сбалансированной полицентрической модели мирового порядка с перспективой интеграции экономического и политического пространства по линии «Лиссабон – Владивосток». В рамках этого сценария возможно и необходимо налаживание многостороннего взаимодействия с государствами АТР, включая их участие в развитии территорий и отраслей экономики. Однако в долгосрочном плане сотрудничество с Китаем и другими странами АТР не должно стать альтернативой интеграции с Евросоюзом.

По мере завершения острой фазы соперничества между Россией и Западом актуализируется проблема восстановления доверия и создания условий для конструктивного сотрудничества. Для обеспечения России достойного места и роли на новом этапе мирового развития предстоит в максимальной степени задействовать фактор умной силы не только для продвижения собственной повестки дня, но и для превращения в активного участника выработки правил будущего миропорядка.

Существенный вклад в исследование конфликтности в международных отношениях после окончания «холодной войны», вызванной распадом биполярности, дезинтеграцией на этнических и полинациональных систем, прежде всего СССР, внесли отечественные учёные А.В.Барановский, А.Д.Богатуров, В.И.Баток, Л.В.Дериглазова, И.Д. Звягельская, В.А.Кременюк, М.М.Лебедева, Д.Б.Малышева, В.В.Панова, С.В.Растольцева, Н.М.Сирота, Е.И. Степанова, А.А.Сушенцов, А.В.Торкунов, Д. М. Фельдман, П.А.Цыганков, Т. А. Шаклеина и др. Межгосударственное соперничество как тренд мирового развития анализируется в коллективной монографии «Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. 2-е изд., испр. и доп. Учебник. Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. (М.: Аспект Пресс, 2014), в работе «Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. академика А.А. Дынкина. (М.: Магистр, 2017). Факторы и перспективы динамики политической конфликтности на постсоветском пространстве исследуются в сборнике «Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Западной и в России. Редкол.: В.И.Пантин (отв. ред.), И.С.Семенов (отв. ред.), В.В.Лапкин, К.Г.Холодковский. (М.: ИМЭМО РАН, 2016).

Актуальной в научно-теоретическом и прикладном аспекте проблеме разрешения международных конфликтов путём осуществления миротворчества посвящены работы Загорского А.В., Манойло А.В., Никитина А.И. Романчука С.И. и др. Для изучения глобальной конфликтности в содержательном и эвристическом плане значимы работы зарубежных учёных Х.Булла, П.Бьюкенена, Зб.Бжезинского, И.Валлерстайна, Й.Галупа, Р.Каплана, Г.Киссинджера, Дж.Розенау, А.Тоффлера, Ф.Фукуямы, Р.Хааса, С.Хантингтона и др. Переговорам как методу урегулирования международных конфликтов посвящены исследования И.А.Василенко, Ю.В.Дубинина, М.М.Лебедевой, Р.Фишер и У.Юри и др.

Накопленный наукой объём знаний о конфликтах в мире политики позволяет ей быть востребованной в обстановке нарастающей глобальной турбулентности, избыточных коллизий. Опираясь на разработки в области общей теории конфликтов, используя материалы исследований по проблемам современного мирового развития, автор предлагаемого исследования рассматривает актуальные аспекты конфликтности во внешнеполитической сфере и пути её преодоления.

Мы исходим из специфики близких по смыслу феноменов конфликта и конфликтности в международных отношениях. Если конфликт – это реальное соперничество международных акторов, то конфликтность – общая характеристика международно-политической ситуации или даже эпохи. Она основывается на объективных противоречиях в отношениях между политическими акторами, может служить фоном и предпосылкой для возникновения международных конфликтов. Своевременная коррекция национально-государственных интересов в условиях международной напряжённости способна предотвратить возникновение конфликтов, купировать их на начальных стадиях.

Монография состоит из трёх глав. В первой главе анализируются : специфика холодной войны как формы международного конфликта, основные тренды эволюции функционирующего мироустройства и причины усиления международной конфликтности, соперничество между США, Китаем и Россией как глобальный геополитический конфликт, возможные перспективы становления нового миропорядка и его альтернативные варианты. Во второй главе освещаются существующие механизмы предотвращения и урегулирования конфликтов, снижения уровня конфронтационности в мировой политике и её преодоления. В третьей главе рассматривается дискурс по проблематике конфликтов в западной международно-политической науке

Глава 1.

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ: ОТ БИПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА К ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ

1.1. Холодная война как специфическая форма международного конфликта

На протяжении десятилетий проблематика холодной войны рассматривалась преимущественно в военном, историческом и юридическом аспектах. В последние годы этой проблематике посвящено значительное число публикаций, в том числе фундаментальные исследования – монография В.А. Кременюка «Уроки холодной войны»¹, издание «Холодная война» в 2 томах под редакцией В.А. Золотарёва. В них на обширном фактическом и документальном материале проанализированы сущность, источники и причины возникновения холодной войны, исследованы её последствия и значение для современного мира, рассмотрены проблемы обеспечения безопасности Российского государства. Справедливо отмечается, что холодная война «дает ценнейший фактический материал для анализа прошлого, понимания настоящего и прогнозов на будущее, позволяя сформулировать уроки, которые дает нам история, — уроки, имеющие огромное значение для современного развития России и всего мира»².

На переломном этапе мирового развития – от «плюралистической однополярности» к полицентрической модели международных отношений существует потребность в подходе к проблематике холодной войны, исходя из более широкой, по существу философской системы координат, позволяющей раскрыть новые измерения этого феномена. Такой подход созвучен предложенной отечественным учёным Э.Я. Баталовым идее создания философии международных отношений – научной

---

¹ Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М., 2015.

² Холодная война: В 2 т. (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева). М, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. ; Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В.

дисциплины, исследующей фундаментальные изменения онтологических (бытийных) оснований современного мира политики¹.

В обстановке, когда российско-американские отношения вступили в фазу открытого противостояния и противоборства, а их состояние нередко определяют как «новая холодная война», актуально рассмотрение сущностных характеристик предшествовавшего ей феномена холодной войны, его результатов и уроков для человечества.

Среди учёных нет единого толкования термина «холодная война». Как отмечает американский историк Ури Раанан, «немного терминов использовали столь непоследовательно, как «холодная война»².

Большинство зарубежных учёных интерпретировали этот термин как состояние постоянной вражды между двумя сверхдержавами, не перерастающей в вооружённую конфронтацию или горячую войну. При этом акцент делался на идеологическом противостоянии, гонке ядерных вооружений и т.п. В зависимости от разных факторов, в том числе персональных изменений в советском руководстве, в холодной войне выделялись периоды «потепления», «разрядки», «конфронтации», «повышательные» и «понижательные» тенденции и т.п. Советские исследователи определяли холодную войну как политику «реакционных и агрессивных кругов Запада в отношении Советского Союза и др. социалистических стран, а также народов, борющихся за национальную независимость, мир, демократию и социализм»³.

Мы исходим из определения холодной войны как глобального противостояния между двумя военно-политическими блоками – во главе с СССР и США в 1946 – 1991 гг. В отличие от СССР, чей статус сверхдержавы основывался главным образом на военной мощи, Соединённые Штаты являлись мировым экономическим и технологическим лидером, сравнительно малозависимым от мирохозяйственных связей.

Российско-американские отношения переживают самый критический период с момента окончания холодной войны и вступили в фазу открытого противостояния и противоборства. Их состояние нередко определяют как «новая холодная война». В сложившейся обстановке актуально рассмотрение сущностных характеристик феномена холодной войны, его результатов и уроков для человечества.

---

¹ Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М., 2005. с. 58–70.

² Цит. по: Колбин А.С. От стратегической к тактической стабильности. Почему контроль над вооружениями больше не работает? // Россия в глобальной политике. Т.15. №3. Май-Июнь 2017. С.105.

³ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия 1969-1978. [Электронный ресурс]: – URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Holodnaja-vona-96838.html (дата обращения: 09.10.2017).

Холодная война разворачивалась в Мировом океане, воздушном и космическом пространстве, во всех сферах взаимодействия соперников, включая экономику, культуру и спорт, пропаганду, образ жизни. Несколько раз стороны были на грани применения ядерного оружия, прежде всего в Корейском, Берлинском и Карибском кризисах, и лишь страх перед катастрофой удерживал сверхдержавы от прямого столкновения. Неоднократно начиналась и сворачивалась разрядка напряжённости.

Сорокалетний период функционирования биполярной системы и сопутствовавшей ей холодной войны наглядно продемонстрировал, что международное право и институты действуют главным образом тогда, когда ведущие страны осознают общность интересов. В глобальном соперничестве стороны нарушали международно-правовые нормы, включая территориальную целостность, суверенитет и право наций на самоопределение. Вне Европы постоянно менялись границы, силовым путём разделялись и воссоединялись государства (Корея, Вьетнам, Пакистан и пр.). Почти в каждом конфликте сверхдержавы оказывались по разные его стороны.

Усилиями официальной пропаганды обоих государств была создана атмосфера враждебности в отношении друг друга, культивируемая определёнными политическими силами в настоящее время, обостряя соперничество между США и Россией.

Завершившаяся в конце 80-х гг. XX века холодная война представляет собой специфическую форму международного конфликта смешанного типа, сочетавшего элементы вражды и соперничества с важными элементами сотрудничества, в котором обе сверхдержавы помогали друг другу в построении и сохранении мирового порядка. По существу холодная война была управляемым конфликтом, стороны которого стремились добиться победы, но не ценой самоуничтожения и без ущерба, сопоставимого с проигрышем.

В структуре этого конфликта важную роль играли идеология, несовместимость двух общественных систем, борьба США и СССР за сферы влияния и укрепление позиций в мире. Существенным компонентом холодной войны был личный фактор – готовность лидеров противостоящих государств к поиску взаимопонимания, выработке необходимых решений и проведению их в жизнь. Ключевую роль в холодной войне играл силовой фактор, особенно ядерный паритет между СССР и США.

Осознание лидерами великих держав катастрофических последствий ядерной войны приучало к сдержанности во внешнеполитическом поведении, избирательному и дозированному применению силы. Опасность взаимного уничтожения создавала предпосылки для совершенствования переговорной культуры, формированию стратегий компромисса, регулированию международных отношений через право и

нормотворчество. Отношение к ядерному оружию как последнему, крайнему средству борьбы стало важным элементом политического опыта всего человечества.

В период биполярной конфигурации мировой системы соперничество между СССР и США сместилось на нижние, доядерные этажи и распалось на множество мелких конфликтов с участием национально-освободительных движений. Стремясь к расширению своего влияния, сверхдержавы в изобилии поставляли своим союзникам оружие, снаряжение, техническую помощь, советников и т.п.

В США войны на периферии концептуально обосновывались как «малые» или «особые» с целью «отбрасывания коммунизма». В СССР они интерпретировались как борьба за освобождение от колониализма, а советская помощь как выполнение интернационального долга по отношению к народам, ставшим на путь независимости и «социалистической ориентации».

Межгосударственные конфликты классического типа были достаточно редкими и находились под воздействием ядерного противостояния СССР и США, контролировавших уровень напряжённости, чтобы избежать прямого столкновения. Таковыми были, например, война в Корее в 50-е гг., войны в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке 1960-1970-х гг.

Сложность контроля над конфликтами в третьем мире состояла в том, что на периферии основного противостояния – между США и Варшавским договором – не действовало такое мощное средство сдерживания, как ядерное устрашение. Поэтому риск превращения кризисов в вооружённые столкновения был гораздо выше, чем в центре противостояния. Такие столкновения создавали угрозу втягивания сверхдержав в локальные войны и возможность их перерастания в широкомасштабный ядерный конфликт.

Попытки сверхдержав добиться стратегического превосходства путём активизации борьбы на периферии не дали желаемого результата. США потерпели поражение во Вьетнаме (1963–1972 гг.), а СССР был вынужден вывести свои войска из Афганистана (1979–1988 гг.). В ряде регионов (Ближний Восток, Африка, Центральная Америка) ни одна из сторон не смогла получить существенные преимущества за счёт соперника. Длительное противоборство вызывало перенапряжение обеих стран, особенно сильно отразившееся на СССР и его экономике.

На протяжении 1970-1980-х годов СССР и США удалось наладить прагматичное, деидеологизированное взаимодействие в таких сферах, как контроль за вооружениями и торгово-экономические связи. Осознание советскими и американскими руководителями опасности неограниченного соперничества сверхдержав в различных регионах способствовало достижению договорённостей о правилах поведения в некоторых

«горячих точках». К их числу следует отнести Американско-британо-советско-французское соглашение по Западному Берлину (1971 г.), которое урегулировало проблему транзита между ФРГ и Западным Берлином, предотвратив возможность возникновения новых берлинских кризисов, обостривших обстановку в Европе и мире в начале «холодной войны». Заключительный акт общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), разработанный с участием Советского Союза и Соединённых Штатов, фактически стал конвенцией стран-участниц о ненападении, а великие державы явились гарантами её выполнения.

Несмотря на то, что на протяжении «холодной войны» не сформировались эффективно действующие режимы отношений сверхдержав в региональной сфере, возникли неформальные нормы их поведения. по удачному выражению американского исследователя Г.Эллисона, «примитивные правила благоразумия». Первое из этих правил – при любых обстоятельствах исключать применения ядерного оружия. Второе правило - избегать прямого использования вооружённых сил, которое затрагивало бы жизненные интересы другой сверхдержавы. Третье правило – уважать сферы жизненных интересов друг друга. Четвёртое правило - избегать прямых столкновений американских и советских вооружённых сил. Пятое правило – удерживать союзников и клиентов от нанесения стратегических поражений союзниками и клиентам другой стороны¹. Эти правила регионального поведения сверхдержав действовавшие на протяжении «холодной войны», в целом применимы и к современным реалиям.

В длившемся несколько десятилетий противостоянии США и СССР сложилась следующая ситуация: холодная война как подготовка к военному конфликту между сверхдержавами, какой она была с конца 40-х гг., трансформировалась в фактор сохранения и поддержания стратегического баланса между соперниками, обеспечивающего безопасность их самих и всего остального мира.

Логика холодной войны как специфической формы международного конфликта нашла отражение в разрабатывавшихся в те годы теориях конфликтного поведения американских учёных Т. Шеллинга и А. Рапопорта². Обе теории оказали заметное влияние на мышление тех, кто участвовал в разработке и принятии решений на стратегическом уровне.

---

¹ Allison G. Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition / Windows of Opportunity: From Cold War to Peaceful Competition in U.S.-Soviet Relations. Ed. by Graham T. Allison and William L. Ury. with Bruce J. Allyn. Cambridge (Mass.): Ballinger Publishing Company, 1989. pp. 9-38

² Schelling T.C. Strategy in Conflict. Cambridge (Mass.), 1960. (в русском переводе: Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: 2007.); Rapoport A. Fights, Games, and Debates. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.

Конфронтационная стабильность периода холодной войны в терминологии Т.Шеллинга была вариантом конфликта со смешанными мотивами (соперничество-сотрудничество), когда участники противоборствуют, придерживаясь определённых правил поведения, чтобы избежать самоуничтожения («игра с ненулевой суммой»). Господствовавшая во внешней политике США в 1952-1958 гг. стратегия «массированного возмездия» в терминах этой теории выглядела как антагонистический конфликт, в котором выигрыш одной стороны был равен проигрышу другой («игра с нулевой суммой»). Достигнутое после предпринятых Советским Союзом усилий в области стратегических вооружений относительное равновесие с США вернуло обе державы к правилам игры с «ненулевой суммой».

В кризисных ситуациях наиболее рациональную линию поведения Т. Шеллинг видел если не в прямом обращении к силе, то к её демонстрации, запугиванию с целью заставить противника поддаться давлению. Суть такой политики «состоит в том, чтобы в некоторой степени умышленно выпустить положение из под контроля именно потому, что такая бесконтрольная ситуация может оказаться нетерпимой для другой стороны и заставить её пойти на компромисс»¹.

Идея Т. Шеллинга о «смешанных» мотивах в конфликтном поведении была детализирована и конкретизирована тяготевшим к пацифизму психологом А. Рапопортом. Он выделил три типа конфликтных ситуаций, отличающихся степенью сочетания элементов соперничества и согласия на сотрудничество: 1) «сражения», основывающиеся на модели «выигрыш-проигрыш», в которых применимы любые методы поведения кроме применения оружия; 2) «игры, в которых соперничество ограничено определёнными правилами поведения»; 3) «дебаты», в которых соперничают умы и знания, а не грубая сила, и обе стороны нацелены на компромисс ².

По мнению А. Рапопорта, для разрешения любого конфликта его следует перевести в русло дебатов, в ходе которых стороны стремились бы прийти к некоему справедливому решению, согласующемуся с требованиями разума и морали. В целом предложенный им подход к конфликтному поведению предполагал рациональное поведение участников и ориентировал их на гибкость и вариативность действий. Гонка вооружений, особенно ракетно-ядерных, рассматривалась в качестве одной из первых сфер, где следовало бы предпринять усилия для достижения договорённости.

Попытки рационализации конфликтного поведения шли и по другой линии – разработки различных теорий контролируемых войн с соблюдением определённых правил. Одна из них – теория эскалации Г. Кана, согласно которой стороны конфликта и

---

¹ Schelling T.C.Op.cit. P.200.

² Rapoport A.Op.cit.

во время войны учитывают выгоды и риски, ведут взаимный торг, стремятся избежать всеохватывающего, бессознательного ядерного спазма. Предлагалось шантажировать другую сторону переходом к «немыслимым» ступеням противостояния. Идеал Г. Кана – дерущиеся змеи, которые, как он уверяет, никогда смертельно не жалят друг друга.¹

Конфликтная парадигма в оценке холодной войны, близкая к её восприятию как игры с ненулевой суммой, доминировала и со стороны другого участника противостояния – Советского Союза. Холодная война рассматривалась в контексте официальной трактовки мирного сосуществования как специфической формы классовой борьбы на международной арене, стимулирующей общественный прогресс и становление коммунистической формации в глобальном масштабе.

К середине 1980-х гг. логика развития советско-американских отношений привела наиболее дальновидных политиков соперничающих сверхдержав к мысли о необходимости выхода из холодной войны как своеобразного конфликта, изменения самой парадигмы отношений между СССР и США и обеспечения стратегической стабильности. Значимым фактором рационализации действий обеих сторон явилось внедрение в их обиход концепции «нового политического мышления» со свойственным ей акцентированием приоритета общечеловеческих ценностей. Оно открывало перспективу стабилизации военного баланса, существенного понижения уровня конфронтации, выработки «правил поведения» в Третьем мире, совместного решения мировых проблем.

К этому времени на новый уровень поднялась и американская теоретическая мысль. Представления о советско-американском конфликте как цепи мелких конфликтов, позволяющих США одержать победу без глобального столкновения, были подвергнуты пересмотру в работе Р. Аксельрода «Эволюция сотрудничества» (1984), выполненной в междисциплинарной сфере. Исследуя эволюционные процессы в природе и обществе, он благодаря компьютерному моделированию эмпирически доказал, что наиболее эффективной стратегией реализации долгосрочных интересов во всех сферах жизни, включая международную, является сотрудничество, нейтрализующее враждебные стратегии²

На рубеже 1980-х–1990-х гг. сформировался двухуровневый механизм управления конфликтами. На верхнем, стратегическом уровне взаимоотношений сверхдержав было достигнуто согласие в области предотвращения конфликта и снижения военного противостояния. На нижних, доядерных уровнях сформировался консенсус в области

---

¹ Kahn H., Wiener A. Year 2000. A Framework for Speculation on the Next Thirty Years. N.Y., 1971. pp.370–371.

² Axelrod R. Evolution of Cooperation. N.Y., 1984.

деидеологизации отношений к существующим конфликтам и их урегулированию. Было налажено сотрудничество в области силового контроля над конфликтом в Персидском заливе на основе укрепления международного права и действий США «по доверенности» от мирового сообщества.

В период холодной войны среди специалистов-международников преобладало упрощённое мнение о детерминации конфликтов того времени прежде всего этим феноменом. Оно основывалось прежде всего на конфликтах в Корее и Вьетнаме. Отсюда делался вывод: прекращение холодной войны способно чуть ли не автоматически обеспечить контроль над конфликтами и их урегулированием. В должной мере не принимались во внимание ни специфические факторы возникновения и развития конфликтов, ни даже то, что даже будучи порождением холодной войны, они обретали собственную жизнь и развёртывались по своим сценариям.

Таким образом, характерными чертами холодной войны 1945–1989 гг. между военно-политическими блоками во главе с СССР и США были:

- ставка на достижение военного превосходства над соперником, которое могло бы обеспечить победу;
- раскручивание гонки вооружений за счёт социальных обязательств государств;
- резкое обострение идеологического соперничества, создававшего атмосферу враждебности и культивирования «образа врага».

Результаты холодной войны на протяжении нескольких десятилетий являются объектом острой полемики и источником размышлений о перспективах формирования нового миропорядка и места в нём России. Основные точки зрения две: 1) холодная война закончилась победой Запада во главе с США; 2) её завершение явилось победой здравого смысла и осознания необходимости менять парадигму мирового развития. Первая точка зрения преобладает в экспертной среде и общественном мнении Запада. Вторая имеет немало сторонников в разных странах.

Первая точка зрения обычно аргументируется такими фактами, как исчезновение и распад СССР, присоединение ряда новых государств-наследников СССР к западным экономическим и военно-политическим структурам, попытки Украины самоопределиваться на пути интеграции с Западом, «уход» восточноевропейских сателлитов СССР на Запад, исчезновение международного коммунистического и рабочего движения как субъектов мировой политики. Вторая точка зрения основывается на том факте, что завершение противостояния между Востоком и Западом без рокового столкновения – уже само по себе достижение и проявление разумного начала в мировой политике.

Парадоксальной позиции по вопросу об исходе холодной войны придерживается известный «левый» социолог И. Валлерстайн. Свой вывод – Америка «не выиграла, а проиграла в холодной войне» – он мотивирует тем аргументом, что она, став единолично ответственной за реализацию надежд всего мира на обеспечение равных прав на свободу, жизнь и стремление к счастью, уже в первой половине 1990-х годов столкнулась с трудностями в реализации этой миссии, вызванными катастрофой спекулятивных сберегательных банков, тяжестью долга, обострением экологических проблем и потоками нелегальной эмиграции ¹.

С нашей точки зрения сама постановка вопроса о победе в холодной войне едва ли имеет смысл по следующим причинам:

1) её завершение было вызвано истощением ресурсов противоборствующих сторон и ракетно-ядерным тупиком, что было осознано политическим руководством СССР и стран Запада;

2) советский общественный строй в силу ряда причин исчерпал свой потенциал и, прежде всего, в экономической сфере, а инспирированное внешними силами снижение цен на энергоносители как один из главных источников доходов страны ускорило его коллапс.

Практика взаимодействия Советского Союза с США в период холодной войны показала, что одна из главных причин его серьёзных ошибок и просчётов периода холодной войны, серьёзно ослабивших позиции в мире, заключалась в отсутствии у руководства страны адекватного понимания внешнеполитического механизма самой мощной державы мира.

Анализируя уроки, которые человечеству следует извлечь из опыта холодной войны, известный исследователь этого феномена В.А. Кременюк пришёл к следующим заслуживающим внимания выводам.

Во-первых, это необходимость оптимального сочетания идеологии и политики, поскольку идеология как сфера общественного сознания всегда бывает субъективной, а у политики должен быть свой «интерес» – ориентир, свободный от идеологических примесей ².

Во-вторых, сила способна играть «развращающую» роль в международных отношениях³. Будучи естественным компонентом внешней политики, она способна вызывать иллюзию всемогущества, но не может создать новый миропорядок как

---

¹ Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. №4. С. 63, 73–77.

² Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М., 2015. С.300.

³ Там же. С.301.

состояние международных отношений, запрограммированное на безопасность, стабильность и развитие, утверждающее принцип личного достоинства граждан¹.

Тот смысл, который вкладывали в понятие силы представители политического реализма середины XX столетия, к настоящему времени устарел. Не случайно широкое употребление в теории международных отношений термина «умная сила», включающее «жёсткие» и «мягкие» компоненты с учётом целесообразности их применения.

В-третьих, основой стабильности и плодотворного сотрудничества является равновесие сил, а его нарушение приводит к дестабилизации или становится препятствием для конструктивного диалога².

В-четвёртых, необходим многоуровневый механизм выработки и принятия внешнеполитических решений, соответствующий духу времени, функционирующий без ностальгии по прошлому и понятный для других государств³.

Наконец, в-пятых, для предотвращения конфронтации и снижения её уровня исключительно важными факторами являются роль и ответственность лидеров великих держав⁴.

Уроки холодной войны и её завершения остроактуальны в настоящее время в связи с усилением нестабильности в мире и прежде всего кризисом в отношениях между США и Россией, который при определенных условиях может перерасти в вооружённую конфронтацию. Источником рисков для мирового сообщества служит также тенденция деглобализации как попятного движения от взаимозависимости мира и сопутствующего этому процессу ослабления системы глобального регулирования. Прежнее противостояние капитализма и социализма уступило место агрессивному национализму и разрушительным конфликтам моральных и религиозных ценностей.

Суммируя вышеизложенное можно утверждать следующее:

1. В условиях конфронтации России и США целесообразно обращение к накопленному опыту сосуществования периода «классической холодной войны», использованию таких оправдавших себя подходов к международным делам, как

---

¹ Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Мегатренды глобального социума. Saarbrücken, Deutschland / Германия., 2016.

Сирота Н.М., Мохоров Г.А., Хомелева Р.А. Фактор силы в современных международных отношениях: теоретический дискурс // Наука и инновации в современном мире. Монография. Одесса., 2017. С.26-42.

² Кременюк В.А. Указ. соч. С.303.

³ Там же. С.308.

⁴ Там же.

предсказуемость поведения во взаимоотношениях с оппонентом, сфокусированность на позитивной повестке дня, информационная открытость и транспарентность, достижение договорённостей в сферах совпадения интересов. Как и во времена биполярности важнейшим приоритетом основных центров силы должно быть исключение катастрофических сценариев.

2. Особое внимание следует уделить сотрудничеству со всеми ответственными акторами для недопущения распространения ядерного оружия. масштабных конфликтов, способных вызвать деградацию международной среды.

1.2. Трансформация мироустройства и конфликтность в международных отношениях

Современный мир находится в стадии стремительных изменений, перспективы которых во многом неясны. Их скорость такова, что в течение последних лет спрессовалось содержание категорий «пространство-время». В мировом контексте прошлое и настоящее всё реже служат надёжными ориентирами для будущего. Традиционные парадигмы, понятия и категории не только утрачивают свою объясняющую способность, но и могут служить причиной неадекватного подхода к происходящим сдвигам. Классические методы анализа мировой политики нуждаются в совершенствовании, если не в кардинальном обновлении. Прогрессирующая неопределённость глобального развития затрудняет или делает вообще невозможными прогнозирование и планирование внешнеполитической стратегии.

Нынешнее состояние международной среды сочетает элементы порядка, хаотизации и турбулентности. Его, на наш взгляд, следует рассматривать как неустойчивое мироустройство, являющееся результатом тектонических сдвигов в мировой политике и способное эволюционировать как в направлении миропорядка, так и нарастания неуправляемости. Нередкое использование применительно к нему термина «мировой порядок» представляется некорректным, основывающимся на преувеличении степени стабильности международной среды¹.

---

¹ С учётом современных представлений о феномене мирового порядка и исходя главным образом из нормативной и институциональной парадигм международно-политической науки, мировой порядок можно определить как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы (См.: Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Мегатренды глобального социума.

Функционирующее мироустройство формируется как полицентрическое, в структуре которого, в отличие от сопоставимых по своему потенциалу участников «концерта наций» (Священного союза) XIX века, выделяются три типа центров силы, имеющих различное, во многих случаях неустоявшееся общественное устройство. В их число входят:

- 1) «ядро» из числа наиболее влиятельных акторов (США, ЕС, Китай);
  - 2) крупнейшие державы регионального и субрегионального уровня» (Индия, Япония, Россия и Бразилия), по отдельным параметрам национальной мощи приближающиеся к «ядру» и конкурирующие с ним ¹;
  - 3) региональные лидеры (Турция, Саудовская Аравия, ЮАР, Мексика и др.).
- Остальные государства могут классифицироваться по разным признакам.

На неформальное право войти в третью группу претендуют 10-15 государств, соперничающих во всех сферах. В последние годы их круг существенно расширился за счёт государств, которые в рамках уходящей миросистемы располагались достаточно далеко от её центра.

Становится всё более заметным присутствие на международной арене исламского мира, который в силу своей дисперсности, затрудняющей оценку совокупного потенциала и дееспособности, едва ли может быть отнесён к числу «центров силы». Пробуждение национального самосознания в мусульманских государствах оказало существенное и в некоторых отношениях негативное влияние на международно-политическую систему, изменив геополитическую конфигурацию всего

Saarbrücken, Deutschland: Palmarium Academic Publishing, 2016. P.17). Близкое к вышеизложенному видение сущностных характеристик мирового порядка сформулировано отечественным исследователем А.Д. Богатуровым, по мнению которого это устройство международных отношений зависит прежде всего от наличия:

- ясной иерархии возможностей ведущих держав, признаваемой всеми или явным большинством субъектов международных отношений;
- совокупности принципов и правил внешнеполитического поведения всех мировых игроков;
- системы принятия решений по ключевым международным вопросам, которая может гарантировать представительство интересов низших участников иерархии при принятии решений на её высших уровнях;
- набора морально допустимых санкций за их нарушения, а также механизмов применения этих санкций;
- форм, методов и приёмов реализации принимаемых решений, т.е. режима реализации порядка (Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. Научное издание. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С.92).

¹ Доля Японии и Индии в мировом ВВП составляет соответственно 6 и 5 процентов. Россия, имея глобальный ядерный и политический статус, по своему финансово-экономическому и технологическому уровню не соответствует статусу мирового центра силы ввиду незначительного объёма ВВП (порядка 2 %) и скромного удельного веса в высоких технологиях (порядка 1%), а также экспортно-сырьевого характера экономики и внешней торговли.

ближневосточного региона и дестабилизировав обширный территориальный ареал от Северной Африки до Центральной Азии. Интернационализация арабского кризиса создаёт опасность перерастания регионального в мировой с трудно прогнозируемыми последствиями.

В ряде публикаций, на наш взгляд, обоснованно констатируется сходство структурных свойств нынешних войн на Ближнем Востоке и Тридцатилетней войной ХУ11 века, состоящее в том, что поначалу географически разрозненные конфликты сливаются в одну войну. Поучительность Тридцатилетней войны в контексте современных междоусобиц в Сирии, Йемене и Ливии видится в сочетании религиозно-конфессиональных конфликтов с гегемонистскими устремлениями, переплетении повстанческих движений с межгосударственным соперничеством. Профессор Берлинского университета им. Гумбольта Г.Мюнклер предлагает разрешать эти междоусобицы не путём подписания отдельных соглашений, а в рамках процесса мирного урегулирования, стремясь избежать их превращения в единый военный конфликт, способный поджечь весь Ближний Восток. По его мнению, вероятность драматического развития событий возрастает по мере увеличения продолжительности войн, и если коллизии не удастся локализовать и быстро завершить, региону угрожает судьба, постигшая Европа в ХУ11 веке¹. П.Додэн, **старший политический советник в Международном комитете Красного Креста (МККК)**, проводя параллель между современными конфликтами, прежде всего ближневосточными, и религиозными войнами ХУ11 века, оценивает их как смесь конфликтов малой интенсивности и обычных сражений, в которых трудно добиться долговременных политических решений и катастрофических по своим последствиям для населения².

Тенденция к полицентричности современного мира проявляется в неуклонном увеличении веса и влияния малых стран, располагающих серьёзным научно-техническим и финансовым потенциалом. Возрастает и относительная власть других акторов – городов, внутригосударственных регионов, транснациональных корпораций, многочисленных национальных и международных неправительственных организаций, «глобальных» СМИ и т.д. Мир вступил в эпоху опережающего развития разных стран в различных областях. «Плюралистическая однополярность»(А.Д.Богатуров) с доминированием Соединённых

---

¹ Г.Мюнклер. Тридцатилетняя война – вечная война. *Ее уроки актуальны и сегодня* // Россия в глобальной политике. 2018. №4. с. 118-126.

² Додэн П. Тридцатилетняя война: первая современная война? Россия в глобальной политике. 2018. №4 https://www.globalaffairs.ru/person/p_3553

Штатов и послевоенных институтов трансформируется в систему региональных порядков, в той или иной степени регулируемых глобальными акторами.

Можно утверждать, что трансформирующийся мир движется не только к полицентричности, но и к разнообразию моделей национального и регионального развития. Складывается разнородный глобальный ландшафт из конкурирующих типов общественного устройства, в котором западная модель будет соперничать с иными, представленными восходящими державами.

Полицентрический мир, видимо, будет заключать в себе новые возможности для сотрудничества и солидарности центров силы, порождать неведомые коллизии и риски, а для своего функционирования нуждаться в правовом обеспечении. Для России как одного из центров силы экзистенциальными являются вопросы: в каком именно полицентризме она заинтересована и какую полицентричность ей выгодно укреплять?

Иерархия формирующейся миросистемы становится всё более многоплановой и подвижной. Она способна изменять конфигурацию и структуру в зависимости от соотношения сил различных акторов, характера взаимоотношений между ними, а также воздействия привходящих обстоятельств. Динамичность иерархии в международных отношениях будет источником коллизий и в то же время стимулом к адаптации к возникающим проблемным ситуациям.

Изменение конфигурации сообщества развитых стран может проявиться и в форме отставания некоторых из них. Такая опасность угрожает странам юга и востока Европы, а также России, если она не сумеет решить накопившиеся проблемы в разных сферах. В конечном счёте влияние государства всегда, особенно в современном мире, определяется экономической мощью, технологическим уровнем и качеством человеческого материала.

Международно-политическое пространство становится всё более гетерогенным, структурируется по сложным, многомерным алгоритмам. В формирующемся полицентрическом мире перспективы любой страны зависят прежде всего от её способности создать эффективную модель общественного устройства.

На наш взгляд, заслуживает внимания прогнозируемая отечественными учёными в работе «Мир 2035. Глобальный прогноз» (М., 2017) статусно-ролевая структура полицентризма как главной характеристики миропорядка: группа лидеров, использующая в мировом масштабе растущие доходы от интеллектуальной собственности и определяющая глобальное развитие (сегодня к ней тяготеют США, Япония и ЕС), и государства, не вошедшие в эту группу и закрепившиеся на периферии мирового хозяйства, а, следовательно,

и глобального управления¹. При сохранении существующих тенденций это приведёт к формированию большой группы государств специализирующихся на разработке второстепенных технологий. По мнению авторов исследования, к середине 30-х гг. разрыв между обеими группами стран по уровню научно-технологического развития может стать практически непреодолимым².

Россия, которой пока не удалось войти в группу мировых лидеров в силу неразвитости экономической и технологической составляющих её совокупной мощи, стоит перед перспективой попадания в число стран, выпадающих из инновационной глобализации, что и составляет главный риск её будущего.

Сегодня, аргументированно утверждает академик РАН А.В. Торкунов, открытым остаётся вопрос иерархии в системе международных отношений XXI века, сопряжённый с проблемами миропорядка. Мир всё дальше уходит от моноцентричности, противится гегемонии сверхдержавы и стремится защититься, не только наращивая военную мощь, но и интегрируясь на макрорегиональном уровне³.

Одним из направлений трансформации международной среды является смещение центра её развития на Восток. Это проявится в повышении значимости Азиатско-Тихоокеанского региона, вызванной быстрым экономическим подъёмом Китая, Индии и других государств, меняющим мировую конфигурацию в соотношении сил, существующую иерархию на мировой арене. Вместе с тем распространённое представление об утрате Западом исторической инициативы, которая якобы переходит к Китаю, основывается на преувеличении масштабов и возможных последствий этого явления.

Несмотря на относительное ослабление своих позиций, США сохраняют экономическое и военное превосходство над другими государствами, по существу являясь единственным государством, способным проводить более или менее комплексную многовекторную и мультирегиональную внешнюю политику. В последние годы они укрепляют свои позиции наиболее продвинутой мировой экономической, технологической, военной и политической державы. Страна, как никогда прежде, лидирует практически во всех ведущих отраслях промышленности - от социальных сетей и мобильной связи до нано- и биотехнологий. Она превратилась в энергетическую сверхдержаву — крупнейшего в мире производителя нефти и газа, в то же время продвигаясь к революции ультрасовременных экологических технологий. У страны благоприятная демографическая ситуация, тогда как все ее основные экономические

---

¹ Мир 2035. Глобальный прогноз. Под редакцией академика А.А. Дынкина. М., 2017. С. 280, 327-328.

² Там же. С.283

³ Торкунов А.В. Мегатренды: 30 лет спустя // Международная жизнь. 2013. №10. с.186-187.

партнеры (Япония, Европа и даже Китай) регистрируют определенный демографический спад. Важным ресурсом экономического развития США остаётся иммиграция.

Благодаря добыче сланцевой нефти и газа США стали державой, способной формировать энергетические рынки и определяющим образом влиять на экономику государств-соперников, в частности России и Ирана. Подъём сланцевой энергетики в США расширяет для них свободу действий на Ближнем Востоке, поскольку избавляет от опасений о безопасности поставок энергоносителей из этого региона.

Для того, чтобы в полной мере стать современным обществом. Китаю необходимо решить целый ряд сложнейших проблем – ликвидировать разрывы между богатыми и бедными слоями населения, между развитыми и отсталыми регионами; улучшить качество окружающей среды; преодолеть дефицит квалифицированных кадров; реформировать убыточный госсектор; снизить уровень коррупции. Самая сложная задача – перейти от созданного в последние десятилетия индустриально-аграрного общества к постиндустриальному, что потребует радикальной перестройки всех социальных и политических институтов, их адаптации к современным реалиям.

Несмотря на превращение АТР в зону опережающего развития, основные миграционные потоки будут устремлены на Запад. Их возрастающее давление вызовет конфликты на цивилизационно-ценностном и социально-политическом уровнях. По мнению такого авторитета, как американский ученый С.Хантингтон, в современном мире именно иммиграция представляет собой важнейшую угрозу общественной безопасности¹ В связи с массовыми миграциями России, как и Западу, предстоит разработать чёткую концепцию миграционной политики, учитывающей мировой опыт.

Дестабилизирующим фактором мировой политики может стать наблюдаемый в настоящее время рост активности широких масс населения, вызванный их «политическим пробуждением» (З.Бжезинский)² и отрицанием внешнего управления со стороны местных и транснациональных элит. Этот процесс существенно ограничивает возможности реализации рекомендаций З.Бжезинского начала 70-х гг. об использовании в «технотронном обществе» самых современных технологий для манипулирования эмоциями людей и контроля над их мышлением.³

Возможно появление принципиально новых акторов, функционирующих вне правового поля и разрушающих устоявшуюся систему институтов. Благодаря

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызов американской идентичности / Пер. с англ. М., 2004. С.284.

² Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N.Y., 2007. P.204, Brzezinski Zb. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y., 2012.

³ Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era .N.Y.,1970.

применению ассиметричных средств они смогут нейтрализовать силовой потенциал государств и создать угрозы международной безопасности. В качестве примера можно сослаться на возникновение и террористическую деятельность шариатского квазигосударства ИГИЛ.

В условиях нарастающей дивергенции международной среды усиливается глобальная турбулентность, вызываемая разнонаправленностью действий множества акторов, которые руководствуются собственными целями и используют для их достижения новейшие технические возможности. Одним из потенциальных источников турбулентности может стать вероятная фрагментация Европейского союза – если не формальная, то фактическая. Наступление эры глобальной турбулентности прогнозировалось известным американским учёным Дж. Розенау в канун распада СССР¹.

Турбулентное состояние международной среды в существенной степени формируется экспоненциально нарастающими вызовами и угрозами глобального и регионального масштаба. Возникшие во второй половине XX в. глобальные проблемы усугубились и дополнились новыми: транснационализация организованной преступности в целом и трансграничный по масштабу незаконный оборот наркотиков в частности; противоправные операции в сфере высоких технологий и масштабная, обретшая почти государственный размах, киберпреступность (наиболее развитые страны в данном отношении оказались наиболее уязвимыми); эксперименты по клонированию людей; ставшее очевидным изменение климата. Неожиданным и резким стал «взрыв» как казалось уже ставших историей религиозных войн, межэтнических конфликтов, вооруженного сепаратизма и ирредентизма; произошло качественное перерождение возникшего еще в XIX в. феномена терроризма и обретение им характера глобальной угрозы. Более того, возродились, казалось бы, ставшие достоянием истории такие архаичные угрозы безопасности, как работорговля и морское пиратство. Работорговля в различных регионах мира превратилась в выгодный бизнес; пиратский промысел возник в Сомали, а захваты заложников с целью обогащения или пропаганды стали одной из технологий современного терроризма. Все перечисленное составляет содержание значимых вызовов для безопасности – региональной, национальной, глобальной. Причем эти угрозы представляют собой порой причудливое сочетание сверхсовременных и архаичных элементов².

---

¹ Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.

² Данная проблематика рассмотрена в исследовании «Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития» (отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина). 2015. – Российская политическая наука: истоки и перспективы (под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной). В 5 тт. Т. 5. М., 560 с.

Однако расширением перечня вызовов и угроз проблемная ситуация в мире не исчерпывается. Качественно новые явления - взаимодействие глобальных угроз с сопутствующим ему куммулятивным эффектом; притупление страха перед новыми глобальными столкновениями как результат появления поколений, не знакомых с ужасами войны; отсутствие чёткой грани между войной и миром и появления новых состояний - «мировойны» или «войномира».

Представляется справедливым мнение гуру международно-политической науки Г.Киссинджера о том, что любые попытки преодоления нынешней беспрецедентной турбулентности в мире должны сопровождаться диалогом о зарождающемся миропорядке по следующим вопросам: какие тенденции разрушают старый миропорядок и формируют новый; какие вызовы эти изменения бросают национальным интересам государств; какую роль каждая из стран хочет играть в формировании нового миропорядка и на какое положение в нём может рассчитывать; как состыковать разные идеи о мировом порядке, которые проявляются в крупных странах на основе их исторического опыта¹.

Угрожающие масштабы приобрела конфликтность в международных отношениях. Возникают её новые формы, усложняется природа. В открытое противостояние крупных стран она не переходит по двум причинам – наличия у потенциальных участников конфронтации оружия массового уничтожения, в том числе ядерного, и высокой степени экономической взаимозависимости. Фактор ядерного сдерживания будет препятствовать прямому военному столкновению глобальных центров силы, вынуждая их прибегать к опосредованным формам поддержки противоборствующих субъектов.

Вместе с тем нельзя исключить возможность непреднамеренного вооруженного столкновения ведущих держав в ходе эскалации кризисов. Нынешняя ситуация в мировой политике существенно отличается от того периода холодной войны (середина 60-х – середина 80-х гг.), когда были достаточно чётко очерчены «неприкасаемые» зоны геополитического влияния, а остальные пространства едва ли стоили риска прямой конфронтации. Современное геополитическое пространство как жизненная среда мирового сообщества является ареной жёсткого соперничества существующих и формирующихся центров силы.

Ситуация усугубляется дефицитом ответственности правящих кругов крупнейших государств, утратой морально-интеллектуальной основы для эффективного сдерживания. Отсутствуют такие стабилизаторы отношений между государствами, как общепризнанные правила внешнеполитического поведения и баланс сил доминирующих акторов. Роль важнейшего материального фактора стабилизации отношений между государствами сохраняет лишь ядерное оружие. Опаснейшая тенденция современности, отмечает отечественный учёный А. Арбатов, - банализация и рационализация ядерного

---

¹ Kissinger's Vision for U.S.- Russia Relations // The National Interest. 04/02/2016. Available: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111> (Accessed at: 21.03.2016).

оружия и самой ядерной войны, безответственная бравада на эти запретные темы»¹. В целом мир вступил в наиболее хаотичное и рискованное состояние после завершения Второй мировой войны.

Наиболее значимый для современного мира узел противоречий существует между: 1) Западом (США и Европой) и Россией; 2) США и Китаем, экономиками этих государств; 3) Россией и КНР (в латентной форме). Возможно возникновение в мире и других линий размежевания, например, на почве противодействия исламскому радикализму, который, несмотря на снижение привлекательности среди единоверцев-мусульман, является долговременным фактором мировой политики. Такой тренд мог бы объединить ведущие центры силы современного мира, превратив их если не в союзников, то в долговременных партнёров.

Изначально Запад считал Россию державой, проигравшей в холодной войне, и был готов инкорпорировать её в «Большой Запад» прежде всего в экономическом плане, но не как суверенное государство, обладающее собственными национальными интересами и возможностями их реализации. С конца 90-х гг. всё более отчётливо выявлялось несовпадение внешнеполитических интересов российского политического класса и правящих кругов Запада по вопросу о месте России в мире, несоответствие её потребностям складывающейся конфигурации межгосударственных взаимодействий.

Нынешняя конфронтация между Россией и Западом по ряду параметров обладает признаками «холодной войны» второй половины XX в. – политическим противостоянием, взаимными санкциями, информационным соперничеством, вооружёнными конфликтами (прежде всего на Украине и в Сирии), аналогичными тому, как это происходило в Корее, Вьетнаме или Анголе во времена биполярности. Просматривается идеологическая составляющая противоборства: различные представления о будущем миропорядке – как «благожелательная гегемония» США и взаимодействие равноправных партнёров; приверженность США «просвещённому лидерству» и России – полицентризму; продвижение к западной модели демократии и утверждение принципов национального суверенитета, невмешательства во внутренние дела государств.

По мере усиления напряжённости в отношениях между США и Россией всё более значимым пространством конкурентной борьбы становятся бывшие советские республики от Восточной Европы до Кавказа и Центральной Азии, образующие буферные государства, которые защищают ядро страны от иностранных вторжений, а также предоставляют России канал для проецирования влияния вовне. В отношении государств постсоветского пространства внешнеполитическая стратегия США будет направлена, во-первых, на продвижение позиций и интересов этой страны путём расширения двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами СНГ; во-вторых, на реализацию региональных проектов, способных снизить зависимость

---

¹ Арбатов А.Г. До основания, а затем... Устарел ли контроль над ядерными вооружениями? // Россия в глобальной политике. 2017. №3. Май-Июнь. С.92.

европейских государств от российских энергоносителей; в-третьих, на поиск возможностей сдерживания роста влияния Китая и России.

Согласно прогнозу американской аналитической кампании «Стратфор», в условиях американо-российского противостояния США будут стремиться усилить давление на Россию в граничащих с ней государствах по следующим направлениям: 1) путём расширения контактов с прозападными странами через продажу оружия и проведение военных учений; 2) предлагая экономические стимулы и гарантии безопасности государствам, зависимым от России, - членах возглавляемого ею Евразийского экономического союза и военного блока Организации Договора о коллективной безопасности.

По мнению авторов прогноза, усилия Соединенных Штатов, направленные на то, чтобы проникнуть в граничащие с Россией районы, в свою очередь, будут определять её действия против Запада. Стремясь использовать раскол Европы и подорвать единство ЕС и НАТО, Россия будет активно участвовать в проведении гибридной войны, вмешиваясь в политику других стран, распространяя пропаганду, проводя кибератаки и тайные операции против западных и ориентированных на Запад стран. Хотя России, возможно, не удастся компенсировать посулы Соединенных Штатов государствам на бывшей советской периферии, она может вызвать серьезную нестабильность в приграничных районах, сделав их ключевым полем битвы в рамках более широкого американо-российского противостояния¹.

Ситуация конфликтности усугубляется особенностями взаимовосприятия США и России, рассматривающими друг друга в качестве нисходящих держав. В США Россия воспринимается как демографически и экономически угасающая держава, изо всех сил стремящаяся удержаться в числе ведущих стран мира, но своими действиями, направленными на создание сферы влияния и доминирования, приближающая неизбежный коллапс. В России США оцениваются как держава, которая прошла пик своего могущества и стремится трансформировать доминирование в лидерство, позволяющее обеспечить высокую степень контроля над миром, воспрепятствовать подъёму новых центров силы, перераспределению глобального влияния. Евросоюз воспринимается как неустойчивое интеграционное объединение с неопределёнными

---

¹ The U.S.Zeroes in on Russia's Borderlands. Assessments. Nov.15. 2018. Stratfor. Worldview. Available: <https://worldview.stratfor.com/article/us-zeroes-russias-borderl> (Accessed: 20.12.2018).

перспективами или вообще лишённое будущего. Такое взаимовосприятие участников противостояния существенно сужает возможности для компромиссов и договорённостей

Противостояние характеризуется одновременно стремлением его участников избежать эскалации в полномасштабный конфликт, способный привести к катастрофическим последствиям, и в то же время созданием множества рискованных ситуаций, которые могут к такому конфликту привести.

Следует исходить из того, что отношения между Россией и Соединёнными Штатами в ближайшие годы будут варьироваться в диапазоне от открытого противостояния до умеренного взаимного сдерживания. Это обусловлено как общей логикой их развития, так и переживаемыми внутренними трансформациями, что негативно повлияет на выстраивание конструктивного взаимодействия между государствами. Проявлением конфронтационности со стороны администрации США служит содержащаяся в Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2017 г., оценка России и Китая как главных угроз существующему миропорядку, американскому влиянию и ценностям.

Представляется обоснованным мнение бывшего заместителя госсекретаря США и посла в России У. Бернса о состоянии и перспективах российско-американских отношений. Констатируя наличие в недавнем прошлом у США и России иллюзий относительно возможности стратегического партнёрства, он прогнозирует: «Реальность такова, что в обозримом будущем наши отношения с Россией будут оставаться отношениями соперников, а временами и врагов. Это объясняется прежде всего фундаментальными различиями в их мировоззрении и в том, как они видят роль друг друга в мире»¹.

Тем не менее, даже в условиях неблагоприятной политической конъюнктуры сохраняется потенциал для налаживания сотрудничества по важнейшим проблемам мировой политики. Несмотря на усилившиеся взаимное недоверие и рост напряжённости в отношениях между Россией и Западом, на базе общих интересов возможны совместные действия по таким вопросам, как прекращение конфликта на Украине и гражданской войны в Сирии, преодоление кризиса на Корейском полуострове, реализация договоренностей по ядерной программе Ирана, нераспространение ядерного оружия, отпор радикальному исламу, и др. Снижение интенсивности негативного тренда мировой политики может предопределить переход сторон от формулы «противник-партнёр» к более естественной формуле «партнёр-соперник».

---

¹ Burns W.J. How We Fool Ourselves on Russia/ The New York Times 07.01.2017.

Хотя перспективы новой разрядки и тем более «перезагрузки» весьма туманны, уже в обозримой перспективе могут быть предприняты меры по повышению уровня доверия: сохранение имеющихся механизмов контроля над вооружениями – Договора РСМД и Договора СНВ; взаимный отказ от информационных войн и пропагандистских кампаний, нерасширение НАТО на восток, создание механизмов для предотвращения опасных инцидентов в открытом море и воздушном пространстве.

Заслуживает внимания мысль бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера о том, что «долгосрочные интересы США и России требуют, чтобы мир превратил нынешнюю турбулентность и переменчивость в новое равновесие, которое будет всё более многополярным и глобализованным». Для стабилизации обстановки в мире, полагает он, «любые попытки улучшить отношения обоих государств должны сопровождаться диалогом о зарождающемся новом мировом порядке». В центр этого диалога Г. Киссинджер рекомендует поставить следующие вопросы. Какие тенденции разрушают старый порядок и формируют новый? Какие вызовы эти изменения бросают российским и американским национальным интересам? Какую роль каждая из стран хочет играть в формировании этого нового порядка, и на какое положение в нем они могут рассчитывать? Как нам состыковать очень разные идеи о мировом порядке, которые появляются в России, США и других крупных странах на основе их исторического опыта? Цель диалога, согласно Г. Киссинджеру, «должна заключаться в том, чтобы разработать стратегическую концепцию российско-американских отношений, в которой можно преодолеть пункты противоречий»¹.

Для формирующегося миропорядка соперничество между США и Китаем, экономиками этих стран более значимо, чем противоречия между Западом (США и Европой) и Россией. Возможен и вариант взаимодополнения и переплетения этих противоречий, логика которого будет подталкивать Россию и Китай к сближению с целью создания противовеса США.

Превращение Китая во вторую экономику мира и государство с расширяющейся зоной геополитического влияния влечёт за собой серьёзные последствия для глобального баланса сил и положения Соединённых Штатов в качестве единственной сверхдержавы. Претензии Китая на утверждение в качестве регионального гегемона, а в перспективе и на мировое лидерство воспринимаются американским политико-академическим сообществом как подрыв основ существующего мироустройства и лидерских позиций Соединённых Штатов.

---

¹ Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations. The National Interest February 4, 2016. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111> (Accessed: 21. 7.2016).

В новейшей американской военной аналитике Китай оценивается как государство, ведущее холодную войну против США с целью замены их в качестве лидирующей сверхдержавы. Ссылаясь на работы Председателя КНР Си Цзиньпина, чьё мировоззрение недавно было закреплено в конституции страны, участники форума по безопасности в Аспене (Колорадо), состоявшегося в июле 2018 г., характеризовали эту холодную войну как отличающуюся от противостояния СССР и США, но тем не менее классическую по своим целям с использованием всех возможностей – законных и незаконных, экономических и военных для подрыва позиций соперника, не скатываясь к открытому конфликту. Согласно заявлениям высокопоставленных чиновников, включая директора ФБР К. Рея, директора Национальной разведки Д. Коутса, Китай в настоящее время во многих отношениях представляет собой самую масштабную, самую сложную, самую серьёзную угрозу, с которой сегодня сталкиваются США¹

Важнейшим плацдармом в геополитическом соперничестве США и Китая является Восточная Азия. Нарастание Китаем военного присутствия в Южно-Китайском море расценивается Соединёнными Штатами как стремление расширить геополитическое влияние, создав плацдарм для контроля над морскими коммуникациями в этом районе Мирового океана, позволяющий максимально дистанцировать тихоокеанскую группировку ВМС США от береговой линии КНР и тем самым поставить под вопрос американское превосходство в западной части Тихого океана. Открытие в августе 2017 г. первой китайской военной базы за рубежом в районе Африканского Рога (Джибути) свидетельствует о создании потенциала не только для регионального, но и глобального проецирования силы.

Противодействуя укреплению военных возможностей Китая в АТР, США активно используют недовольство соседних государств освоением им спорных территорий, способное перерасти в открытый конфликт. Цель – через мобилизацию геополитических соперников девальвировать значение создаваемой на искусственных островах китайской инфраструктуры, заставить его тратить ресурсы в соперничестве с малыми странами ЮВА. К проблеме нейтрализации китайского вызова в Южно-Китайском море Соединённые Штаты всецело подходят с позиций неореализма во внешней политике, основывающегося на балансе сил.

Сферой соперничества США и Китая становятся новейшие системы оружия, такие, как беспилотные летательные аппараты, перспективные виды боевой авиации, боевые лазеры, робототехника, кибероружие и т.д. По оценке отечественных учёных из ИМЭМО РАН, в области обычных вооружений это соперничество наиболее остро

---

¹ Tarabay J. CIA official: China wants to replace US as world superpower. Available at: <https://edition.cnn.com/2018/07/20/politics/china-cold-war-us-superpower-influence/> (Accessed: 11.10.2018)

проявится в военно-морском сегменте. В результате к концу прогнозного периода (2035) Китай сможет создать серьёзные проблемы для США в случае попыток ограничить сферу его влияния и прежде всего в прилегающих к нему акваториям¹.

Просматривается перспектива вывода американско-китайского соперничества за пределы традиционного геополитического пространства – в космос. Общие черты стратегической деятельности США и Китая в этой сфере таковы. Во-первых, оба государства преследуют схожие цели: поддержание престижа, содействие социально-экономическому развитию и защита суверенной территории. Во-вторых, их объединяет видение развития космической отрасли в контексте подготовки к ведению боевых действий в XXI веке².

В американской правящей элите и экспертном сообществе существует консенсус в оценке роста военного потенциала Китая и его активной политики как долгосрочного стратегического вызова доминированию США в АТР, Латинской Америке и Африке. Если в нулевые годы преобладало мнение о необходимости для Соединённых Штатов в отношениях с КНР следовать сбалансированной политике, сочетающей элементы сдерживания этой страны с достижением взаимоприемлемых соглашений по спорным вопросам, и даже обсуждалась идея создания американско-китайского тандема (G-2) для формирования нового миропорядка, то меняющееся соотношение сил переставало служить основой для гармонизации стратегических интересов двух стран. Отношения с Китаем рассматриваются во многом с точки зрения геополитического противоборства и военно-политического противостояния, делая ставку на сдерживание внешнеполитической активности этого государства как «ревизионистского», угрожающего доминированию США.

Стратегия сдерживания Китая осуществляется по следующим направлениям: усиление американского присутствия в АТР; укрепление силового потенциала союзников и партнёров в регионе для противовеса растущей мощи КНР; сужение пространства для геополитического маневрирования КНР путём включения государств, расположенных по периметру китайских границ, в западные структуры и зоны влияния. В целях сдерживания роста китайского влияния администрацией Д.Трампа акцентируется важность партнёрства «четырёх демократий вокруг Китая» - США, Японии, Австралии и Индии. Известный американский геополитик Р.Каппан рекомендует нынешней администрации стремиться к проецированию силы и влияния в «ближнем зарубежье» Китая и России в большей степени, чем это делала предшествующая администрация

---

¹ Мир 2035. Глобальный прогноз/под ред. акад А.А..Дынкина/ ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН. С.323-324.

² Дрожжанин Е.В. Новое измерение американско-китайских отношений //Мировая экономика и международные отношения. 2017. №10. С.54.

Б.Обамы, чтобы создать более благоприятный контекст для переговоров, избегая открытого конфликта с обоими государствами ¹.

Взаимные недоверие и подозрения между Китаем и США создают условия для роста напряжённости и вероятного возобладания конфронтации в отношениях между ними. В этой связи экспертами и политиками высказываются опасения по поводу упрочения позиций Китая благодаря его партнёрству с Россией. «Китай, - полагает американский политолог Р.Мерри, - является государством, которое обладает наибольшей силой, чтобы бросить вызов роли Америки в мире, выдавливая её из Азии назад к опорному плацдарму – Гаваям». Согласно его рекомендации, «Соединённые Штаты должны стремиться увести Россию от флирта с Китаем, который наблюдался в последнее время»².

С позиций Realpolitic США при всей остроте противостояния с Россией более озабочены сдерживанием Китая и не желают её вассализации азиатским гигантом. В ряде публикаций высказывается мысль о возможности создания американо-российского альянса для сдерживания Китая. В этой связи симптоматичны рассуждения Г. Казинаниса, директора оборонных исследований Центра национальных интересов, основанного бывшим президентом США Р. Никсоном, «А почему бы и нет?», – полагает он. «Набирающая мощь держава, которая бросает вызов международному порядку, может превратить даже заклятых врагов в союзников... Хотя формирование подобного альянса, возможно, не произойдет прямо сейчас, а вооруженное столкновение, скажем, из-за Украины или Сирии может отсрочить или даже полностью уничтожить все шансы на геополитическое партнерство, существует вполне реальная вероятность того, что в будущем Россия и Америка все же объединятся, чтобы противостоять Китаю. В прошлом возникали и гораздо более странные альянсы. Хотя сегодня мы имеем все основания считать Россию государством-изгоем, завтра она может стать нашим партнером в сдерживании общего врага»³.

Американский историк Х. Брэндс в статье для Bloomberg рекомендует администрации Д. Трампа в отношениях с Россией достичь новой разрядки напряжённости и даже стратегического партнёрства, чтобы ослабить более серьёзную и

---

¹ Kaplan R. What Next for Donald Trump? (Symposium) //The National Interest. Januарu – February 2017. P. 14.

² Merry R. What Next for Donald Trump? (Symposium) //The National Interest. Januарu – February 2017. P.5-24.

³ Kazianis H. J. The Coming American-Russian Alliance Against China. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-coming-american-russian-alliance-against-china/> (Accessed: 11.10.2018).

долговременную угрозу со стороны Пекина. «Исторический опыт, – прогнозирует он, – указывает на то, что эти огромные амбициозные страны с общей границей на тысячи километров со временем выступят друг против друга. И они знают об этом». Х. Брэндс предлагает повторить дипломатический манёвр Г. Киссинджера, который поездкой в Китай в 1971 г. осуществил удачный дипломатический ход, разобшив главных соперников США, Китай и Советский Союз. Для присоединения России к Западу с целью сдерживания Китая он призывает администрацию Трампа проявить готовность к далеко идущим уступкам и компромиссам в отношениях с этой страной ¹.

Переплетение торгово-экономических интересов США и Китая в определённой степени способно оказывать сдерживающее влияние на геополитическое соперничество в обретении позиционных преимуществ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако оно не может быть надёжной гарантией от конфликтов между этими государствами в будущем. Представляется обоснованной гипотеза российского учёного-американиста О.В.Приходько о вероятной перспективе американо-китайского соперничества-соразвития: «Характер эволюции американо-китайских отношений за последнее десятилетие позволяет предположить, что на каком-то этапе геополитические противоречия между двумя странами могут приобрести антагонистический характер и взять вверх над сдерживающими факторами, в том числе над взаимной экономической выгодой» Гипотетически возможно возникновение ситуации, когда одной из стран придётся или уступить свои позиции в АТР, или вступить в конфликт за сохранение статус-кво в регионе ². В ситуации подозрительности и обоюдной настороженности ведущих держав вероятны любые конфликтные инциденты. Однако необходимое для военного сценария сочетание конфликтных мотиваций и провоцирующих обстоятельств не сформировалось.

Представляется обоснованной оценка отечественными исследователями американо-китайских отношений на протяжении прогнозного периода (2035 г.) как *напряжённого партнёрства*. К концу этого периода Китай будет располагать военным потенциалом, способным создать серьёзные проблемы для США в случае попыток

---

¹ Brands H. Trump Can't Split Russia From China – Yet. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-07-31/trump-can-t-split-russia-from-china-yet> (Accessed: 11.10.2018).

² Приходько О.В. США и ЕС: конкурирующие подходы в отношении Китая // США-Канада: экономика, политика, культура. 2018. №3. С.38.

ограничить сферу его влияния, что относится прежде всего к прилегающим к территории страны акваториям.¹

Потенциально конфликтогенны российско-китайские отношения, несмотря на декларируемое обеими сторонами привилегированное стратегическое партнёрство. На смену «западному гегемонизму» может придти «восточный» - более агрессивный в достижении своих целей «молодой» глобальный актор. Повышение мировой значимости Китая создаёт для России опасность оказаться в неприемлемой для себя роли «ведомого» партнёра, утратить позиции в региональных сферах своего влияния, особенно в Средней Азии. При обострении конфликтов с соседями по региону или отношений с Соединёнными Штатами Китай может потребовать от России действий, не отвечающих её интересам.

Возможности минимизации рисков попадания в зависимость от Китая для РФ, видимо, лежат в двух плоскостях: во-первых, формирования правовой, финансовой и институциональной инфраструктуры с целью обеспечения своих интересов; во-вторых, создания стратегических балансов путём нормализации отношений со странами Запада и углубления сотрудничества с влиятельными азиатскими государствами – Японией, Индией и Южной Кореей.

В целом следует согласиться с оценкой американским геополитиком Р.Капланом противоречий между ведущими акторами Евразии – Россией и Китаем как трудноустраимых по следующим причинам. Россия интересуется Китай как стабильный поставщик природных ресурсов и младший (учитывая размеры и структуру экономики), неравноправный партнёр. Жёсткий антизападный курс России ограничивает пространство её геополитического манёврирования в двусторонних отношениях с Китаем, что устраивает последний, поскольку гарантирует безопасность северных рубежей²

Представляется обоснованной обобщающая оценка отечественными исследователями из ИМЭМО РАН причины роста потенциала конфликтности в отношениях между ведущими государствами: «На смену исчезнувшему четверть века тому назад противостоянию социализма и капитализма пришёл конфликт интересов, ценностей и идентичностей с сильными национальными, религиозными и историко-культурными акцентами»³.

---

¹ Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А .А.Дынкина. М., 2017. С.321, 323

² Kaplan R. The Return of Marco Polo's World. War, Strategy, and American Interests in the Twenty-First Century. New York: Random House, 2018. P.21.

³ Мир 2035. Глобальный прогноз. С.11.

Типичными для современного мира становятся вооружённые или сопряжённые с массовыми беспорядками внутригосударственные конфликты (нередко с ограниченным внешним военным вмешательством). Их ареал постепенно расширяется, охватывая не только государства Азии и Африки, страны СНГ. Риски таких конфликтов начинают проявляться и в рамках Евросоюза.

Прогнозируем рост числа межгосударственных столкновений малых государств из-за доступа к источникам сырья, включая морские углеводородные и рыбные ресурсы, пресную воду. Ввиду ограниченности потенциалов сторон такие конфликты будут ограниченными по масштабам и непродолжительными.

На перспективу до 2035 г. отечественными исследователями из ИМЭМО РАН прогнозируется неизбежное усиление глобальной конфликтности. В мире политики оно будет вызвано ресурсными и социальными ограничителями, а также попытками традиционных политических сил сохранить влияние посредством консервации общественного сознания. В социальной сфере потенциал конфликтности будет повышаться в связи с растущим неравенством как в старых, так и в новых его формах, вызванных переформатированием структуры общества – размытием среднего класса, уходом в отрыв элиты, формирующейся на базе экономики знаний и инноваций. В мировой экономике следует ожидать наступления периода повышенной турбулентности, связанной с поисками более действенных инструментов обеспечения устойчивого роста, структурными сдвигами в промышленности, энергетике и финансовой сфере, которые неизбежно скажутся на будущем соотношении потенциалов отдельных групп стран и регионов мира¹.

К числу важных особенностей конфликтности авторы Прогноза обоснованно относят снижение её порогов и рост внутренних и трансграничных очагов напряжённости². Конфликтный потенциал современных обществ будет повышать градус напряжённости и увеличивать разрыв между инструментарием развития, с одной стороны, и неуклонно возрастающими потребностями – с другой. В этой связи повышается значимость регулятивной способности элит к эффективному согласованию противостоящих интересов³.

Согласно Прогнозу, ожидаемы пространственное расширение и рост числа международных конфликтов, увеличение масштабов их разрушительности. Конфликты будут носить не только трансграничный характер, но и охватывать несколько стран и целые регионы. Они будут возникать и развиваться преимущественно под воздействием причин, не зависящих от великих держав. В случае развития

---

¹ Там же. С.13-14.

² Там же. С.36.

³ Там же. С.79.

международных процессов по конфронтационным сценариям (длительное противостояние РФ и Запада, возникновение новой относительной биполярности США – Китай и образование вокруг полюсов альянсов и партнёрств) расширится вовлечённость в конфликты глобальных центров силы.

При этом ядерный фактор сыграет сдерживающую роль в соперничестве великих держав, вынуждая их действовать в основном опосредованно путём оказания поддержки противоборствующим субъектам. Против лобового конфликта будет действовать сохраняющаяся экономическая и гуманитарная взаимозависимость ведущих акторов мировой политики (в первую очередь КНР и Запада). Вместе с тем нельзя исключить возможность непреднамеренного столкновения центров силы в ходе эскалации кризисов¹.

По мнению ряда известных мыслителей (Умберто Эко, Зигмунд Бауман, Ульрих Бек, Параг Ханна и др.), ХХI век будет эпохой этнических и этноконфессиональных конфликтов, во многом определяющих постмодернистский феномен Нового Средневековья как доминирования норм и практик, сходных со средневековыми, - упадка государств, децентрализации и кризиса систем управления, противоборства групп влияния, соперничества преступных сообществ, деградации цивилизованных форм устройства общественной жизни. Придерживающийся этой точки зрения отечественный историк Г.Мирский считает, что в условиях идеологического противостояния двух мировых систем такие конфликты, оставались «замороженными», но теперь нации, этнические группы, конфессиональные сообщества принялись сводить друг с другом старые счет²

Выход из кризисов в мире децентрализованной власти, где неотъемлемой частью дипломатического пейзажа являются международные корпорации, политические династии, религиозные радикалы и университетские интеллектуалы, Параг Ханна видит в использовании инструментария мегадипломатии, способной, по его мнению решить экономические проблемы, преодолеть политические интриги и упорное нежелание элит распорядиться глобальными ресурсами в интересах рядовых граждан. Такой альтруистический сценарий, утверждает Параг Ханна, позволит объединить усилия правительств, бизнесменов, деятелей науки и культуры и обычных граждан для того, чтобы за новым Средневековьем последовало новое Возрождение³

Несмотря на наличие объективных предпосылок глобальной конфликтности предотвращение и завершение крупномасштабных и особенно вооружённых конфликтов – необходимое условие для формирования мирового порядка. Период биполярной

---

¹ Там же. с.238-239

² Мирский Г.И. Возврат в Средневековье? //Россия в глобальной политике. 2006. №5.

³ Параг Ханна. Как управлять миром. М.:Астрель, 2012. 320 с.

конфронтации был небезопасным в связи с существовавшей угрозой ядерной войны. Но в целом мир был более стабильным и управляемым, поскольку элитами осознавалась необходимость предотвращения прямого столкновения сверхдержав ввиду его катастрофических последствий для человечества. Опасность взаимного уничтожения способствовала совершенствованию переговорной культуры, формированию стратегий компромисса, регулированию международных отношений через право и нормотворчество. В современной ситуации снижения управляемости конфликтами повышается вероятность прямого столкновения между Россией и США вследствие цепи случайностей на фоне эскалации кризиса в отношениях между ними.

В процессе становления нового миропорядка «центры силы» будут сталкиваться с проблемами и вызовами их безопасности, существенно отличающимися от современных. Это потребует постоянной корректировки политики с учётом размаха и скорости перемен, особенностей возникающих ситуаций. Прав Г. Киссинджер в следующей констатации: «...Ни одна из ведущих стран, которым предстоит строить международный порядок, не имеет ни малейшего опыта в рамках нарождающейся многогосударственной системы. Никогда прежде новый мировой порядок не создавался на базе столь многообразных представления, в столь глобальном масштабе»¹.

В контексте формирующегося миропорядка к числу наиболее острых политических и идеологических проблем современности, не имеющих однозначного решения, относится силовое гуманитарное вмешательство. Предстоит выработать общепринятые критерии допустимости такого вмешательства и «принуждения к миру».

Согласно распространенным представлениям, первые десятилетия XXI в. будут периодом не менее, а может быть и более опасным для мирового сообщества, чем вторая половина XX в. Известный американский социолог И.Валлерстайн считает вероятными прямые нападения маргинализированного Юга на страны «богатого» Севера, захватнические войны между государствами Юга с применением оружия массового уничтожения, усиление нестабильности в отношениях развитых государств. Главный источник опасности для стран Севера он видит в массовых миграциях населения Юга, которые могут привести к разнообразным деструктивным последствиям. Как показывают события последних лет не лишен резона прогноз: «На протяжении следующих пятидесяти лет мир обещает быть намного более жёстким, чем во времена холодной войны, из которых он вышел»².

Перед сообществом цивилизованных государств, определяющих параметры и направленность глобальных процессов, еще острее встанет проблема создания условий

---

¹ Киссинджер Г. Дипломатия /Г. Киссинджер. М. 1997. С.18.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века .Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М., 2003. С.85.

для преодоления отсталости беднейших стран. К этому их будут подталкивать не столько гуманитарные соображения, сколько страх перед неконтролируемой миграцией из регионов Юга, исходящая оттуда угроза наркобизнеса и терроризма. Действие этих факторов, по всей вероятности, заставит развитые и богатые страны предпринять экстраординарные меры с целью обеспечения ускоренного экономического роста беднейших регионов Юга и устойчивого повышения в них среднедушевого дохода.

Простое перераспределение общественного продукта мирового сообщества, исходя из принципов филантропии и благотворительности, не позволит решить проблемы отсталости беднейших стран. Радикальный путь – пробуждение внутренней энергии саморазвития в странах Юга.

Поскольку полицентризм ещё не стал устоявшейся реальностью, демонстрирующей очевидные преимущества перед недавним доминированием Соединённых Штатов, многие аспекты этого феномена должным образом не исследованы и дискуссионны в теоретико-концептуальном и практически-политическом отношениях. Большинство экспертов оценивает современный мир как бесполярный¹ и полицентрический с тенденцией к биполярности в новой форме, в которой роль «полюсов» будут играть либеральный и авторитарный капитализм (США – Китай). Мир можно рассматривать как биполярный, исходя из наличия в США и России наиболее крупных ядерных потенциалов по сравнению с другими членами ядерного клуба. Учёными и политиками нередко высказываются опасения по поводу того, что на смену нынешнему мироустройству придёт еще менее предсказуемое и нестабильное состояние международной среды, напоминающее Версальский миропорядок с характерным для него постоянным поиском баланса интересов.

В углублённом анализе нуждаются такие принципиальные вопросы, как принадлежность различных международных акторов к числу центров силы, конфигурация и структура формирующегося полицентризма, достоинства и недостатки полицентрических миросистем. Остаются неизученными фундаментальные вопросы регионального стратегического баланса и соперничества, являющихся причиной напряжённости и потенциально способные привести к катастрофе. Применительно к императивам полицентризма предстоит уяснить смысл понятия «управляемость», адаптировать государственные и межгосударственные институты, которые для выполнения своих функций не могут быть такими иерархическими, как внутригосударственные.

---

¹ Концепция «бесполюсного мира» разработана отечественным учёным Э.Я.Баталовым (См.: Баталов Э.Я. Мировой порядок и мировое развитие. М., 2005). К сходному выводу позднее пришёл американский учёный Р.Хаас, президент влиятельного Совета по международным отношениям(См.: Хаас Р. Эпоха бесполярного мира// Россия в глобальной политике. 2008. №4) .

Г. Киссинджер в работе «Мировой порядок» (2014) резонно констатирует отсутствие целостного концептуального подхода к основным трендам мирового развития и их направленности: «Мы живём в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка»¹.

В связи с обостряющейся конкуренцией различных акторов, прежде всего государств, за достижение наиболее высокого статуса и преобладающего влияния на глобальном и региональном уровнях актуален вопрос о формировании устойчивого эквilibriumа который обеспечивал бы международную стабильность, способствовал решению проблем как мирового сообщества в целом, так и его отдельных сегментов. Регулятивные механизмы поддержания такого равновесия наряду с силовыми факторами должны включать и морально-этические, позволяющие гармонизировать национальные интересы, ограничивать и предотвращать проявления деструктивности, особенно чреватые катастрофическими последствиями для человечества. Важно также, чтобы соперничество государственных и негосударственных акторов велось по определенным правилам – зафиксированным в международно-договорном порядке или действующим на основе существующего политико-психологического консенсуса.

Современное положение дел в мире не даёт однозначного ответа на вопрос о том, какой мировой порядок может придти на смену эрозирующему моноцентризму Соединённых Штатов – полицентризм или относительная биполярность, где вторым центром станет Китай, если сумеет в полной мере стать современным государством, сменив модель своего экономического роста на постиндустриальную, перейдя от промышленного производства к услугам, от экспорта к внутреннему потреблению и от импорта технологий к созданию собственных инноваций. Новый мировой порядок окажется легитимным (а следовательно и эффективным), если в его создании примут участие не только наиболее влиятельные центры силы, но и всё мировое сообщество.

Миропорядок, опирающийся на взаимодействие нескольких «центров силы» вероятнее всего будет менее устойчивым, чем биполярный. Логика этого явления состоит в следующем: чем большее число элементов образуют систему, тем сложнее установить и поддерживать равновесие между ними²

---

¹ Kissinger H. World Order: Reflection on the Character of Nations and the Course of History. N.Y.- London. 2014. P.2.

² Svetlov V., Sidorov N. New Analytics of International Relations: System Forecast of Cold War's Outcomes. Advances in Systems Science and Applications, [S.l.], v. 17, n. 2, p. 1-13, sep. 2017. ISSN 1078-6236. Available at: <<http://ijassa.ipu.ru/ojs/ijassa/article/view/491>>. (Accessed: 18.10.2017).

С утратой иллюзий относительно солидаризации человечества под универсально позитивным воздействием глобализации и его встраивании в структуры постиндустриального общества с перспективой образования мирового правительства надежды на установление демократического миропорядка отодвинулись на неопределённое будущее. Произошёл ренессанс традиционной геополитики и лишились актуальности конвергентные схемы и теории. Мир вступил в период возрастания роли прагматизма и преимущественно «жёсткой» силы в отстаивании национальных интересов.

Выводы

Анализ перемен в функционирующем мироустройстве позволяет сделать следующие обобщения: 1) миропорядок будущего формируется из множества взаимосвязанных и влияющих друг на друга процессов и прежде всего трансформации моноцентричности Соединённых Штатов как единственного универсального глобального центра силы в иерархический и ассиметрический полицентризм; 2) новый мировой порядок окажется легитимным (а, следовательно, и эффективным), если в его создании примут участие не только наиболее влиятельные центры силы, но и всё мировое сообщество; 3) новый мировой порядок должен основываться на безусловном уважении суверенитета и территориальной целостности государств; 4) исторические прецеденты полицентризма в международных отношениях свидетельствуют о его нестабильности и непрочности, поскольку оставалось обширное поле для конфликтов и передела сфер влияния; 5) нет достаточных оснований утверждать, что полицентризм станет основой и гарантией разумной перестройки международных отношений; 6) интересам мирового сообщества отвечает понижение уровня глобальной конфликтности, возможное при уважении цивилизационных различий и использовании международно-правовых механизмов; 7) применительно к императивам полицентризма предстоит уяснить смысл понятия «управляемость», адаптировать государственные и межгосударственные институты, которые для выполнения своих функций не могут быть такими иерархическими, как внутригосударственные; 8) углубление конфронтации с Западом, сохраняющим лидерство в среднесрочной перспективе, существенно повышает для России риск технологического отставания и стратегически ослабляет её позиции в качестве одного из ключевых регуляторов полицентрического мира.

1.3. СОПЕРНИЧЕСТВО США, КИТАЯ И РОССИИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Важнейшей особенностью мирового развития в XXI веке является обострение соперничества ведущих центров силы современного мира США, Китая и России, по своей сути представляющего собой глобальный геополитический конфликт, в котором США, стремясь сохранить лидерские позиции, объективно выступают за консервацию своего привилегированного положения, а их соперники – Китай и Россия заинтересованы в трансформации существующего мироустройства в полицентрический миропорядок.

В Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в 2017 г., не говорится о «продвижении демократии», как в предшествующих вариантах Стратегии, а в качестве главной угрозы американскому влиянию, ценностям и богатству рассматривается усиление «ревизионистских» держав – Китая и России как «стратегических конкурентов». При этом подчёркивается, что Россия стремится отделить Америку от её союзников и партнёров, а Китай распространяет свою власть в ущерб суверенитету других и строит самую совершенную в мире военную систему после американской.

Исходя из положений новой Стратегии национальной безопасности, США, соперничая с такими странами, как Китай и Россия, намерены в большей степени действовать самостоятельно, без оглядки на международные организации. В то же время, согласно документу, они заявляют о стремлении «изыскивать области сотрудничества с этими конкурентами с позиции силы»¹. Обозначив Россию и Китай как своих главных стратегических противников, США тем самым фактически признали, что однополярного мира больше не существует.

В новой Стратегии подчеркивается, что Китай и Россия стремятся формировать мир, который противоречит американским ценностям и интересам. При этом, в Стратегии 2017 зафиксировано, что Россия имеет целью ослабить влияние США в мире и отделить Америку от её союзников и партнёров, а Китай распространяет свою власть в ущерб суверенитету других»

---

1. National Security Strategy of the United States of America December 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения: 05.03.2018)

и «строит самую совершенную в мире после американской военную систему. Исходя из положений новой Стратегии национальной безопасности, США, соперничая с такими странами, как Китай и Россия, будет в большей степени действовать самостоятельно, без оглядки на международные организации.

Соперничество ведущих держав сопровождается наращиванием военных потенциалов, что увеличивает риск крупных конфликтов между ними. Ситуация усугубляется эрозией режимов безопасности, сформировавшихся после окончания «холодной войны». В условиях роста конфликтности существенно снижается применимость «мягкой силы» в качестве инструмента внешней политики, позволяющего проецировать влияние путём культурной, экономической и ценностной экспансии. Эти процессы повышают уровень неопределённости и непредсказуемости в мире, увеличивают вероятность глобального военного столкновения.

В нынешнем десятилетии в полицентрическом мире наметились две линии размежевания. Одна – между Россией и НАТО/ЕС в связи с расширением этих альянсов на восток и особенно остро в связи с кризисом на Украине. Другая линия напряжённости существует между Китаем и США в связи со стремлением к военно-политическому доминированию в западной части Азиатско-Тихоокеанского региона, контролю над природными ресурсами и путями их транспортировки, а также по финансово-экономическим вопросам.

Геополитическое соперничество прямо или косвенно связано со сдвигами в балансе сил ключевых мировых акторов, прежде всего США и Китая. США при постепенном сокращении своих возможностей остаются наиболее мощным и самодостаточным центром силы. Американская элита переосмысливает роль страны в международной системе, пытаясь (хотя и непоследовательно) трансформировать монопольно регулирующую роль в глобальное лидерство.

В подходах американского политико-академического сообщества к вопросу о роли США в формировании новой структуры мира преобладает идея «просвещённого лидерства» и «умной силы» как инструмента его обеспечения, представленная, в частности, такими известными экспертами в области международных отношений, как Зб. Бжезинский¹, Дж. Най², С. Брукс и У. Уолфорт³ и др. Критически важным для

---

¹ Brzezinski Zb K. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. N.Y., 2012..

² Nye J. Is the American Century Over? / John Wiley and Sons. 2015.

³ Brooks S.G., Wohlforth W. C. The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United States // Foreign Affairs. 2016. May/June. №3. Available

страны они считают способность и умение элиты сдерживать присущий ей гегемонистский синдром, соотносить свои интересы с интересами других акторов мировой политики, действуя с позиций ответственного лидера.

В центр дебатов о лидерстве США Г. Киссинджер в книге «Мировой порядок: размышления по поводу характера наций и хода истории» (2014) ставит проблему преодоления вакуума силы на международной арене, который, по его мнению, является фундаментальной причиной мирового беспорядка.

С точки зрения Г. Киссинджера, Соединённые Штаты должны играть лидирующую роль в формировании мирового порядка, позиционируясь не как морализирующий глобальный полицейский, а как жёсткая и реалистичная держава, действующая со своими союзниками и даже соперниками для сохранения равновесия, а также удержания угрозы войны в приемлемых рамках. Поиск баланса между внешней политикой, основанной на ценностях, и реал-политикой он считает неизбежным для сверхдержавы¹.

Один из ведущих специалистов в области геополитики Р.Каплан, формулируя геополитический статус США и их стратегические интересы, характеризует это государство как глобальную морскую державу, главная цель которой, как ранее Британской империи, - поддержка свободной торговли по всему миру и обеспечение свободы мореплавания, поскольку большая её часть осуществляется по морю. При этом особо подчёркивается стратегическое значение Персидского залива с Ормузским проливом, Малаккского пролива, а также Суэцкого и Панамского каналов, через которые пролегают крупнейшие транспортные пути, используемые для перевозки нефти и других продуктов первостепенной важности. Ключевыми инструментами реализации Соединёнными Штатами своей глобальной миссии геополитик считает морскую и воздушную мощь, а сухопутные войска рассматривает как вторичные, применение которых сопряжено с большими издержками, примерами чего ему представляются Вьетнам в прошлом и Ирак после 2004 г. ² Поэтому, по его мнению, предпочтительно, оказывать влияние издалека, без прямого вмешательства во внутренние политические процессы ².

---

at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (Accessed 28.11.2016).

¹ Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History .N.Y., Allen Lane, 2014.

² Kaplan R. The Return of Marco Polo's World. War, Strategy, and American Interests in the Twenty-First Century. New York., 2018. P.39.

² Ibid. P.41.

Преимущества Соединённых Штатов перед основными геополитическими соперниками – Китаем и Россией видятся Р.Каплану в наличии у них этнических, политических и экономических проблем, несопоставимых с кажущимися незначительными трудностями США. «Их стабильность и само существование как единых государств,- полагает он,- в будущем выглядят сомнительно, чего не скажешь об Америке»¹.

Согласно Р.Каплану, стратегической целью Соединённых Штатов в Евразии должна быть поддержка геополитического баланса, чтобы не допустить доминирования какой-либо державы в Восточном полушарии, а важнейшим средством её достижения – максимальное использование противоречий между ведущими акторами.

В современных условиях американское лидерство, отнюдь не бескорыстное и сопряжённое с немалыми издержками для других государств, видимо предпочтительнее отсутствия всякого лидерства. В той мере, в какой это лидерство сможет содействовать выработке согласованных решений, оно будет полезным для противодействия хаотизации в международных отношениях и формирования глобального миропорядка.

Определённой популярностью в США пользуются и неоизоляционистские взгляды, проявившиеся в прошедшей кампании по избранию президента. Ближайшие годы покажут, насколько реализуются предвыборные заверения Д. Трампа о необходимости сконцентрировать усилия и ресурсы на внутренних проблемах и сократить политический активизм за пределами страны.

В меняющемся глобальном контексте американское экспертное сообщество занято поисками новых возможностей для изменения баланса сил на мировой арене в пользу Соединённых Штатов и реализации базовых внешнеполитических приоритетов этой страны. В этой связи заслуживают внимания рекомендации, изложенные в исследованиях последних лет.

Аналитики Совета по международным отношениям Р. Блэквилл и Дж. Харрис считают остроактуальной для Соединённых Штатов проблему использования экономического инструментария для достижения внешнеполитических целей, активно применяемого в последние десятилетия могущественными «нелиберальными» странами, в первую очередь Китаем и Россией. Особого внимания, по мнению авторов, заслуживает опыт вовлечения Китаем других государств в свою геостратегическую орбиту методами геоэкономики, т.е. использования в политике экономического «кнута и пряника». В качестве примера приводится продвижение проекта «Нового шёлкового пути» в Евразии и запуск Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, чьи программы зачастую становятся альтернативой Всемирному банку. Авторы сетуют по

---

¹ Ibid.39.

поводу того, что после окончания холодной войны искусство «геоэкономики» оказалось Соединёнными Штатами «утраченным»¹.

Традиционным компонентом политики США остаётся продвижение демократии, но в связи с укреплением в последние годы позиций авторитаризма предлагается превратить противодействие ему в основу новой геостратегии Запада. Так, Б. Клаас из Лондонской школы экономики полагает, что настало время отказаться от прагматичного приспособления к недемократическим режимам, делающим Запад практически соучастником проводимой ими политики угнетения. Он признаёт, что противостояние авторитаризму чревато значительными издержками, но только последовательное отстаивание демократических принципов способно принести долгосрочные результаты².

К настоящему времени накопился обширный пласт публикаций об упадке Америки и возвышении Китая. Статистические показатели, демонстрирующие достижения Китая в экономике, сопоставимость его ВВП с американским неправомерно интерпретировать как предстоящую смену лидерства. ВВП КНР по своим качественным характеристикам уступает США. Китайская экономика практически полностью зависит от импортных технологий и ориентирована в первую очередь на производство дешёвых товаров для рынков более развитых стран, включая США. Поэтому адекватно нынешнее официальное позиционирование КНР как «крупной развивающейся страны», стремящейся к стратегическому партнёрству со всеми великими державами.

Согласно мнению, преобладающему в экспертной среде, быстрый рост расходов на НИОКР и увеличение числа выпускников вузов по научно-техническим специальностям отнюдь не гарантируют Китаю преодоление технологического отставания от США. Итоговый вывод известного исследователя экономики КНР А. Крэбэра характерен для западного мейнстрима: в китайских условиях последовательный технический прогресс возможен, а технологическое лидерство недостижимо³.

Аналогичное видение перспективы развития инновационной сферы КНР высказывают и отечественные исследователи из ИМЭМО РАН. Согласно их прогнозу в

---

¹ Blackwill R.D., Harris J.M. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft . Cambridge-London., 2016.

² Klaas B. The Despot's Accomplice: How the West is Aiding and Abetting the Decline of Democracy N.Y., 2017

³ Kroeber A.R. China's economy. What Everyone Needs to Know/ A.R. Kroeber A.R. N.Y., 2016. . P. 237–240

период до 2035 г. Китай сохранит высокие темпы развития экономики и внесёт весомый вклад в глобальный экономический рост, обеспечивая 20-25% прироста мирового ВВП, будет осуществлять активную инновационную стратегию. Он займёт ведущие позиции по отдельным направлениям прикладных НИОКР, ориентированных на потребительский рынок и «зелёную экономику». Вместе с тем интенсивные факторы роста не станут движущей силой развития экономики, сохранится отставание в фундаментальных исследованиях, что станет важным стимулом к углублению научного сотрудничества с США¹.

В настоящее время Китай ведёт поиск новой, интенсивной модели роста, ориентированной прежде всего на внутренний потребительский спрос. Однако Компартия готова к осуществлению только тех преобразований, которые не подрывают её власть. Приоритетность сохранения режима и особого статуса КПК становится тормозом для проведения реформ, которые позволили бы Китаю совершить скачок до уровня постиндустриализма. Уместно вспомнить, что Советскому Союзу этот скачок так и не удалось осуществить.

Под воздействием ключевых вызовов для экономики формируется китайская стратегия взаимодействия с международными партнёрами: 1) исчерпание потенциала экспортно-ориентированной модели экономического роста, необходимость перехода к модели, движимой внутренним потреблением. 2) угроза роста внутренней социальной напряжённости вследствие предела производительности труда, постепенного превращения трудоёмких производств в капиталоемкие, активного внедрения в производственный процесс робототехники и трудосберегающих технологий, ускорения урбанизации и индустриализации. 3) обострение проблем обеспечения продовольственной безопасности вследствие урбанизации и роста населения².

Заслуживает внимания видение наиболее вероятной перспективы движения Китая по пути «жёсткого авторитаризма» известным американским исследователем Д.Шамбо. Согласно его прогнозу, китайская экономика застрянет в «ловушке среднего уровня доходов», социальные противоречия обострятся, что вызовет необходимость поиска иного пути развития. Выходом для Китая Д.Шамбо считает возвращение к «мягкому авторитаризму» периодов правления Цзянь Цзэминя и Ху Цзиньтао и его последующее перерастание в «полудемократию» сингапурского образца³.

---

¹ Мир 2035. Глобальный прогноз С.304-305.

² Арапова Е.Я. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №6. С.77

³ Shambaugh D. Contemplating China's Future // The Washington Quarterly, vol.39, no. 3, 2016, pp.121-130. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0163660X.2016>.

Привлекательность китайской модели носит ограниченный характер, а имидж Китая в мире является неоднозначным или негативным за исключением некоторых азиатских и африканских стран. По оценке профессора Д. Шамбо, с конца 2000-х гг. репутация КНР в Азии ухудшилась из-за активной модернизации военного потенциала и ужесточения позиции в Юго-Восточной Азии ¹.

Серьёзные проблемы появляются в осуществлении концепции «Шёлкового пути», обосновывающей стратегию достижения Китаем мирового лидерства и являющуюся важным доказательством его геополитических амбиций. У властей нет чётких представлений о путях и способах её реализации, достаточности необходимых ресурсов для осуществления инфраструктурных проектов как внутри страны, так и за рубежом. Несмотря на определённые достижения стратегии «Шёлкового пути», особенно на территории Эфиопии (в частности, запуск железной дороги между портом Джибути и Аддис-Абебой, создание морской военной базы в Аденском заливе), военно-политические цели Китая вызывают рост антикитайских настроений в странах реципиентах и массовые протестные акции против присутствия инвесторов, участники которых обвиняют Китай в «неоколониалистских устремлениях».

Ряд стран (Бангладеш, Пакистан, Малайзия, Мьянма и др.) сокращают или полностью сворачивают проекты в рамках китайской инициативы «Нового Шёлкового пути» из-за опасений по поводу высокой стоимости таких крупномасштабных проектов, как строительство портов и железных дорог. Во многих странах растёт обеспокоенность по поводу долговой нагрузки.

Претензии Китая на большую часть акватории Южно-Китайского моря, в том числе возведение военной инфраструктуры на искусственных островах, являются источником напряжённости в его отношениях с США, а также соседями – малыми странами ЮВА, для реализации своих геостратегических интересов консолидирующихся на антикитайской основе. Конфронтация низкой интенсивности, операции по обеспечению свободы навигации и другие военные действия могут рано или поздно привести к кризису. Тем не менее по степени приоритетности во внешней политике Китая отношения с США как главным экономическим партнёром находятся на первом месте, а с Россией, претендующей на роль стратегического союзника Поднебесной, – на втором как «крупнейшим соседом и партнёром».

В новом ракурсе предстаёт стратегическая уязвимость Китая в связи с неопределённостью позиции США по «тайваньской теме» и готовностью использовать её для давления на Китай в качестве претендента на право быть единственным

---

¹ Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power . N.Y., 2013. .P. 9–11

признанным миром представителем всего Китая¹. В ближайшие годы США, видимо, будут более напористо и напрямую противодействовать Китаю в Южно-Китайском море и в вопросе Тайваня.

Для прогнозирования перспектив соперничества США и Китая следует учитывать не только экономические, научно-технические и военные факторы, но и институциональные. Несмотря на растущую мощь Китая, демократические институты Соединённых Штатов способны обеспечить превосходство над ним, открывая доступ к кредитам и создавая возможность заключения прочных союзов.

Фактором увеличения могущества США является широкая система партнёрств, которой не располагает ни одна другая страна. Они обеспечивают логистику и оборонно-техническое сотрудничество, необходимое и для успешного соперничества со странами-конкурентами.

Китай находится в относительной изоляции на международной арене, поскольку за исключением непродолжительного периода покровительства со стороны СССР в его истории не было союзников. Для характеристики отношений Китая с Северной Кореей и Пакистаном неприменимо понятие «альянс», а «стратегическое партнёрство» с Россией во многом носит конъюнктурный характер. От создания военного союза с Россией Китай по существу отказывается, заявляя о готовности развивать всестороннее сотрудничество, в том числе и военно-техническое. Такой альянс, вероятно, может возникнуть, если конкуренция между обоими государствами и Соединёнными Штатами окажется острее, чем двусторонние разногласия.

Следует согласиться с прогнозом создателя теории «мягкой силы» Дж.Ная о перспективах Китая: если Китай избежит крупных внутриполитических потрясений, объём и высокие темпы экономического роста несомненно увеличат относительную мощь этой страны в сравнении с Соединёнными Штатами, но вовсе не превратят в самую влиятельную мировую державу. Прогнозы, основанные на росте китайского ВВП, констатирует он, односторонни и не учитывают несопоставимость структуры американской и китайской экономик, преимущества американцев в военной и «мягкой» силе, а также неблагоприятные факторы геополитического положения Китая и баланс сил в Азии²

Сходного мнения о перспективах Китая в соперничестве с США придерживается и учёный из французского Института международных и стратегических исследований Ж.Венсан-Бриссе, автор статьи «Китай может так никогда и не нагнать США».

---

¹ Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. Китай: фактор съезда и фактор Трампа// Мировая экономика и международные отношения. 2017. №6. С.28-31.

² Nye J. Is the American Century Over? / J. Nye. – John Wiley and Sons. 2015.

опубликованной в журнале «Атлантико». Хотя Китай и стал ключевым экономическим игроком, констатирует учёный, это не позволило ему превратиться в богатое государство, а такой атрибут мощи, как вооружённые силы всё ещё отстают в качественном плане. Экономические успехи Китая достигаются в ущерб окружающей среде, общественному единству и соблюдению прав человека. Превращению Китая в державу мирового уровня, согласно прогнозу Ж.Венсана-Бриссе, будут препятствовать зависимость экономики от внешних рынков, которые не могут расширяться до бесконечности, бедность и старение населения, слабая сеть дипломатических связей. «Всё это, - резюмирует автор статьи, - формирует трудно контролируруемую ситуацию»¹.

Даже в случае превращения КНР во вторую сверхдержаву трансформацию нынешнего эрозирующего моноцентризма в новую биполярность не следует считать предопределённой. Дело не только в глубокой экономической взаимозависимости Китая и США, но и в стремлении большинства государств избежать подчинения своих многообразных интересов жёсткой военно-политической иерархии, лишиться свободы манёвра на международной арене, открывающей возможности участия в разных экономических, политических и региональных объединениях. В силу этих обстоятельств иерархизация миропорядка, которая была присуща биполярности эпохи холодной войны, в современных условиях едва ли воспроизводима.

Гипотетическая биполярность США и Китая будет свободна от жёсткого идеологического противостояния, характерного для советско-американских отношений. Скорее просматривается перспектива соперничества двух моделей капитализма – либерально-демократической (США) и государственно-бюрократической (КНР) как фактора, во многом определяющего содержание мировой политики.

Представляется небезосновательной озабоченность зарубежных учёных по поводу вероятности попадания международной политики в «ловушку Фукидида» – ситуацию, описанную древнегреческим историком в «Истории Пелопонесской войны», главную причину которой он видел в страхе Спарты перед стремительным усилением Афин. В современной интерпретации метафора «ловушка Фукидида», введенная американским учёным Г. Эллисоном, используется для описания ситуации, когда поводом к войне может послужить напряжённость в отношениях между наиболее могущественной державой (США) и «восходящей» – Китаем²

---

¹ Brisset J-V. Pourquoi la Chine pourrait ne jamais rattraper la super puissance américaine // Atlantico 12 Mars 2015 [Электронный ресурс]. <http://www.atlantico.fr/decryptage/pourquoi-chine-pourrait-ne-jamais-rattrapersuper-puissance-americaine-jean-vincent-brisset-2037000.html> (Accessed 28.10.2016)

² Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Kindle Edition / G. Allison – Boston-New York: 2017.

Авторы сборника «Следующая война? Истоки Первой мировой войны и риск конфликта между США и Китаем» (2015), подготовленного Р. Розенкранцем и Ст. Миллером к столетию Первой мировой войны, видят урок Пелопонесской войны не в неизбежности конфликта между США и Китаем, а в необходимости сдержанности со стороны обоих государств для поддержания мира. Они концентрируют внимание на выгодных отличиях современной международной системы от мира городов-полисов и Европы 1914 г. – лучшая подготовленность современных государств к политике маневрирования; устрашающая роль ядерного оружия; экономическая глобализация, интегрирующая народы и государства; отсутствие идеологии войны¹.

В политико-формирующем и экспертном сообществе США и Китая декларируется намерение работать над «новой моделью отношений», которая учитывала бы проблемы и претензии сторон и высокую степень взаимозависимости, особенно в экономической сфере, достигшую беспрецедентных масштабов. Потребность в создании «новой модели отношений» обусловлена необходимостью обоих государств, с одной стороны» обезопасить себя, купировав существующую конфронтационность, а с другой – сохранить взаимовыгодное экономическое партнёрство.

В развернувшемся центро-силовом соперничестве Россия является относительно слабым актором (прежде всего с точки зрения экономики). Её доля в мировом ВВП составляет около двух процентов, а экономические перспективы достаточно проблематичны и во многом зависят от смены нынешней энерго-сырьевой парадигмы на инновационную, возможную лишь при условии проведения радикальных реформ в политико-институциональной сфере. Только Европа или США могут предоставить ресурсы, необходимые для диверсификации экономики и повышения производительности труда. Российская геополитика носит преимущественно локальный характер, будучи ориентированной на пространство СССР в качестве сферы влияния.

Оказались нереализованными два стратегических плана, существовавших с 1990-х гг., интеграция в западную цивилизацию и реинтеграция бывших союзных республик под эгидой России. Евразийский союз в настоящее время является малоэффективным интеграционным образованием, лишённым видимых перспектив для решения поставленных перед ним задач. Ограниченные результаты даёт российская стратегия «разворота на восток» и партнёрства с Китаем.

Острота локальных конфликтов и нестабильность вдоль российских границ ставят перед Россией вопросы: какое пространство она считает

---

¹ The Next Great War? The Roots of World 1 and the Risk of U.S. – China Conflict. Ed by R. N. Rosencrance, S. E. Miller. Cambridge MA: MIT PRESS. 2015.

жизненно важным для своего существования и развития, какую границу готова защищать?

При существующих международных реалиях использование «жёсткой силы» позволяет России ставить перед собой амбициозные цели и играть одну из ведущих ролей на мировой арене, не располагая для этого необходимыми ресурсами и по существу не имея союзников. Однако её использование в качестве средства разрешения противоречий между центрами силы в существенной степени ограничено ядерным патом.

С учётом относительной экономической слабости России, амбивалентности её общественного устройства и незавершённости самоидентификации конфликт между ней и Западом относится к категории ассиметричных. С точки зрения сопоставимости ракетно-ядерных потенциалов сторон конфликт является симметричным.

Наряду с созданием инновационной экономики перед Россией стоит задача формирования геостратегии, способной ответить на вызовы безопасности в обстановке перехода от мирного, хотя и сопровождающегося конфликтами сосуществования, к состоянию мировойны, где лишь зыбкая грань отделяет мир от полномасштабного противоборства ведущих держав. Решение этой задачи в существенной степени зависит от обретения национально-государственной идентичности, ибо без культурно-исторического и ментального самоопределения невозможно сформулировать внешние ориентиры и успешно конкурировать на международной арене. Представляется вполне обоснованной констатация отечественного учёного С.В.Кортунова: во всемирной конкуренции «...выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу» ¹.

Самоопределение России способно оказать существенное влияние на становление нового мирового порядка, основывающегося на полицентризме с изменяющейся иерархией центров силы и геополитическом соперничестве. В формирующемся миропорядке отношения между странами станут более жёсткими, а управлять миром будет сложнее из-за усиления турбулентности и периодически возникающих причин для конфронтации.

В продолжающейся полемике по вопросу о самоопределении России в международной среде – следовать ли в русле Запада или создавать уникальную цивилизацию, развивающуюся по собственной логике, мы считаем оптимальным следующий подход: геополитически Россия – страна евразийская, а в этнокультурном, конфессиональном и, главное, ценностном плане – неотъемлемая, хотя и особая часть европейской цивилизации, её восточное продолжение. На наш взгляд, именно такое

---

1 Кортунов С.В. Россия в мировой политике после кризиса. М., 2011. С.405.

видение российской идентичности позволит стране наиболее адекватно адаптироваться к глобальным трендам и оцутимо влиять на них.

Предстоит сформировать модель интенсивного развития, которая вберёт в себя лучшие из российских ценностей (сильное государство, социальная справедливость, межнациональная толерантность, христианский гуманизм и др.), и выработать новый, приемлемый для России синтез с ценностями универсальными, общечеловеческими.

Историческому сближению России и Запада должна сопутствовать интеграция капиталов, производств, технологий, культур и укладов при самобытности государств. Форсирование этого процесса может быть ускорено чрезвычайными обстоятельствами, которые вызовут необходимость в объединении усилий для достижения общей стратегической цели, каковой, например, была совместная борьба против фашизма в период Второй мировой войны. Синергия европейского капитала и технологий с российскими природными ресурсами способна обеспечить конкурентоспособность континента в глобальной экономике и превращение его в новый центр силы мировой системы наряду с США и КНР. Главный риск для России заключается в опасности не вписать свою экономику и политическую жизнь в обозначившиеся тренды мирового развития, обозначившиеся в начале XXI столетия.

Не лишено резона мнение известного американского политолога Зб. Бжезинского об оптимальном выборе Россией места в формирующемся миропорядке: «...Будущее России зависит от её способности стать важным и влиятельным национальным государством в составе объединяющейся Европы. Если этого не произойдёт, то это крайне негативно скажется на способности России противостоять растущему территориально-демографическому давлению со стороны Китая, который проявляет всё большее стремление (по мере роста своей мощи) аннулировать «неравноправные» договоры, навязанные Пекину Москвой в прошлом»¹.

Ситуацию во взаимоотношениях между Россией и Западом вряд ли удастся нормализовать быстро и в существенной степени в зависимости от хотя бы частичной стабилизации обстановки на Украине. Возрастает потребность в прагматизации и инструментализации отношений Россия – Запад, в создании действенного многостороннего механизма раннего предупреждения и урегулирования кризисов. Ряд долговременных факторов создают

1.Brzezinski Z.K. Toward a Global Realignment/ Z.K. Brzezinski // The American Interest. 17.04.2016. – URL Available at: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (Accessed : 8.10.2016).

потенциальные возможности для восстановления сотрудничества между Россией и Западом - потребности глобальной экономики в интернационализации мирохозяйственных связей и наличие обширной общей повестки дня по актуальным проблемам (гонка вооружений, терроризм, бедность, неграмотность, голод, болезни, неуправляемая миграция и т.д.).

В связи с императивностью европейского пути для России остроактуален вопрос о вероятном облике Европы и населяющих её сообществ в перспективе уже ближайших десятилетий. Многое, кажущееся привычным и очевидным, становится проблемным в связи с нарастанием миграционного потока (преимущественно из Африки) и реакцией на этот процесс со стороны националистических, расистских сил коренного населения, эрозией традиционного среднего класса, увеличением численности прекариата, включающего необеспеченные слои населения. Накапливается взрывчатый материал, способный дестабилизировать европейские социумы.

Разрастаются и усложняются проблемы неразрывно связанного с Европой Европейского союза. Он успешно развивался в течение нескольких десятилетий и вызывал подражание в других регионах мира. В настоящее время межгосударственное объединение проходит сложный этап своего функционирования, не гарантирующий ни от попятных движений, ни от фрагментации.

Для извлечения Россией максимума выгод из непосредственного соседства с динамичными экономиками Азии необходима «двойная интеграция» - востока страны в общероссийское пространство и самой страны в целом – через её восточные регионы – в АТР. Должно учитываться, что главная угроза безопасности страны сейчас определяется тем обстоятельством, что экономически наиболее депрессивная часть физически соприкасается с самой динамичной частью мира. Чтобы избежать превращения в придаток китайской экономики и экономического полуассала Китая, России необходимо сконцентрировать усилия на развитии своих дальневосточных территорий. В долгосрочной перспективе сотрудничество со странами АТР не сможет стать стратегической альтернативой взаимодействию со странами Запада.

В обстановке обостряющегося соперничества и взаимозависимости между двумя наиболее мощными центрами силы современного мира – США и Китаем оптимальной стратегией России представляется развитие двусторонних отношений с обоими государствами в соответствии с собственными интересами, избегая «привязки» к одному из них. В сотрудничестве с Соединёнными Штатами целесообразно объединение усилий прежде всего в области обеспечения безопасности, а с Китаем (а также Японией и Южной Кореей) – в совместном торгово-экономическом освоении

Евразии и Дальнего Востока. При этом рост влияния КНР следует балансировать путём развития партнёрства с Японией, Индией, Южной Кореей и Вьетнамом.

Реализация этой стратегии требует гибкости и тщательного просчёта каждого шага. Ключевым условием её успеха является разумное использование имеющихся ресурсов и соизмерение средств, выделяемых на обеспечение безопасности, с экономическим и демографическим потенциалом страны.

В настоящее время напряжённость в отношениях Запада и России ставит в наиболее выигрышное положение Китай, позволяя ему занимать позицию балансира между ними. Противостояние США и Китая объективно создаёт для России новые возможности для диверсификации внешнеэкономических связей и источников получения высоких технологий.

Вместе с тем возникновение новой относительной биполярности с Китаем в качестве второго полюса и альтернативного США глобализационного ядра, на наш взгляд, может быть негативным сценарием для России. Формирование вокруг Китая системы тяготеющих к нему альянсов с участием России чреват для неё риском оказаться в положении «младшего партнёра», находящегося в конфронтации с Западом.

Данные Института социологии РАН осени 2017 года показали, что россияне постепенно осознают цену противостояния с Западом. Начиная с 2016 года фокус общественного внимания начал смещаться с внешнеполитической повестки дня на внутриэкономические и внутривнутриполитические процессы. Усиливается запрос на перемены, особенно у молодёжи, неудовлетворённой кризисной стабильностью предшествующих лет, обернувшейся закупоркой многих каналов социальной мобильности. Большинство россиян (51%) считает реалистической задачу вхождения страны в число наиболее экономически и политически влиятельных стран мира, высказывается за соотнесение нынешних возможностей страны и тех целей, которые она перед собой ставит. Граждан не привлекает наращивание оборонных расходов (28% одобрения) перспектива получения контроля над территориями, ранее входившими в СССР (8%). Главный же запрос - на социальную справедливость и жёсткую борьбу с коррупцией в верхах (51%), на преодоление нефтегазовой зависимости экономики страны (42 %), развитие науки, образования, здравоохранения и культуры (37%)¹.

---

¹ Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.)/ Отв. ред. А.В.Тихонов. М.:ФНИСЦ РАН, 2017. С. 89-90.

Как территориально самая большая страна, сталкивающаяся с многочисленными вызовами по периметру своих границ, Россия должна быть заинтересована в сотрудничестве с самыми разными партнёрами для противодействия этим вызовам, стремиться к минимизации конфликтов с соседями, поиску оптимальных комбинаций партнёрств для решения конкретных проблем.

Важным средством достижения Россией своих внешнеполитических целей должно служить формирование благоприятного имиджа, построенного вокруг идеи движения вперёд и развития, а не призывов к консервации статус-кво или возвращения в прошлое, будь-то советское или досоветское. Тем более, что это прошлое далеко не всегда было привлекательным для собственного населения и для других государств, особенно соседей.

Будущий образ России будет зависеть от реализации её инновационного потенциала, способности сочетать открытость к глобальным вызовам с бережным отношением к национальной культуре и традициям. Главная проблема международного имиджа страны – это сама российская действительность.

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что Россия располагает необходимыми геостратегическими позициями, экономическим, ресурсным и интеллектуальным потенциалом для обретения себя в качестве трансрегиональной державы Европы и Азии, способной оказывать влияние на глобальном уровне. Представляется, что для эффективного выполнения ею этой роли необходимо:

- преодолеть сопротивление энергетической и сырьевой олигархии перераспределению доходов в пользу инновационной стратегии развития страны;
- осуществить комплекс мер для демократического реформирования страны (обеспечение прав человека и реального разделения властей, создание современных общественных институтов, внедрение состязательности в политические процессы и др.);
- ускоренно формировать средний класс и полноценное гражданское общество как социальную базу для инновационного развития;
- формировать российскую идентичность как основывающуюся на европейских ценностях;
- найти оптимальные пути и способы органического сочетания рыночной экономики, политической демократии с историческими традициями отечественной государственности и социальности;

- обеспечить динамичное развитие Сибири и Дальнего Востока, жизненно важное для сохранения международного статуса и суверенитета;

- избавиться от имперских комплексов, стереотипов антизападничества и антиамериканизма, используя ресурсы «мягкой силы» для обеспечения позитивного восприятия России в мире.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. В современных условиях не исключён конфликт между наиболее влиятельными странами мира в форме войны, в том числе ядерной, с возможными катастрофическими последствиями для глобального социума.

2. От снижения остроты соперничества между США, Китаем и Россией во многом зависит успешность нейтрализации глобальных вызовов, особенно исходящего от терроризма как главной угрозы для человечества.

3. Приоритетными целями США, Китая и России должны быть неконфронтационное взаимодействие, предотвращение военных конфликтов, согласование интересов по вопросам глобального управления и развития.

4. В новую эру конкуренции реализация претензий России на роль одного из наиболее влиятельных центров глобального мира невозможна без перехода к инновационной модели развития, количественного и качественного наращивания человеческого капитала.

5. Важной задачей России на международной арене является противодействие усилению конфронтационного типа мышления и поведения, ведущему к обособлению стран и обществ, возникновению между ними напряжённости и конфликтов.

ГЛАВА 2.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ: МЕХАНИЗМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ

В современных международных отношениях конфликты выступают одновременно как форма взаимодействия акторов, как способ разрешения противоречий и как система, защищающая международные отношения от «перегрева», «клапан» для выпуска пара, способствующий сохранению и

модернизации существующей системы. Наличие перечисленных функций позволяет утверждать, что конфликты встроены в международную систему и несут в ней значительную функциональную нагрузку.

При этом конфликты являются одной из наиболее проблемных составляющих системы МО. Для многих международных конфликтов остаются неоднозначными вопросы об их причинах и источниках, типологии, структуре и динамике, формах протекания, праве внешних сил на вмешательство и др. В главе, не претендуя на полноту анализа, предпринимается попытка освещения существующих механизмов снижения уровня конфронтационности в мировой политике и её преодоления.

2.1. Военные конфликты XX1 века и культура мира

Война – одна из самых известных и драматических форм разрешения международного конфликта. Может возникнуть между классами, этносами, конфессиями, группировками, государствами. Протекает в форме организованной вооруженной борьбы в сочетании с мерами экономического, психологического, идеологического и дипломатического характера. Согласно классической формулировке известного немецкого теоретика К.Клаузевица, война есть прежде всего продолжение политики насильственными средствами¹.

Войны, сопровождающие человечество на протяжении всей истории, могут сопутствовать становлению нового миропорядка и, как это ни парадоксально, стать его частью. Проблема, видимо, состоит в том, чтобы избежать войн, способных ввергнуть человечество в хаос, создать угрозу самому его существованию.

В условиях глобализации видоизменяется сама сущность войны как социального явления. Она нередко перестает быть рациональным средством достижения политических и экономических целей вследствие разрушительной силы современных видов оружия. Даже полный разгром вооруженных сил государств не означает победу в политическом смысле. Как известно, оккупация Соединенными Штатами территории Ирака с минимумом потерь для американской армии не привела к ожидаемым политическим изменениям в стране, т.е. установлению прочной демократии в этой стране.

Вопрос о политическом смысле войны и содержании победы в ней должен рассматриваться в зависимости от целей, поставленных государственным

---

¹ Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. 4-е изд. М., Госвоениздат, 1937. С.34, 54

руководством. Следует учитывать, что цели воюющих сторон могут меняться в ходе войны под воздействием различных обстоятельств, и, прежде всего, самого хода военных действий.

Наряду с определением войны как продолжения политики (с постоянным воздействием политики на ход военных действий) войну следует рассматривать как особое состояние общества, системы мировой политики или одной из ее подсистем. Главная характерная черта этого состояния - вооруженная борьба. В европейской и восточной мысли попытки определения феномена войны подобным образом предпринимались Т.Гоббсом, Дж.Локком, Ш.Монтескье, И.Кантом, П.Сорокиным и др.

В целом можно констатировать, что вопрос о природе войны остается малоисследованным и нуждающимся в углубленной проработке. Изучение этой проблематики становится важной прикладной, практической задачей в связи с возрастанием роли военного фактора в мировой политике, которое происходит в условиях общего роста глобальной экономической, политической и военно-стратегической неопределенности.

Отправным пунктом в классификации войн служит постулат о примате политики по отношению к военной стратегии и военным действиям. Войны классифицируются на основании различных критериев: по политическому содержанию (справедливые и несправедливые)¹, по сферам политики (внутренние, гражданские и внешние, межгосударственные), по масштабам (глобальные, региональные, локальные), по используемым военно-техническим средствам (с применением обычных вооружений и оружия массового уничтожения), в зависимости от политических целей и форм используемого насилия (симметричные и асимметричные), в зависимости от способов ведения вооруженной борьбы (контактные и бесконтактные). Разработка принципов и самой классификации войн является крупной теоретической и прикладной задачей политической и военной науки.

Инструментом политики остаётся военная сила, но в условиях растущей экономической и гуманитарно-культурной взаимозависимости государств всё более сочетается с другими факторами – финансово-экономическим потенциалом, диверсифицированными экономическими связями, инновационной динамикой индустрии и прогрессом высоких технологий,

---

¹ Деление войн по этому критерию наиболее детально разрабатывалось В.И.Лениным и Мао Цзедунем. Согласно Уставу ООН справедливым признаётся применение вооружённого насилия в целях самообороны (ст.51 Устава ООН), а также в целях индивидуального или коллективного отражения агрессии (гл.У11 Устава ООН).

качеством союзов, влиянием в международных институтах и организациях. Всё большее значение приобретает фактор «мягкой силы» - способность получения желаемых результатов благодаря привлекательности ценностей, институтов и образа жизни, а не жёсткому силовому давлению и принуждению.

Современные достижения научно-технической революции резко сократили значение географического пространства с точки зрения эффективности военных действий. Появление глобальных средств обнаружения и поражения противника сделало эфемерной ставку на территориальную удаленность или особенности рельефа как решающие факторы обеспечения безопасности государств. В связи с этим во многом утратили смысл классические геополитические конструкции – территориальные «оси», «дуги», «сегменты», «полумесяцы». Вместе с тем существенно возросла военная значимость внутренней стабильности государств, легитимности и компетентности элит и лидеров.

К войнам ближайших десятилетий не всегда будет применима традиционная типологизация по политическому содержанию (справедливые и несправедливые) и используемым военно-техническим средствам (с применением обычных вооружений или оружия массового уничтожения). Различие между справедливыми и несправедливыми войнами все труднее поддается объективному анализу. Грань же между видами вооружений достаточно условна, поскольку современные высокотехнологичные вооружения по причиняемому урону сопоставимы с оружием массового уничтожения.

Характер взаимодействия ведущих мировых держав существенно сокращает вероятность широкомасштабной ядерной войны между ними. В отношениях друг с другом они практикуют политику взаимного ядерного сдерживания. Вместе с тем в условиях «ползучего» распространения ядерного оружия повышается вероятность ограниченных войн с его использованием.

Роль ядерного оружия в обеспечении безопасности будет снижаться по ряду причин: во-первых, в связи с уменьшением вероятности конфликтов и войн между ведущими державами; во-вторых, в связи с проблематичностью эффекта от его применения против новых членов «ядерного клуба»; в-третьих, по мере появления неядерных оборонительных систем как фактора поддержания стратегической стабильности. Представляется обоснованной констатация отечественного исследователя А.Г.Арбатова: ядерное оружие

утрачивает свой статусный характер, всё более становясь оружием «бедных» против превосходящих обычных сил противников¹.

В будущем наиболее вероятны следующие разновидности войн, как классических, так и нового типа.

- междивилизационные войны, прежде всего Запада, против непримиримых противников — исламских экстремистов, отвергающих его ценности и достижения;

- войны самих Соединенных Штатов, возглавляемых ими коалиций или их союзников против слаборазвитых государств с целью: а) обеспечения экономических интересов Запада и прежде всего контроля над энергетическими ресурсами; б) устранения режимов, чей политический курс не вписывается в стратегию Запада, способствует усилению террористической угрозы или распространению оружия массового уничтожения.

- межгосударственные войны, вызываемые региональными противоречиями, конфессиональным соперничеством, борьбой за контроль над природными ресурсами, необходимыми для жизнеобеспечения. К этой категории могут быть отнесены реальные и потенциальные вооруженные конфликты на Ближнем Востоке, Кавказе, Балканах и в других регионах.

- внутригосударственные войны, в том числе гражданские, вызываемые обострением социальных противоречий, этноконфессиональными факторами.

- войны в целях сохранения и восстановления территориальной целостности государств (Китай, Индия).

- «гуманитарные интервенции», осуществляемые с целью или под предлогом защиты демократии и обеспечения прав человека, операции по установлению и поддержанию мира, антитеррористические операции. Являясь средством достижения политических целей методами вооруженного насилия, они могут привести к девальвации таких понятий, как суверенитет и территориальная целостность.

Под влиянием глобализации и научно-технической революции изменится характер и облик будущих войн, трансформируются привычные представления о них. Возможность нанесения ударов с больших расстояний по группировкам

---

¹ См.: Арбатов А.Г. Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. 2013.. №1. Январь-февраль. С.35.

и объектам государственного управления изменит принципы ведения действий и позволит отказаться от ряда традиционных форм вооруженной борьбы.

Во-первых, возник принципиально новый класс войн – между государствами и транснациональными негосударственными субъектами, прежде всего террористическими структурами. Для конфликтов этого типа необходимы совершенно иные стратегии, чем для межгосударственных войн.

Во-вторых, уже в недалеком будущем цели войн и вооруженных конфликтов будут заключаться не столько в захвате и удержании территории противника, сколько в подрыве его оборонного и экономического потенциала, внесении хаоса в управление страной, внушении отчаяния и безысходности войскам и населению противника. Только после этого станут возможными наступательные наземные операции.

Борьба за территории уступает место соперничеству за контроль над важными объектами мировой экономики. Победа, достигнутая путем полного разрушения промышленного потенциала противника, теряет привлекательность.

В-третьих, происходит размывание граней между миром и войной как двумя состояниями общества, появление нового состояния «мировой» или «войномира», когда интенсивность конфликтов, его участники и сферы противоборств становятся переменными величинами¹.

При подготовке современной войны информационное противоборство становится ее первой стадией, когда решаются задачи достижения превосходства над объектом предстоящего нападения. Этому благоприятствует формирование глобального медиа-пространства, открывающего качественно новые возможности для ослабления готовности противника к сопротивлению, завоевания на свою сторону симпатий мировой общественности, психологической подготовки своего населения к предстоящей военной кампании. Информационное обеспечение военного нападения может продолжаться от нескольких недель до многих месяцев. Для изменения поведения противника в обязательном порядке осуществляется психологическая поддержка военных операций.

В-четвертых, военные действия могут развёртываться и без открытого объявления войны. Ареной вооружённого противоборства правительственных

---

¹ Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции англо-саксов. Сост. Е.Ларина, В.Овчинский. М., 2015.

войск и поддерживаемой извне оппозицией в последние годы явились Ливия и Сирия.

В-пятых, широкое распространение получает военная стратегия, обозначаемая термином «гибридная война» (hybrid warfare). Он приобрёл актуальность после присоединения Крыма к России, военных действий на Донбассе, коллизий, вызванных феноменом «Исламского государства».

«Гибридная война» сочетает интервенцию с использованием нерегулярных вооружённых формирований, тайными поставками оружия, информационными кампаниями с целью создания негативного образа страны-противника, нанесением ущерба путём санкций и манипуляций с валютой, разжиганием социальных и этнических конфликтов во враждебной стране, атак через интернет и т.д. Как правило, государство, ведущее гибридную войну, не позиционируется в качестве участника конфликта¹.

В-шестых, войны нового поколения будут бесконтактными с применением высокотехнологичных систем вооружений и без ведения широкомасштабных наземных боевых действий. Это позволит минимизировать людские потери, которые крайне болезненно воспринимаются общественным мнением и могут вызывать внутриполитические кризисы. Преимущества бесконтактной войны продемонстрированы вооружёнными силами Соединённых Штатов в Персидском заливе, Югославии и Афганистане.

Массированное применение высокоточного оружия (беспилотные самолёты, крылатые ракеты) позволяет максимально ослаблять противника ещё до начала наземных операций и делает возможным достижение победы без оккупации его территории.

Изменится и облик наземных операций. Боевые действия в них будут рассредоточены по глубине и вестись без образования сплошных фронтов. Широкое применение в этих действиях найдут мобильные войсковые соединения. Системообразующим компонентом войн нового поколения становится космос. В нем будут находиться обеспечивающие системы и из него будут наноситься высокоточные удары по объектам на Земле.

Можно прогнозировать скоротечность протекания бесконтактных войн с применением высокоточного оружия, поскольку отпадет необходимость в

---

¹ См.: Кудрявцев А.М. Военные конфликты третьего тысячелетия. Гибридные войны открыли новую главу в истории вооружённого противоборства / Независимая газета. 04.04. 2016.

широкомасштабных наземных операциях с участием крупных контингентов сухопутных войск.

Существует вероятность применения ядерного оружия, прежде всего малой мощности. В настоящее время ядерное оружие рассматривается как практически применимое, мощное и эффективное средство ведения войн и достижения в них победы. В военные доктрины США и России включены положения о возможности при определенных условиях применения ядерного оружия первыми, причем как на стратегическом, так и на тактическом уровнях. Допустимым и оправданным с военной точки зрения может быть применение «точечных» ядерных ударов для уничтожения баз террористов и укрепленных объектов на территории государств, стремящихся к обладанию ядерным оружием.

Во взглядах военно-политического руководства США на роль ядерного оружия отчётливо проявляются две взаимосвязанные тенденции: с одной стороны, постепенное стирание границы между стратегическим и тактическим оружием, а с другой – стремление снизить порог применения ядерного оружия.

Для России при существующем в настоящее время крайне неблагоприятном соотношении сил на всех стратегических направлениях ядерное оружие остаётся важнейшим и наиболее эффективным средством сдерживания агрессии и обеспечения безопасности.

Особенностью войн эпохи глобализации будет асимметричность действий воюющих сторон (высокие технологии против обычных вооружений, нестандартные тактики ведения военных операций). Невозможность противостоять армиям западных стран стимулирует поиск остальными государствами и политическими акторами таких ответов, которые нельзя парировать чисто военными средствами.

Одним из видов «асимметричной войны» против превосходящих по боеспособности и оснащённости сил вторжения может явиться широкое использование партизанской тактики. Например, активность повстанцев в Ираке и Афганистане препятствовала попыткам Соединённых Штатов установить контроль над территориями этих стран.

Асимметричный ответ на массированное применение крупных войсковых соединений и современных вооружений может принять форму широкомасштабных действий террористического характера, подобных тем, которые произошли 11 сентября 2001 года. Возможно переплетение

повстанческих действий иррегулярных вооруженных формирований с организацией террористических актов, как это происходило в Ираке.

Оружием «асимметричной войны» считаются компьютерные технологии, способные нарушить функционирование систем обеспечения жизнедеятельности противника. Эффект от применения таких технологий может быть как тактическим, так и стратегическим.

Большинство важнейших систем вооружения ведущих мировых держав недостаточно приспособлены для борьбы с асимметричными угрозами, в частности для ведения боевых действий в городах, в условиях смешения гражданского населения с регулярными и нерегулярными вооружёнными формированиями.

Для характеристики гипотетических войн будущего, в которых исчезнет грань между фронтом и тылом, а решающая роль будет принадлежать высокоточному оружию американский исследователь У.Линд в 1989 г. ввёл термин «война четвёртого поколения», а отечественный военный эксперт Д.И.Сличенко использует термин «война шестого поколения»¹. Российский ученый Д.Г.Балуев справедливо упрекает сторонников тезиса об изменении природы конфликта под воздействием одной лишь революции в военном деле в недооценке информационно-психологических и особенно политических аспектов войны, т.е. игнорировании проблемы места и роли войн в международных процессах².

В связи с тем, что на подготовку войн нового поколения у многих ядерных государств ещё долго не будет необходимых средств, прогнозируемо их стремление модернизировать ядерный арсенал, повысить живучесть сил сдерживания, точность и поражающую мощь систем доставки. Неравенство военных возможностей стимулирует появление новых ядерных государств. В результате возрастёт угроза применения оружия массового уничтожения.

---

¹ См.: William S. Lind, Colonel Keith Nightengale (USA), Captain John F. Schmitt (USMC), Colonel Joseph W. Sutton (USA), and Lieutenant Colonel Gary I. Wilson (USMCR), "The Changing Face of War: Into the Fourth Generation", Marine Corps Gazette, October 1989, pp. 22-26. (<http://homepages.ihug.co.nz/~sai/4thgenwar.htm>). Сличенко Д.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.

² См.: Балуев Д.Г. Политика в войне постиндустриальной эпохи /Современная мировая политика: Прикладной анализ. Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект Пресс. 2010. С.216-217.

Ряд стран продолжит осуществление программ по созданию химического и бактериологического оружия. Разработки в этой области и распространение связанных с ней знаний существенно увеличат угрозу международной безопасности, особенно со стороны террористов.

Действующие в настоящее время договоры и соглашения заключены с учётом наличия у государств оружия предыдущих поколений. Отсутствуют договоры и соглашения, связанные с применением высокоточного оружия и ведением бесконтактных войн. Использование этого оружия может разрушить существующую договорную базу в сфере ограничения вооружений и разоружения. Поэтому мировому сообществу предстоит создать договорную базу для глобального контроля процессов, вызванных очередной революцией в военном деле.

Несмотря на растущую значимость экономических мотивов при использовании военной силы важную роль в вопросах войны и мира продолжает играть идеологический фактор. Стремление способствовать внедрению той или иной мировоззренческой системы может выступать если не причиной, то, по крайней мере, фактором, способствующим принятию решения о начале войны. Влиятельные круги в США, вдохновленные благоприятным для них исходом «холодной войны», привержены идее «экспорта либерализма и демократии» и предпринимали попытку её реализации в регионе Ближнего и Среднего Востока. Этой идеей обосновываются гуманитарные интервенции в обход решений ООН.

Многовековой опыт свидетельствует о бесперспективности попыток распространения тех или иных идеологий и общественных систем, сколь бы привлекательными и прогрессивными с точки зрения их адептов они ни были. Это вызывает сопротивление народов, движимых стремлением сохранить свою самобытность, и в конечном счете отторжение чуждых идей и форм общественного устройства. Демократия должна утверждаться в каждой стране на собственной национальной почве и на правовой основе.

В конце XX – начале XXI века мир вступил в эпоху войн нового типа – информационно-сетевых (кибервойн), ведущихся не только на международной арене, но и внутри государств - между партиями, группами интересов, корпорациями, преступными сообществами в борьбе за власть, собственность и влияние на большие массы населения. Появление этих войн обусловлено следующими факторами: 1) развитием средств вычислительной техники и социальных сетей в глобальных коммуникациях, что сделало их движущей силой трансформации общества; 2) успехами психологии в области изучения

поведения людей и управления их мотивациями, позволившими оказывать не только заданное воздействие на большие социальные группы, но и перестроить сознание целых народов¹.

По мере роста возможностей информационно-компьютерных технологий, приобретения опыта преступными группировками и хакерами набирает силу кибертерроризм. Его отличают:

- более высокая степень организации преступных действий, формирование специализированных боевых групп;
- рост масштабов преступлений и уровня разрушений;
- нацеленность на целые страны и прежде всего их жизненно важные объекты – военные, экономические, коммуникационные, транспортные, энергетические и др.;
- переход к действиям планетарного масштаба².

В странах НАТО и в Китае рассматриваются три основных сценария ведения возможных будущих информационно-сетевых войн *Первый*, наиболее опасный, представляет собой неожиданную атаку на автоматизированные информационные системы управления важнейшими государственными и коммерческими объектами – атомной промышленностью, железными дорогами, топливными трубопроводами, насосными станциями, нефте- и газохранилищами, линиями электропередач и аэропортами. Разрушения, к которым могут привести атаки и операции, по масштабу вполне сопоставимы с последствиями реальных бомбардировок. *Второй* сценарий предполагает атаку на ключевые интернет-ресурсы, коммуникационное оборудование, веб-сайты и внутренние сети государственных органов. Взлом и блокировка этих систем неизбежно приведут к хаосу и параличу государственного управления. *Третий* сценарий предусматривает использование особых методов скрытого кибернетического воздействия на противника с помощью новых активно разрабатываемых средств для повышения эффективности традиционных военных действий³.

Если информационно-сетевая война станет реальностью, она скорее всего явит собой гибрид виртуальной и реальной (физической) войн. Перед мировым

---

¹ Гриняев С. Поле битвы – киберпространство. Теория, приёмы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М., 2004. Еляков А.Д. Кибервойна – тотальная угроза обществу // Свободная мысль. 2011. №11.

² Еляков А.Д. Указ. соч. С.169.

³ См.: США-Канада: экономика, политика, культура. 2011. №7. С.32-33.

сообществом и особенно наиболее влиятельными государствами стоит задача достижения соглашений с целью обеспечения безопасности в глобальной сети, нейтрализации киберугроз.

Для понимания природы современных войн необходим учет не только причин и условий их возникновения, характера протекания, но и блокирующих факторов. К числу последних принадлежит прежде всего стремление мирового сообщества уберечь себя от самоуничтожения, формирование единого, взаимосвязанного и взаимозависимого мира, утверждение в общественном сознании приоритета общечеловеческих ценностей по отношению к ценностям классовым, групповым и национальным.

В условиях глобализации одна из первостепенных задач мирового сообщества – предотвращение конфронтационности и проявлений силовой политики. Предстоит осмыслить ее как совокупность мер по сдерживанию агрессивных сил, принуждению их к отказу от прямого военного столкновения. Нуждается в осмыслении опыт такой деятельности.

Предотвращение войн должно рассматриваться как особый тип отношений между государствами (коалициями), негосударственными политическими субъектами по поводу возможного военного столкновения. Следует учитывать, что динамика этих отношений зависит от соотношения сил и возможностей, имеющихся у сторон, способности к наиболее полной их реализации.

Освоение искусства предотвращения войн и военных коллизий становится важным условием повышения роли России в международных отношениях. Концепция национальной безопасности и военная доктрина России провозглашают главными целями убережение страны от войн (вооруженных конфликтов), их своевременное предотвращение; локализацию, нейтрализацию и ликвидацию военных угроз на ранних стадиях их зарождения. Перспективы России в существенной степени зависят от налаживания партнёрских и союзнических отношений с цивилизационно-близкими странами Запада.

Цели предотвращения конфронтационности и проявлений силовой политики служит разработанная ООН миротворческая концепция перехода от современной культуры войны к культуре мира и согласия. Методологически ключевое положение «культуры мира» состоит в том, что мир – это динамичный процесс устранения причин конфликтов, разоружения и военной конверсии, воспитания людей в духе диалога, утверждения принципов демократии, формирования социально ориентированного общества, в центре которого стоит человек. В концепции «культуры мира» акцентируется

необходимость не столько вмешательства в уже развернувшиеся конфликты и осуществления миротворчества, сколько предотвращения насилия. Реализация концепции возможна при условии органического сочетания универсальных прав человека, демократии, социальной справедливости с самобытным опытом и традициями каждого народа в области обеспечения мира.

Одна из наиболее сложных задач в формировании культуры мира – ее укоренение в сознании людей. Для этого необходимо воспитание на индивидуальном уровне навыков диалога, посредничества в урегулировании конфликтов, формирования консенсуса. Преобразование ценностей, взглядов и форм поведения должно сочетаться с мерами дипломатического характера, разоружением и конверсией, преодолением бедности и более справедливым распределением благосостояния и знаний.

2.2. Мирное завершение международных конфликтов

Для обозначения мирного выхода государств из конфликтных ситуаций наиболее употребляемыми терминами являются «предотвращение конфликта», «урегулирование конфликта», «разрешение конфликта».

Под *«предупреждением конфликта»* понимаются действия, направленные на предотвращение вооруженных столкновений. Конфликты должны выявляться и предотвращаться на возможно более ранних стадиях. До втягивания сторон в вооружённую борьбу. Достижению этой цели могут способствовать мониторинг потенциально конфликтных зон, меры по воспитанию толерантности к этническим и конфессиональным группам, другим государствам.

«Урегулирование конфликта» - понятие, употребляемое в широком смысле (conflict resolution) и в узком (conflict management), т.е. управление конфликтом. В широком смысле оно предполагает снижение напряжённости, перевод конфликта в русло поиска путей совместного решения проблем. Смысл деятельности по управлению конфликтом состоит в контроле над ним, устранении опасности применения вооружённого насилия, предотвращении эскалации.

В качестве наиболее эффективных способов урегулирования конфликтов рассматриваются:

- переговорные процессы;

- посреднические процедуры;
- арбитраж;
- сокращение и прекращение поставок оружия сторонам конфликта;
- введение войск для поддержания мира (peacekeeping);
- миротворчество, или сохранение мира (peacemaking).

В процессе урегулирования конфликтов возникает множество проблем. Оно может носить непродолжительный характер и сменяться вспышками конфликтных действий. Затраты на снижение напряжённости и возможные жертвы среди миротворцев способны вызывать сомнения в целесообразности воздействия на вооружённые конфликты. Действует множество неспрочитываемых факторов, затрудняющих прогнозирование форм и продолжительности конфронтации, эффективности усилий по снижению напряжённости.

«Разрешение конфликта» (conflict resolution) направлено на устранение причин, порождающих конфликтную ситуацию. Оно достижимо путём максимального учёта интересов сторон, должно поддерживаться не только элитами, но и большинством населения. Достигнутые договорённости могут способствовать позитивному сотрудничеству конфликтовавших акторов.

В реальной практике мирного завершения конфликтов их предотвращение, урегулирование и разрешение взаимно дополняют друг друга. Наиболее эффективно их гибкое сочетание.

Принципиальная возможность урегулирования конфликтов обеспечивается тем, что противоборствующие стороны почти всегда имеют определенные совпадающие интересы. Кроме того, существуют еще и нейтральные интересы, которые могут различным образом увязываться и также приобретать значимость для сторон, стимулируя поиски путей разрешения конфликтов. На это обстоятельство еще в шестидесятые годы обратил внимание один из основоположников применения методов теории игр к разрешению международных конфликтов Т. Шеллинг, заметив, что «чистый конфликт», когда интересы сторон полностью противоположны (так называемый конфликт с нулевой суммой), представляет собой особый случай. Он, по мнению Т. Шеллинга, может возникнуть в войне, направленной на взаимное уничтожение¹.

---

¹ См.: Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge.1963. P.71.

В последние десятилетия сформировались эффективные подходы к урегулированию и разрешению конфликтов. Среди них принципы разведения интересов сторон, «вынесения за скобки», деэскалации и др.

Принцип разведения интересов сторон может быть проиллюстрирован примером разрешения конфликта между Египтом и Израилем из-за оккупированной в ходе шестидневной войны 1967 годы территории на Синайском полуострове.

Анализ интересов сторон показал, что Израиль был заинтересован в контроле над Синаем для обеспечения своей безопасности, которая ему представлялась надежной при наличии буфера между вооруженными силами обоих государств. Египет же не мог смириться с отторжением территории, принадлежавшей ему с древности. Конфликт расценивался как ситуация с нулевой суммой, но его разрешение оказалось возможным благодаря возврату Синая под полный суверенитет Египта и демилитаризации, гарантировавшей безопасность Израиля.

Принцип разведения интересов сторон эффективен далеко не всегда. Часто стороны заинтересованы в одном и том же – в одной территории, в одних источниках сырья и т.п. Однако и в этом случае не исключено мирное разрешение конфликтов. Компромисс достижим на основе различения значимости объектов соперничества для участников конфликта и благодаря их взаимным уступкам.

Во многих конфликтах обмен уступками крайне затруднен вследствие значимости объектов спора для интересов сторон и их нежелания идти на уступки. Но и в этом случае возможно снижение остроты конфликта путем временного отказа от обсуждения наиболее сложных вопросов и достижения договоренностей по остальным. В результате применения *принципа «вынесения за скобки»* во многих случаях достижимо частичное соглашение, позитивно влияющее на взаимоотношения сторон.

Примером целесообразного применения данного принципа явилось решение в конце восьмидесятых годов намибийской проблемы. «Вынесение за скобки» вопросов внутреннего устройства страны способствовало достижению независимости Намибии от ЮАР. Выбор формы внутреннего устройства был осуществлен волеизлиянием народа (под контролем ООН).

Ввиду ограниченности возможностей дипломатического решения территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяююйдао поддержанию относительной стабильности в японо-китайских отношениях может способствовать политика «согласованного тупика». По мнению отечественного японоведа Д.В.Стрельцова, реалистичным выглядит сценарий «сохранения статус-кво», при котором территориальная проблема носит латентный характер, а формы её проявления находятся под согласованным контролем правительств обоих государств. В рамках такого подхода Япония не проводит на островах строительства и не осуществляет какой-либо экономической деятельности, не размещает воинские контингенты, не допускает свободной высадки граждан. Со своей стороны Китай не разрешает своим гражданам посещать острова и ограничивает появление в спорных водах своих кораблей, за исключением некоторого числа судов береговой охраны. Обе стороны воздерживаются от взаимных обвинений, приглушая тем самым внимание в проблеме со стороны СМИ. Режим «молчания» может способствовать нормализации и стабилизации не только двусторонних отношений, но и оздоровлению всей международной ситуации в Восточной Азии¹.

Для разрешения конфликтов с «ненулевой суммой» его участникам могут быть полезны принципы поведения, сформулированные американским исследователем Р. Аксельродом в середине 80-х годов применительно к отношениям между США и СССР:

- следует ориентироваться не на то, сколько в итоге получит противоположная сторона, а насколько будут удовлетворены ваши интересы;
- не надо первым выбирать конкурентное поведение. Это рискованно, так как может привести к ответным действиям и конфронтации в дальнейшем;
- целесообразно отвечать тем же самым ходом, что и партнер: на кооперативное поведение – кооперативным, на конкурентное – конкурентным, но только после того как отвергли ваше предложение о сотрудничестве;
- если в ситуациях с «нулевой суммой» важно сохранить в тайне свои замыслы, то в ситуациях с «ненулевой суммой», напротив, лучше показать, что вы будете отвечать тем же, что и ваш партнер².

Поиску конкретных вариантов разрешения конфликта, как правило, должно предшествовать снижение уровня напряженности. Этой цели может

---

¹ Стрельцов Д.В.: новая парадигма безопасности в свете обострения территориального спора с Китаем //Мировая экономика и международные отношения . 2014, №1, с. 60.

² См.: Axelrod R. The Evolution of Cooperation. N.Y., 1984. P.48.

служить *принцип деэскалации*, который состоит в выдвижении и реализации одной из сторон конфликта мирных инициатив, имеющих целью побудить противостоящую сторону последовать своему примеру. Американский исследователь Ч. Осгуд охарактеризовал такие действия в конфликтной ситуации как «постепенные и взаимные инициативы по сокращению напряженности»¹.

Основная проблема в применении принципа деэскалации – недоверие между участниками конфликта. Инициатор рискует оказаться в ситуации, когда противоположная сторона не ответит взаимностью. Чтобы этого не произошло, необходимы различного рода гарантии, в том числе третьей стороны.

Примером использования принципа деэскалации является разрешение Карибского кризиса 1962 года, когда советская и американская стороны последовательно делали шаги с целью преодоления взрывоопасной ситуации.

Рассмотренные подходы к урегулированию конфликтов предназначены главным образом для рационализации процесса выработки решений на официальном уровне. Однако в поисках решений должны учитываться эмоциональные моменты, массовые настроения, отношение к конфликту как широких слоев населения, так и политических лидеров.

В этом плане важнейшим фактором урегулирования конфликтов могут быть неофициальные контакты между противоборствующими сторонами. Они способствуют преодолению стереотипа врага и установлению доверия, являются важнейшим источником информации о позициях сторон, каналом обмена мнениями и проработки вариантов решений. Участники таких контактов могут позволить себе большую свободу суждений, чем официальные лидеры противоборствующих сторон. Это повышает вероятность нахождения нестандартных решений, устраивающих обе стороны.

Неофициальные контакты имеют двойную направленность воздействия – на население (прежде всего через СМИ) и на лидеров противоборствующих сторон. Возможности, открываемые неофициальными контактами участников конфликта, превращают их во «второе направление дипломатии» (*track two diplomacy*).

По мнению активного приверженца «второго направления дипломатии» американского дипломата и психолога Дж.Монтвилля, эта деятельность представляет собой «неофициальное, неформальное взаимодействие между

---

¹ См.: Osgood Ch. *Alternative to War and Surrender*. Urbane. 1962. P.123.

членами враждебных друг другу общностей, целями которого являются разработка стратегий, оказание влияния на общественное мнение, а также организация человеческих и материальных ресурсов, которые могли бы способствовать разрешению конфликта»¹.

Представляется конструктивной идея отечественного исследователя В.А.Кременюка о формировании системы международных переговоров, которая объединяет в себе формальные и неформальные процедуры разрешения конфликтов, включает правила поведения, ориентированные на ненасилие, совместный поиск решений, сотрудничество².

В условиях международных конфликтов значительная специфика характерна для такого важнейшего способа их урегулирования и разрешения, как переговоры. Преобладающее на переговорах прямое общение сторон в остроконфликтных ситуациях может оказаться нецелесообразным ввиду вероятности резких оценок и эмоциональных реакций и, как следствие, иррационального поведения при обсуждении проблем. Всё это способно усилить конфликтогенность и затруднить достижение взаимоприемлемых договорённостей.

В ситуациях, когда возникает опасность срыва переговоров, эффективным средством возобновления и поддержания диалога способно стать общение через посредника. Оно может помочь сторонам конфликта нейтрализовать негативные аспекты взаимовосприятия, инициировать поиск согласия и избежать «потери лица».

Несмотря на наличие специфических критериев при выборе посредников для каждого конкретного конфликта основными должны быть:

- компетентность (обладание соответствующими знаниями и умениями);
- независимость от участников конфликта, нейтральность и объективность;
- влияние и авторитетность³.

---

¹ Цит. по: Лебедева М.М. Технология ведения переговоров: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. С.13.

² Кременюк В.А. Формирование системы международного общения // Дипломатический вестник. Год 1987 / Под ред. О.Г.Пересыпкина. М., 1988. С.127-142.

³ См.: Лебедева М.М. Технология ведения переговоров. М., 2010. С.169.

При выборе посредников значимы также знание проблемы, лежащей в основе конфликта, и владение посреднической технологией. При отсутствии у посредника таких качеств возможно обострение конфликта.

Эффективность посреднической деятельности в немалой степени зависит от определения наиболее благоприятного момента для её осуществления. Не случайно авторитетные международные акторы избегают посредничества в сложных и затяжных конфликтах или дожидаются созревания условий для выполнения посреднических функций, чтобы снизить вероятность просчётов и репутационных потерь

Посредники в целом стремятся направлять международные конфликты в русло мирного урегулирования и разрешения. Это, однако, не исключает преследования ими собственных целей, поиска выгод, вытекающих из возможностей медиатора воздействовать на стороны конфликта и управлять их поведением.

Примером успешности посредничества можно назвать дипломатическую активность алжирской делегации в разрешении конфликта между США и Ираном, возникшего в связи с захватом персонала американского консульства в Тегеране в 1979 г. Ей удалось снизить накал конфронтационности, особенно с иранской стороны, и предложить участникам конфликта текст декларации, который они обязались соблюдать. Крайне важным результатом посредничества оказалось и «сохранение лица» участников конфликта.

Для перевода конфликтных и кризисных ситуация в русло переговоров значимы консультации и обмен мнениями. По оценке исследователей и участников принятия решений во время Карибского кризиса именно эти каналы коммуникации между высшим руководством СССР и США сыграли существенную, если не основную роль в предотвращении ядерной войны.

При подготовке и проведении переговоров в кризисных и конфликтных ситуациях в поле зрения сторон должна быть возможность выйти из них с достоинством, сохранив лицо. Отсутствие такой возможности может служить препятствием для прекращения конфликта.

Примерами такого поведения могут быть следующие факты. Незадолго до нападения на Пёрл-Харбор Япония ответила Соединённым Штатам отказом на требование вывести войска из Китая, мотивируя масштабностью затраченных ресурсов и потерь в живой силе, что ставит её перед необходимостью любым

путём добиваться приемлемого результата. Ранее принятые решения обязывали Соединённые Штаты продолжать военные действия во Вьетнаме.

Примером противоположного свойства явилось «сохранение лица» руководителями СССР и США Н.С.Хрущёвым и Дж.Кеннеди в связи с завершением Карибского конфликта. Первый из них предстал как защитник Кубы, получивший обязательство США не нападать на эту страну, а также вывести американские ракеты из Турции, а второй – как политик, отстаивавший интересы США и проявивший жёсткость в вопросе о выводе советских ракет с Кубы.

Среди различных способов разрешения конфликтов и установления мира наименее распространённый - соглашение с участием всех заинтересованных сторон. Классическим примером подобного урегулирования за столом переговоров был Венский конгресс 1814-1815 гг., по существу установивший гегемонию держав победителей – Великобритании, России, Австрии и Пруссии, в число которых вскоре вошла побеждённая Франция. Конгресс явился инструментом восстановления феодально-абсолютистских монархий, прагматического перераспределения территорий и установления новых границ государств Европы. Он сыграл важную роль в достижении мира, воцарившегося почти на столетие, но сама сделка государей стала возможной в результате победы над наполеоновской Францией.

3.3. Конфликты и миротворчество

Существенную роль в снижении уровня конфликтности современных международных отношений может сыграть миротворческая деятельность мирового сообщества и ее модификации – «принуждение к миру» и миростроительство. Миротворчество (peacemaking) представляет собой комплекс действий государств и международных организаций (ООН, ОБСЕ и др.) по прекращению вооружённых конфликтов и поддержанию мира.

Современное миротворчество включает три основных компонента: 1) нормы и правила установления и поддержания мира; 2) организационные структуры, предназначенные для реализации этих норм и правил, - прежде всего Совет Безопасности ООН, подразделения Секретариата ООН, миссии в районах конфликтов; 3) практики поведения («паттерны») субъектов в соответствии с этими нормами и правилами.

Первоначально миротворчество сдержанно или даже негативно воспринималось влиятельными государствами. Однако со временем оно не просто вошло в арсенал средств и методов, используемых ООН, но и превратилось в одно из главных направлений деятельности этой организации¹. В миротворчестве просматривается тенденция к усложнению операций, перехода от выполнения контрольно-наблюдательных функций к решению организационно-управленческих задач².

Традиционное миротворчество осуществляется с согласия конфликтующих сторон с целью прекращения военной фазы конфликта. Оно заключается в физическом разъединении сторон путем введения в зону конфликтов международных наблюдателей, создании инфраструктуры для урегулирования конфликтов (место встреч, транспорт, связь, техническое обеспечение). Миротворчество предполагает оказание конфликтующим сторонам помощи кадрами, финансовыми средствами, поставками продовольствия и медикаментов, обучением персонала, содействием в проведении выборов и референдумов, обеспечением контроля за соблюдением соглашений.

«Принуждение к миру» (peace enforcement) применимо в более сложных ситуациях, когда, как минимум, одна из сторон стремится продолжать конфликт военными средствами, активно противодействуя усилиям по его политическому урегулированию. Оно носит военизированный характер и допускает подавление субъекта (субъектов) конфликта, широкомасштабное вмешательство во внутренние дела противоборствующих сторон. Если традиционное миротворчество по своей сути является посредничеством в политическом урегулировании конфликта, то «принуждение к миру» – силовая операция, направленная на прекращение вооруженных столкновений и установление мира.

Миротворческие операции чаще завершаются не устойчивым и долговременным миром, а перемирием, примирением, означающим перевод конфликта в латентную стадию. По своему назначению они нацелены главным образом на преодоление внешних симптомов конфликта (вооружённое насилие, кровопролитие и т.д.) и ориентированы на выявление и согласование глубинных интересов конфликтующих сторон.

---

¹ Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: Учебник. М.2017. гл.3. С.76-111.

² См.: Кутейников А., Масляк А. От строительства мира к государство-строительству. Опыт ООН в разрешении международных конфликтов // Международные процессы. 2013. №1.

Система коллективных операций государств в конфликтных регионах начала складываться в конце 40-х гг. XX в. вскоре после создания ООН и насчитывает более 60 силовых акций по поддержанию мира и наблюдению. Благодаря этому нормализовалась ситуация в ряде стран и преодолены последствия конфликтов, С 90-х гг. прошлого века удалось положить конец многим конфликтам, в частности, в Сьерра-Леоне, Либерии, Бурунди, между северной и южной частями Судана и в Непале. Превентивные действия, особенно дипломатического характера, позволили предотвратить много потенциальных конфликтов. Поскольку ООН не имела собственных вооружённых сил, в операциях под её эгидой использовались военные контингенты членов этой организации.

В настоящее время в конфликтных регионах мира параллельно осуществляется 16 миротворческих операций с участием около 125 тысяч военных, полицейских и гражданских лиц из 120 стран мира. Кроме того, осуществляемые Организацией 11 миротворческих миссий на местах участвуют в урегулировании постконфликтных ситуаций и занимаются миростроительством¹.

Первый опыт миротворчества связан с развертыванием Органа ООН по наблюдению за выполнением условий мира в Палестине в 1948 г. Миротворческие процедуры были апробированы ООН в период войны в Корее (1950-1953 гг.), в операциях на Кипре, в Конго (Заир), на Ближнем Востоке. Операции по поддержанию мира были продолжительными во времени и ориентированными на регистрацию или недопущение рецидивов конфликтов, а не на ликвидацию их источников.

Основная причина тщательной отработки средств и методов урегулирования конфликтов в 60-70-х годах состояла в том, что в обстановке холодной войны требовалась особая взвешенность в подходе к любому конфликту, поскольку он мог вызвать рост напряженности или стать детонатором широкомасштабного столкновения. Осознание этой опасности побуждало страны и организации, заинтересованные в контроле над конфликтами, рассматривать операции по поддержанию мира прежде всего как политико-юридическую, а уже потом – как военно-полицейскую задачу.

С окончанием холодной войны опасения по поводу возможных неблагоприятных последствий военного вмешательства в локальные

---

¹ См. 70 направлений деятельности ООН: изменяя мир к лучшему
<http://www.un.org/un70/ru/content/70ways> (Дата обращения 20.11. 2016)

конфликты значительно уменьшились. Вместе с тем возросло стремление единственной сверхдержавы – Соединенных Штатов к использованию силовых методов внешней политики для распространения своего влияния на обширные регионы, установления контроля над зонами конфликтов (Балканы, Ближний Восток и др.).

В последние десятилетия Организация Объединённых Наций сыграла важную роль в сокращении масштабов конфликтов в ряде регионов мира, выступая нередко посредником на мирных переговорах и содействуя осуществлению достигнутых соглашений. Вместе с тем не все из этих соглашений выдержали испытания временем (например, в Анголе в 1993 г. и в Руанде в 1994 г.) Во многих странах, переживших войны, вновь происходят вспышки насилия.

В связи с ростом числа внутригосударственных конфликтов миротворческие операции всё теснее переплетаются с вмешательством мирового сообщества (или его членов) во внутренние дела государств. Действия без мандата ООН предпринимали и НАТО, и США, и Россия. Поэтому остро встал вопрос о легитимности разных типов и форм такого вмешательства.

Обозначились противоречия в оценках ведущими мировыми акторами целей, характера и легитимности вмешательства в конфликты на чужих территориях, в том числе новых независимых государств. Так, Запад считает неприменимым понятие «*миротворчество*» к введению Россией воинских контингентов в Южную Осетию и Абхазию в августе 2008 г., поскольку оно было осуществлено без мандата ООН и согласия обеих конфликтующих сторон. Россия не признаёт правомерность действий НАТО в отношении Союзной Республики Югославия в 1999 г. и введения войск международной коалиции в Ирак в 2003 г. (до получения мандата СБ ООН).

Россия первоначально неправоммерно использовала терминологию *принуждение Грузии к миру*, т.к. в соответствии с 53-й статьёй Устава ООН, все операции по силовому принуждению к миру могут проводиться лишь на основе резолюций СБ ООН. Затем война трактовалась как действия, предпринятые на основе 51-й статьи Устава ООН (право на самооборону). В связи с тем, что массированное применение силы грузинской стороной против гражданских объектов привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения, т.е. по существу к гуманитарной катастрофе, которую мировое сообщество или любое государство должны были предотвратить, видимо,

наиболее адекватна квалификация действий России как *операции по гуманитарному вмешательству*.

Участие США и России в реализации резолюции Совбеза ООН о ликвидации сирийского химического оружия, принятой 1 октября 2013 г., стало возможным ввиду совпадения их интересов в удалении смертоносных арсеналов из зоны конфликта. Однако после завершения операции противоречия государств, намеревавшихся сформулировать в СБ мандат на прекращение гражданской войны, вновь обострились. Россия оказала поддержку правящему режиму Б.Асада, а ряд западных держав – силам оппозиции.

После захвата части территории Сирии и Ирака группировкой «Исламское государство» алгоритмом сотрудничества великих держав стало совместное противодействие укреплению его позиций и расширению террористической деятельности. При этом Россия в качестве союзника в борьбе против ИГ избрала сирийский режим, а западные страны сделали ставку на иные региональные силы – так называемую «умеренную» (т.е. прозападную) оппозицию этому режиму и иракские власти. Между тем именно ООН по мандату Совета Безопасности могла бы выполнить функцию координации этих разнонаправленных усилий.

В политико-академическом сообществе дискутируются такие аспекты миротворчества, как его определение, классификация и типологизация; субъектность осуществления; условия и факторы легитимации; оптимальность выбора момента начала операций; содержание принципа беспристрастности или равноудалённости миротворческих сил от участников конфликта; формы принуждения со стороны войск ООН по отношению к конфликтующим сторонам; соотношение с войной, прежде всего справедливой; специфика «гуманитарных интервенций» и т.д..

Миротворческие операции, как правило, редко приводят к устойчивому долговременному миру. Гораздо чаще их результатом становится перемирие, возвращающее конфликт в его латентную форму. Базовый посыл миротворческих операций состоит в преодолении внешних проявлений конфликта – вооружённого насилия и кровопролития и содействии конфликтующим сторонам в согласовании интересов.

В докладе Независимой группы высокого уровня по миротворческим операциям «Объединяя наши силы во имя мира – политика, партнёрство, люди», подготовленном в 2015 г. по поручению Генерального секретаря ООН,

одной из основных проблем современного миротворчества называется растущий разрыв между ожиданиями мирового сообщества от разрешения конфликтов и реальными результатами по поддержанию мира. В этой связи ООН рекомендуется отказаться от прежнего подхода к миротворчеству, ориентированному на «замораживание» конфликта, прекращение кровопролития, разъединение сторон и предоставление им «места и времени» для урегулирования и последующего достижения политического решения, в пользу активной позиции лидерства в урегулировании – инициатив в ведении переговоров, разработки компромиссов и т.п.)¹.

В то же время авторы доклада считают нецелесообразным миротворчество в таких конфликтах, в которых противоборствующие стороны не позволяют ООН играть ведущую роль в их урегулировании, а создаваемые ею условия могут оказаться нереализуемыми и прилагаемые усилия напрасными. По мнению авторов доклада, если просматривается перспектива продолжительной неопределённости и нерешённости конфликта, непродуктивной затраты огромных средств, ООН следует воздерживаться от проведения операций по поддержанию мира².

В докладе предлагается считать нормой смену характера вмешательства путём быстрого и адекватного реагирования на изменение оперативной обстановки в зоне конфликта. В частности, в случае срыва перемирия одной из сторон и возобновления военных действий, ООН должна не сворачивать операцию по поддержанию мира, а использовать необходимые средства, в том числе силовые, для навязывания сторонам примирения.

Такой подход обосновывается фактами неудачных операций в недавнем прошлом, вызванных неподготовленностью ООН к мобильной смене характера и типа вмешательства. В Южном Судане попытка оказания поддержки становлению нового независимого государства оказалась нереализованной из-за возобновления гражданской войны. Вместо предполагавшегося «миротворчества» понадобилась физическая самозащита миротворцев, оказавшихся под перекрёстным огнём. В Мали имели место нападения экстремистских групп на миротворцев. В Демократической Республике Конго длившаяся 16 лет операция ООН по поддержанию мира оказалась под угрозой срыва из-за столкновений конфликтующих сторон. Понадобилось принятие дополнения к мандату организации, санкционировавшего наступательные

---

¹ Uniting Our Strengths – Policy, Partnerships, People. Report of the High-Level Independent Panel on Peace Operations. UN Document A/70/95-S/2015/446 17 June, 2015. https://www.un.org/sg/pdf/HIPPO_Report_1_June_2015.pdf . (дата обращения: 8 августа 2016 г..

² Ibid

действия по вытеснению сторон конфликта с ключевых территорий. В операциях ООН последних лет (в Центрально-Африканской Республике, Ливии, Сирии, Йемене) миротворцы вынуждены были эвакуироваться из мест основной дислокации из-за нападения участников конфликта.

Новая интерпретация даётся Группой высокого уровня принципу согласия сторон на международное вмешательство. В прошлом этот принцип формулировался применительно к конфликтам, в которых сторонами были суверенные государства – члены ООН. В современных условиях большинство конфликтов не являются межгосударственными. Гораздо чаще одна из сторон конфликта – легитимные государственные власти, а вторая – сепаратистские группировки, несостоявшиеся государства, внутренняя оппозиция, «полевые командиры» и т.д. Решающим при развёртывании операции, подчёркивается в докладе, является наличие или отсутствие согласия со стороны только легитимных государственных властей, на чьей территории происходит конфликт. Позиция же негосударственных акторов может приниматься во внимание в качестве дополнительного обстоятельства, тем более, что часто неясно, кто их возглавляет и имеет право принимать решения от их имени.

По-новому интерпретируется и принцип применения силы со стороны миротворцев. Если изначально он трактовался узко – как самооборона от нападения, то ныне его смысл отражает формулировка «защита мандата», означающая использование силовых функций в диапазоне от сдерживания сторон конфликта самим присутствием вооружённого контингента ООН до использования против них оружия в ситуациях, когда ставятся под вопрос продолжение миротворческой миссии и перспективы достижения мира.

В последние годы осуществлена определённая модернизация организации и инфраструктуры миротворчества. Сформированы постоянные резервные полицейские силы для использования в миротворческих операциях. Вместо отдельных малых полицейских групп из разных стран реализуется принцип предоставления странами полностью укомплектованных полицейских подразделений, готовых присупить к немедленному выполнению поставленных задач. Созданы региональные инфраструктурные «хабы» (центры комплектования и подготовки) миротворцев для операций на разных континентах.

Совершенствуется и техническая сторона операций. Новацией является сбор и системный анализ информации в целях миротворчества. Для решения этой задачи созданы специальные информационные центры, оснащённые современным коммуникационным оборудованием, начато использование беспилотных летательных аппаратов. Возникают практические и правовые проблемы, связанные, например, с тем, что ряд африканских стран запрещает

полёты «дронов» над своей территорией или ретрансляцию видеокартин местности¹.

Мировому сообществу предстоит разработать концепцию миротворчества с акцентом не на военно-политической стороне дела, а на формулировании совокупности мер по предотвращению и урегулированию конфликтов. В качестве одной из необходимых мер могут предусматриваться и полицейские акции, но лишь как крайнее, исключительное средство, применяемое тогда, когда все другие, мирные средства не срабатывают, когда в конфликте преобладает элемент радикализма или когда конфликт вступил в стадию войны и требуется принуждение сторон к прекращению огня. Но даже в этих случаях полицейские акции должны быть строго ограничены по целям, срокам и масштабам и не могут использоваться в качестве предлога для военной оккупации или постоянного военного вмешательства. Эффективное, адекватное обстоятельствам миротворчество может стать одним из существенных факторов формирования новой международной системы.

Миротворчество, связанное прежде всего с развёртыванием воинских контингентов, создаёт предпосылки для постконфликтного миростроительства (post-conflict peace-building) – комплекса мер, необходимых государствам для перехода от войны к миру и полноценному самоуправлению. Оно включает ликвидацию причин и условий для возобновления конфликтов, разоружения участников и их реинтеграцию в общество, восстановление разрушенной инфраструктуры, возвращение беженцев и перемещённых лиц, укрепление правопорядка, обеспечение прав человека, оказание технической помощи демократическому развитию. С целью содействия этому процессу ООН в июне 2006 г. учредила Комиссию по миростроительству (КМС), задачами которой являются налаживание диалога между основными участниками конфликтов для выработки долгосрочных стратегий восстановления и развития, противодействие терроризму, стабилизация режима нераспространения

Вся миротворческая деятельность ООН, констатируют отечественные исследователи А.Кутейников и А.Масляк, обусловлена поиском «оптимальной стадии» вмешательства, сводимой к трём основным вариантам. «Первый – осуществить вмешательство до возникновения конфликта или в его латентной фазе, пытаясь не допустить эскалации. Второй состоит в том, чтобы вмешаться в конфликт в момент его активного развёртывания, а третий предусматривает миротворческую деятельность после завершения конфликта»².

---

¹ См.: Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №3. С. 22-23.

² Кутейников А., Масляк А. Указ соч. с.38

Участие России в миротворческой и миростроительной деятельности ООН в настоящее время является ограниченным. На протяжении 1990-х гг. российские военные действовали в 15 миссиях ООН, а после 2000 г. их участие в международной миротворческой деятельности начало существенно сокращаться. В значительной степени это объясняется её реакцией на военные акции США и их союзников против Югославии и Ирака.

Нынешняя степень участия России в миротворчестве ООН существенно снижает её влияние и престиж как центра силы и субъекта управления процессами международной безопасности. В условиях динамичного и полного противоречий становления новой международной системы миротворческое взаимодействие России и Запада является вероятной среднесрочной перспективой, отвечающей потребностям мирового сообщества в формировании демократического миропорядка.

Особенно значимым может быть вклад России в установлении мира на территории постсоветского пространства. Именно у неё с начала 90-х гг. искали поддержку постсоветские республики, а международное сообщество признало определяющую роль РФ в процессе урегулирования конфликтов. При этом российский воинский контингент в ряде случаев выполнял свои функции в горячих точках постсоветского пространства во взаимодействии со структурами ООН.

Из четырёх миротворческих операций на постсоветском пространстве с участием России две можно квалифицировать как международные по мандату ООН с наблюдательными функциями – в Таджикистане (1994 г.) и Грузии/Абхазии (1993), а две – как региональные миротворческие операции с функциями разделения сторон и стабилизации обстановки в конфликтных регионах – участие в конфликтах в Грузии/Южной Осетии (1992 г.) и Молдове/Приднестровье (1992 г.).

При отсутствии мандатов ООН и региональных организаций (ОБСЕ и СНГ) к операциям в Южной Осетии и Приднестровье понятие «международная операция» применимо ввиду, во-первых, подписания Россией соглашений не только с Грузией и Молдавией, но и политическим руководством Южной Осетии и Приднестровья, и, во-вторых, её посредничества в качестве нейтральной, «третьей силы», равноудалённой от сторон конфликта. Применимость статуса легитимного вмешательства России по соглашению с правительствами сторон конфликта к этим операциям Западом отрицается.

Миротворческим действиям на пространстве СНГ предстоит получить международное признание в качестве самостоятельной ветви международного

миротворчества. Этого едва ли следует добиваться путём подведения всех действий в конфликтных регионах СНГ под расширительно понимаемое миротворчество. Необходимо, отмечает отечественный исследователь С.И.Романчук, « дифференцировать предпринимаемые действия по способам, субъектам, правовой основе и направить усилия на утверждение концепции регионального миротворчества Новых Независимых Государств в соответствии с международными принципами ООН»¹.

Вышеизложенное может быть резюмировано следующим образом.

Миротворчество как комплекс действий, осуществляемых мировым сообществом для прекращения войн, установления или поддержания мира. эволюционировало от ситуативных реакций на кризисы до признанного института урегулирования международных конфликтов.

Перед мировым сообществом стоит задача выработки новой технологии урегулирования и разрешения международных конфликтов, по своему содержанию и характеру протекания существенно отличающихся от конфликтов недавнего прошлого. Эта технология должна вобрать в себя наиболее эффективные политико-правовые методы, апробированные предшествующим опытом и вместе с тем включать инструментарий, отвечающий реалиям глоболизирующегося мира. Результативность новой технологии будет зависеть от умения учесть специфику каждого конкретного конфликта, от оптимальности в выборе средств его разрешения и искусства в их применении.

3.4. Гуманитарная интервенция в контексте глобальной конфликтности

В обстановке глобальной дестабилизации и социально-политических потрясений на Ближнем Востоке актуализировался вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости защиты прав населения от геноцида, военных преступлений и этнических чисток. Существенное место в теоретическом дискурсе по проблематике международных конфликтов

---

¹ Романчук С.И. Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2014, №1, с.78.

занимает концепция и политика «гуманитарной интервенции или «гуманитарной войны».

В мировом сообществе не сложилось единое мнение о содержании понятия и признаков гуманитарной интервенции. Некоторые политики и эксперты употребляют этот термин для случаев использования внешней военной силы с целью прекращения войн и нарушений прав человека национальными правительствами. Другие акцентируют внимание на применении военной силы для предотвращения гибели и страданий людей во время конфликтов, причём страна, осуществляющая силовое вмешательство, в военном смысле остаётся нейтральной и не вступает в прямое столкновение с участниками конфликта. Гуманитарная интервенция понимается и как миротворческая операция, осуществляемая ООН с согласия государства, на территории которого она предпринимается.

Под гуманитарной интервенцией обычно понимаются военные операции одних государств на территории других без согласия их правительств с целью предотвращения или пресечения масштабных нарушений прав человека, особенно права на жизнь, последующего поддержания стабильности и установления демократических норм правления.

Акции военного характера в отношении государств, где возникала угроза жизни определённых групп населения, предпринимались начиная с XIX века. Подобным образом Франция в 1860 г. обосновывала отправку своих войск в Ливан для спасения маронитов от уничтожения друзами. Этими же соображениями в 1901 г. мотивировалась военная экспедиция Германии, Австро-Венгрии, США, Франции, Великобритании, Италии, России и Японии в Китай с целью защиты своих подданных и китайских христиан, укрывшихся в осаждённых посольствах во время Ихэтуаньского восстания

В период холодной войны операции типа гуманитарных интервенций были практически неосуществимы ввиду противостояния двух блоков, находившихся в состоянии перманентной конфронтации, взаимных угроз и гонки вооружений. Введение вьетнамских войск в Камбоджу в декабре 1978 г. привело к свержению полпотовского режима и позволило прекратить репрессивную деятельность красных кхмеров. Однако оно вызвало в мире противоречивую реакцию, поскольку наряду с гуманитарной преследовалась и политическая цель – установление контроля над территорией Камбоджи (1979 – 1989).

Гуманитарные интервенции – сравнительно новое явление в международных отношениях. Они стали возможными в условиях размывания

границ между внутренним и внешним в жизни социумов, усиления плотности производственных, торговых, финансовых и информационных связей между государствами.

Концепция гуманитарной интервенции основывается на доминирующей в западной общественной мысли идее приоритета прав личности над интересами социума и правами государства. В то же время она не вполне легитимна, поскольку создаёт коллизию с фундаментальным принципом межгосударственных отношений – неприменение силы или угрозы силой, затрагивающим проблему государственного суверенитета.

Истоки концепции «гуманитарного вмешательства» и «смены режимов» прослеживаются в латиноамериканской политике Т.Рузвельта (в виде права «цивилизованных наций» на наведение порядка в отсталых и «неэффективных» странах), а доктрина превентивного использования военной силы, как констатируется в исследованиях американской политической культуры, восходит ко временам Дж.Адамса¹.

Впервые идея гуманитарной интервенции была сформулирована в 1987 г. профессором международного права Парижского университета Марио Беттати и основателем движения «Врачи без границ» Бернардом Кушнером, впоследствии министром иностранных дел Франции, в книге «Обязанность вмешиваться»². Ключевой тезис книги: демократические государства имеют право и даже обязаны ради защиты прав человека вмешиваться в дела тех государств, где они нарушаются.

Благодаря концепции гуманитарной интервенции современная политическая мысль вплотную подошла к идее о том, что нарушения прав личности могут ставить под вопрос легитимность государственного суверенитета. В ситуациях, когда насилие над местным населением, религиозные и этнические чистки создают угрозу его праву на жизнь, страны - участники гуманитарных интервенций становятся гарантами соблюдения прав личности в чужой стране. Целью предпринимаемых действий является не военная победа, а создание основ правового порядка.

В первой половине 90-х гг. акциями «вооружённого вмешательства с целью защиты прав человека» были: установление на севере Ирака запретной зоны для полётов военной авиации (прежде всего турецкой) с целью защиты

---

¹ Печатнов В.О Мировой порядок по-американски и по существу // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. №1. С.94.

² Bettati M. and Kouchner D. Le devoir d'intelligence: peut-on les laisser mourir? Paris: Denoel publishers, 1987

курдов от геноцида (1991 г.); гуманитарная операция в Сомали (1992 - 1993 гг.); бомбардировки боснийских сербов в Боснии и Герцеговине (1994 – 1995 гг.). Вместе с тем мировое сообщество не вмешалось в межэтнический конфликт в Руанде в 1994 г., жертвами которого стало около миллиона человек.

В 2000 году Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в Докладе тысячелетия обратился к государствам-членам организации с призывом об обязанности защищать мирное население от бедствий войны и геноцида: «Если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такие ситуации, как в Руанде или в Сребренице, как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?»¹

Идея «гуманитарной интервенции» впервые использовалась для обоснования бомбардировок Югославии авиацией стран НАТО в 1999 г. под предлогом защиты косовских албанцев. На практике она означала переход Запада к новому формату вооружённого вмешательства. Уже тогда экспертами констатировалось, что реакция Америки на кризис в Косово демонстрирует готовность «делать то, что ей кажется правильным, невзирая на международное право»².

В 2000-е гг. страны Запада реализовали идею «гуманитарной интервенции» в трёх странах – Афганистане (2001 г.), Ираке (2003 г.) и Ливии (2011 г.). Во всех трёх случаях вооружённое вмешательство в том виде, в каком оно было осуществлено, не получило санкции СБ ООН. В обозримой перспективе объектом такой интервенции может стать Сирия.

В афганском случае операция осуществлялась в формате «государственной самообороны», с использованием лозунга защиты населения Афганистана от режима талибов. В Ираке акцентировалась проблема поиска оружия массового уничтожения как источника угрозы мировому сообществу. Позднее к ней была «подвёрстана» гуманитарная составляющая. В Ливии, где войска НАТО изначально были нацелены на смену режима, СБ ООН резолюцией №1973 от 17 марта 2011 г. предоставил мандат лишь на обеспечение режима «бесполётной зоны» над страной «в целях защиты гражданского населения».

---

¹ Пятьдесят четвёртая сессия . Ассамблея Организации Объединённых Наций
<https://undocs.org/ru/A/54/2000>

² Glennon M. The New Interventionism: The Search for a Just International Law // Foreign Affairs. 1999. May – June. Vol.78. No 3. P.6.

В результате военных операций гуманитарная ситуация не улучшилась, не было даже обеспечено относительное спокойствие. Более типичным, особенно в Ираке и Косово, оказалось получение преимуществ одной из сторон противостояния. Участниками гуманитарных интервенций ставились задачи достижения собственных геополитических целей и отработки сценариев вмешательства в других стратегически важных регионах мира.

Примером успешного вмешательства мирового сообщества в гуманитарных целях в 2000-е годы отчасти может быть признано урегулирование конфликта в суданской провинции Дарфур. Под давлением мирового сообщества правительство Судана и Суданское освободительное движение в 2006 г. подписали мирное соглашение, не сопровождавшееся попытками смены правящего режима.

Понятие «гуманитарная интервенция» прочно закрепилось в политическом лексиконе, однако идея проведения такого рода акций вызывает ожесточённые споры в мировом сообществе, поскольку вступает в противоречие с закреплёнными в уставе ООН принципами государственного суверенитета, территориальной целостности и верховных полномочий ООН.

Аргументация сторонников концепции гуманитарной интервенции, придерживающихся в основном либеральных ценностей, такова.

1. Неспособность государств предотвратить хаос, террор и преступления против человечности, т.е. обеспечить контроль над своей территорией, ставит под вопрос легитимность государственного суверенитета.

2. Раннее и решительное вмешательство в конфликтную ситуацию может стать эффективным сдерживающим средством предотвращения геноцида или позволит выиграть время для начала переговоров и оказания помощи населению.

Оппоненты концепции, в частности, руководство России, Китая, ряда развивающихся государств, выдвигают следующие аргументы.

1. Использование гуманитарной риторики используется для попыток перекройки политической карты мира, распространения американской гегемонии на регионы, богатые природными ресурсами.

2. Гуманитарная интервенция может провоцировать рост сепаратизма, стимулируя радикальные группы внутри религиозных и этнических меньшинств к обострению конфликтов в расчёте на победу с помощью

миротворческих сил. По этому сценарию развивался конфликт в Ливии в 2011 г., завершившийся вторжением извне.

3. Трудно определить грань между защитой местного населения и военной агрессией, существует возможность злоупотребления гуманитарным вмешательством в качестве геополитического инструментария.

4. Гуманитарная интервенция может оказать дестабилизирующее воздействие на международные отношения, вызвать снижение предсказуемости и управляемости в мировой политике, усилить напряжённость.

5. Ресурсы для проведения эффективного вмешательства ограничены, поскольку основные операции последних 20 лет осуществлялись странами Запада, а воинские контингенты развивающихся государств плохо обучены для проведения таких операций.

Однако и среди сторонников гуманитарных интервенций нет единства. Для одних главное - в действенности и эффективности вмешательства, для других — в законности процедуры и возможности предотвращения злоупотреблений. Очевидно, что основу этого противоречия составляет сложность стыковки прав человека с принципом суверенитета государств и неприкосновенности их территорий.

Особую позицию по вопросу о гуманитарном военном вмешательстве занимают члены Совета Безопасности ООН Россия и Китай, что затрудняет достижение международного согласия по данной проблеме.

Россия отошла от позиции начала 1990-х гг., когда не только согласилась на введение войск НАТО в качестве миротворческих сил в Боснию и Герцеговину, но и сама приняла участие в этой акции. В настоящее время и на официальном уровне и на уровне обыденного сознания проявляется скептическое отношение к моральным основам гуманитарной интервенции, ставится под сомнение искренность побудительных мотивов западных стран. Аналогичной точки зрения придерживается и Китай, у которого существуют проблемы с населением Тибета и Синцзян-Уйгурского округа.

Диаметрально противоположный подход ведущих стран мира к самой необходимости проведения гуманитарных интервенций затрудняет или блокирует возможность получить санкции Совета Безопасности на их осуществление. В юридическом плане отсутствие такой санкции лишает гуманитарные интервенции легитимности. Сложившаяся ситуация приводит страны НАТО к решениям о допустимости вооружённого вмешательства с целью защиты прав человека без согласия СБ, вызывая демарши России и Китая.

Безусловно, гуманитарные интервенции вызываются не только альтруистическими соображениями, но нередко реальными политическими и/или экономическими интересами развитых государств. В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос об установлении максимального числа простых и чётких условий осуществления вооружённого вмешательства, признаваемых и соблюдаемых возможно более широким кругом субъектов международного права

С конца 90-х гг. мировым сообществом предпринимаются попытки разработать теоретическое и юридическое обоснование концепции гуманитарной интервенции.

По мнению известного учёного-международника Дж. Ная, одного из создателей концепции «умной силы», целесообразность осуществления гуманитарных интервенций должна определяться четырьмя принципами: если в глазах окружающих ваше дело – правое; если затраченные средства адекватны результату; если вероятность успеха достаточно высока и если, по возможности, гуманитарная задача сочетается с другими национальными интересами¹.

Предлагаемые принципы представляются абстрактными и спорными ввиду неясности конкретного источника моральной санкции «гуманитарной интервенции», отсутствия объективных критериев для определения вероятности её успеха и адекватности затраченных средств достигнутому результату.

В целях создания правовых рамок для осуществления гуманитарных интервенций Генеральным секретарём ООН К. Аннаном в 2000 г. была инициирована выработка альтернативного сценария для защиты прав человека без согласия руководства государства, в котором они нарушаются. Учреждённой под эгидой ООН Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКВГС) в 2001 г. был представлен доклад «Ответственность по защите» (The Responsibility to Protect), в котором предлагалось отказаться от концепции «гуманитарной интервенции» в пользу концепции «ответственности по защите». В докладе подчёркивалась необходимость минимизации военного насилия при проведении гуманитарных операций, а иностранное вмешательство трактовалось как ответственность государств по защите населения другого государства в случае, если оно не в состоянии выполнить свои обязательства по защите собственных

---

¹ Nye, J. Redefining the National Interest // Foreign Affairs. 1999. July-Aug. Vol.78. No.4. P.27-28

граждан. Ответственность мирового сообщества была обозначена в виде трёх задач – «предотвращать», «реагировать» и «перестраивать»¹.

В сентябре 2005 г. в ходе Всемирного саммита ООН все государства-члены официально признали концепцию «ответственности за защиту» гражданского населения от геноцида и жестокости. Однако до сих пор мировое сообщество не пришло к консенсусу относительно необходимости закрепления концепции в Уставе ООН в качестве обязывающей юридической нормы, нет ясности в отношении того, какие ситуации являются правомерным основанием для её применения.

В результате с точки зрения международного права концепция «ответственности по защите» не открывает перспективы преодоления международно-правового тупика, существующего вокруг гуманитарной интервенции. Решение вопроса о легитимности «гуманитарного вмешательства» остаётся прерогативой Совета Безопасности ООН.

Идея применения на практике концепции «ответственности по защите» в целом поддерживается экспертным сообществом и администрациями США. С конца 90-х гг. в экспертной среде сложился консенсус относительно того, что защита прав человека выходит за рамки исключительной внутренней компетенции государств. Преобладает мнение: принципы международного права и отсутствие легитимности не должны являться безусловным ограничителем действий отдельных государств, в частности США, в ситуациях, когда массово нарушаются права человека. Предлагается легитимизировать осуществление вооружённых операций ответственными или заинтересованными организациями и коалициями без санкций ООН, а также возможность одобрения подобных операций Советом Безопасности *постфактум*².

Практическое наполнение вышеизложенные положения нашли в резолюции Совета Безопасности ООН 1737 от 17 марта 2006 г., которая наделила государства – члены организации правом принимать все необходимые

---

¹ Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2006 года. <http://www.docme.ru/doc/16921/rezolyuciya-oon-1737>(дата обращения: 10.08. 2013).

² Rice S.E., Loomis A.J. The Evolution of Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect // Beyond preemption: force and legitimacy in a changing world / Ivo H. Daalder, editor. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007. p. 59-95.

меры для защиты гражданского населения и с целью решения этой задачи санкционировала создание бесполётной зоны над Ливией¹.

Военная операция против Ливии, проводившаяся под командованием США с 19 по 31 марта 2011 г., даёт шансы концепции «ответственности по защите» войти в концептуальный багаж внешней политики США и стать одним из значимых компонентов стратегии достижения и поддержания глобального лидерства.

С учётом имеющихся прецедентов можно прогнозировать, что в контексте формирующегося миропорядка концепция гуманитарной интервенции и её модификация «ответственности для защиты» останется идейной основой для реализации геополитических целей Запада.. Она является результатом своеобразного консенсуса между соперничающими направлениями международно-политической теории – реализмом (с его акцентом на силе и проблемах безопасности) и идеализмом, сфокусированным на вопросах справедливости и морали. Гуманитарный интервенционизм представляет собой своеобразный синтез силовых методов решения проблем и морального подхода к политике.

Вышеизложенное даёт основание для следующих выводов.

Силовое гуманитарное вмешательство относится к числу наиболее острых политических и идеологических проблем современности, не имеющих однозначного решения. Главной проблемой концепта гуманитарной интервенции является делегитимизация государственного суверенитета через нарушение прав человека.

Для разрешения коллизии между базовыми принципами международного права – обеспечением суверенитета государств и защиты прав человека, с нашей точки зрения, было бы продуктивно:

1. Признание на международно-правовом уровне права государств или коалиций применять силу для предотвращения гуманитарных катастроф в третьих странах в связи с массовыми нарушениями прав человека без санкции ООН, сформулировав чёткие условия такого вмешательства, которые признавались бы большей частью мирового сообщества.

---

¹ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. <http://www.docme.ru/doc/16921/rezolyuciya-oon-1973>(дата обращения: 10.08. 2013).

2. Изменение правил принятия решений по такого рода вопросам в Совете Безопасности, например, путём отмены права вето при голосовании, если решение поддерживается квалифицированным большинством членов Совета (2/3 или более), включающим четырёх постоянных¹.

3. Вынесение наиболее сложных вопросов на рассмотрение чрезвычайных специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН и принятие решений при достижении широкого согласия, значительно превышающего 2/3 голосов стран-участниц.

Мировому сообществу предстоит чётко определить содержание международно-правовых дефиниций «гуманитарная интервенция» и «ответственность за защиту», найти ответы на следующие вопросы: что такое «гуманитарная катастрофа» и кто имеет право квалифицировать ситуацию как «гуманитарную катастрофу»; кто должен принимать решения о той или иной форме вмешательства во внутренние дела суверенных государств по «гуманитарным» причинам», санкционировать и реализовывать соответствующие акции; кто сможет гарантировать, чтобы «гуманитарная интервенция» не была использована как прикрытие свескорыстных геополитических и геоэкономических интересов осуществляющих её государств; как исключить или минимизировать ущерб гражданскому населению страны, в дела которой осуществляется «вмешательство по гуманитарным причинам»; как обеспечить универсальность применения принципа «гуманитарного вмешательства».

Проблема гуманитарных интервенций является важным аспектом одного из глобальных трендов современного международно-политического развития – обострения коллизий вокруг положения о безусловном суверенитете государств и принятии их внутривнутриполитического статуса как императивной данности. Идея недопустимости внешнего воздействия на внутренние дела государств обычно отождествляется с Вестфальским миром (1848 г.).

В обществах с превалирующей демократической политической культурой возрастает готовность толерантно относиться к вовлечению во внутренние дела государств, особенно по мотивам гуманитарного и/или этического

---

¹ Международно-политическим реалиям и логике формирующегося полицентризма, на наш взгляд соответствует предложение отечественного учёного А.Н.Калядина о внесении в процедуру принятия субстантивных решений в Совете Безопасности следующего изменения : если проект резолюции поддерживается девятью и более членами, включая четырёх постоянных членов, то пятый постоянный не прибегает к праву вето и он считается принятым (См.: Калядин А. В какой реформе нуждается Совет Безопасности ООН? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №7, с.49).

характера. Со стороны тех, кто считает себя фактическим или потенциальным объектом внешнего влияния, усиливается противодействие таковому. Первый из этих подходов представляется более перспективным для глобализирующегося мира, но его становление может оказаться весьма продолжительным во времени. Столкновение этих подходов и сложность достижения баланса между ними, видимо, являясь источником проблемных ситуаций и конфликтности в мировой политике.

С нашей точки зрения, гуманитарная интервенция - целесообразное средство гуманизации ситуации в зонах конфликтов, но в каждом случае уникально и реализуемо в зависимости от совокупности конкретных обстоятельств внутри и внешнеполитического характера. Будучи направленной против хаоса и не являющейся агрессией, она не может иметь своей целью военную победу и установление внешнего контроля над объектом, в котором нарушаются права человека. Обеспечение этих прав несовместимо с пренебрежением существующими традициями и насильственным внедрением в социальную практику чуждых поведенческих стандартов, религиозных догм и политических принципов.

ГЛАВА 3

ЗАПАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

3.1. Дефиниция и причины международных конфликтов: подходы к изучению

Международный конфликт как особое политическое отношение на протяжении длительного времени изучался главным образом исторической наукой, вне сравнения с другими видами социальных конфликтов. В 40-60-х годах в работах прежде всего П. Сорокина и К. Райта оформился иной подход к международным конфликтам – как разновидности социальных конфликтов.

П. Сорокин, К. Райт и Л. Ричардсон предприняли попытку сравнительного изучения значительного числа войн и выявления закономерностей их возникновения и развёртывания. Для исследования вооружённых конфликтов на обширном фактическом материале они первыми использовали

количественные методы анализа. В работах этих учёных были заложены методологические и концептуальные основы конфликтологии международных отношений.

Представители «общей теории конфликтов» (К. Боулдинг, Р. Снайдер и др.) не придают существенного значения специфике международного конфликта как одной из форм взаимодействия между государствами. К этой категории они нередко относят многие события внутренней жизни в отдельных странах, влияющие на международную обстановку: гражданские волнения и войны, государственные перевороты и военные мятежи, восстания, партизанские действия и пр.

Для характеристики международных конфликтов используется различная терминология: враждебность, борьба, кризис, вооруженное противостояние и пр. Общепринятого определения международного конфликта пока не существует из-за многообразия его признаков и свойств политического, экономического, социального, идеологического, дипломатического, военного и международно-правового характера.

Одно из признанных в западной политической науке определений международного конфликта дано К. Райтом в середине шестидесятых годов: «Конфликт есть определенное отношение между государствами, которое может существовать на всех уровнях, в самых различных степенях. В широком смысле конфликт может быть подразделен на четыре стадии: 1) осознание несовместимости; 2) возрастающая напряженность; 3) давление без применения военной силы для разрешения несовместимости; 4) военная интервенция или война для навязывания решения... Конфликт в узком смысле относится к ситуациям, в которых стороны предпринимают действия друг против друга, т.е. к двум последним стадиям конфликта в широком смысле»¹.

Достоинством этого определения является рассмотрение международного конфликта как процесса, который проходит определенные стадии развития. Вместе с тем из данного определения не ясно, что именно служит причиной несовместимости государств. Кроме того, совершенно неправомерно выделение войны в качестве обязательной стадии развития международного конфликта, поскольку вооруженное насилие не является обязательным условием ни его возникновения, ни его разрешения. Понятие «международный конфликт» шире понятия «война», которая является частным случаем международного конфликта.

---

¹ Wright Q. Escalation of International Conflict // The Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. IX. N 4. P.435.

Представляется более плодотворным определить международный конфликт как одну из форм проявления межгосударственных противоречий на стадии их значительного обострения, когда стороны предпринимают открытые действия друг против друга с целью реализации своих интересов, используя при этом все доступные средства, которые могут быть применены в данной международной обстановке. Иными словами: международный конфликт – это прямое столкновение государств.

Вопрос о природе международных конфликтов занимает одно из центральных мест в истории и теории международных отношений.

Выявление причин конфликтогенного внешнеполитического поведения привлекало внимания исследователей мировой политики, как минимум, со времён Дж.Кеннана - американского дипломата и учёного, наиболее известного в качестве идеолога «политики сдерживания» времён холодной войны. Его предложения по модификации стратегии США в отношении СССР после окончания Второй мировой войны отражали видение истоков «советского поведения». Впоследствии Дж.Кеннан проявил способность критически относиться к политике Соединённых Штатов по отношению к Советскому Союзу и миру в целом.

В качестве причин международных конфликтов обычно называют:

- конкуренцию государств;
- несовпадение национальных интересов;
- территориальные притязания;
- социальную несправедливость в глобальном масштабе;
- неравномерное распределение в мире природных ресурсов;● принадлежность к разным цивилизациям;
- соперничество идеологий;
- негативное восприятие сторонами друг друга;
- личная несовместимость руководителей и пр.

С системной точки зрения такое перечисление возможных причин малопродуктивно и не дает ответа на самый главный вопрос: что следует считать главной причиной международных конфликтов? Без ответа на него анализ природы международного конфликта теряет перспективу общего и обязательного решения.

Наиболее распространённой причиной конфликтов исследователи считают борьбу за природные ресурсы. С.Тодд отмечает, что прежде всего территориальные споры и столкновения по поводу ресурсов представляют собой наиболее частный повод для гражданских войн и межгосударственных конфликтов¹. Дж.Максвелл и Р.Рёвени, исходя из посыла о неизбежной катастрофичности дефицита ресурсов по мере роста численности населения и увеличения масштабов производства, прогнозируют рост напряжённости и конфликтности в отношениях между слаборазвитыми странами².

Кроме «экономического» объяснения войн к числу их причин часто относят несовместимость демократий с авторитарными режимами в слабых государствах. В будущем, по мнению ряда исследователей, вероятно превалирование войн под руководством и при участии США по «спасению» неблагополучных государств. их демократизации и либерализации³.

По мысли создателя теории «конца истории» Ф.Фукуямы, источник конфликтов в новую историческую эпоху заключается в противостоянии «исторических» стран (т.е.идущих по пути эволюционного развития) и «постисторических» (т.е.либеральных демократий)⁴.

В интерпретации мировой конфликтности аналитики исходят из базового постулата теорий постиндустриального и информационного общества – смене стадий общественного развития в результате утверждения нового социально-технологического уклада с главенствующей ролью науки и информации.

Согласно Т.Фридману, основной источник конфликтности в современном мире заключается в столкновении интересов стран, сумевших воспользоваться благами глобализации и оставшихся на периферии технологического развития. Он считает, что основная масса конфликтов будет происходить между «быстрым» (постиндустриальным) миром и «медленным» миром⁵.

---

¹Todd S. Economic Analysis of Conflict // The Journal of Conflict Resolution. 2000. No 44 (6). P.724-725.

²Maxwell J., Reuveni R. Resource Scarcity and Conflict in Developing Countries // Journal of Peace Research. 2000. Vol.37 (3). P.303.

³Montgomery J., Rondinelli D. A Path to Reconstruction //Harvard International Review (Cambridge). 2004. No 26 (2). P.26; Eizenstat S., Porter J., Weinstein J. Rebuilding Weak States // Foreign Affairs. 2005. No 84 (1). January / February. P.141- 142.

⁴Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. Summer 1993.

⁵Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 1999

П.Кеннеди и Р.Каплан прогнозируют анархию в многих странах Юга, где функционируют неэффективные режимы и отсутствуют условия для экономического развития. По их мнению, основная линия раскола современного мира пройдет между бедным, теряющим управляемость Югом, и богатым, самодовольным Севером¹.

В последние годы в качестве наиболее вероятного источника конфликта исследователи называют глобальное перемещение власти от Запада к Востоку. Придерживающийся этой точки зрения американский ученый Дж.Хож приводит следующую аргументацию. Восходящие азиатские страны являются националистическими, помнят о допущенной по отношению к ним несправедливости и претендуют на достойное место в мировой иерархии. Конфликты вокруг Тайваня, Кореи и Кашмира могут превратиться в полномасштабные войны, по сравнению с которыми боевые действия на Ближнем Востоке покажутся заурядными полицейскими операциями².

В теориях мировой политики представлены следующие интерпретации феномена международной конфликтности, понимаемой как поведение, при котором основным инструментом достижения актором своей цели выступает конфликт.

Представители политического реализма (Г.Моргентау, Дж.Кеннан . Г.Киссинджер, К.Уолтц и др.). продолжающие интеллектуальные традиции Н.Макиавелли, Т.Гоббса, К.Клаузевица, считают конфликты имманентно присущими международным отношениям и принципиально неустранимыми. Они оценивают мотивацию конфликтного поведения исходя из агрессивной природы человека как биологического вида . Главная задача политики им видится в умении управлять конфликтами.

Либералы (И.Кант, И.Бентам) рассматривали международные конфликты как эксцессы в процессе сотрудничества. И.Кантом разработан Договор о вечном мире – план исключения войн из жизни человечества. Неолибералы (Р.Кеохэйн, Дж.Най и др.) акцентируют внимание на международной кооперации как способе преодоления глобальной конфликтности.

Марксисты и неомарксисты видят причину международных конфликтов в классовых противоречиях, эксплуатации транснациональными корпорациями

---

¹ Kennedy P. Preparing for the 21st Century. N.Y, 1993; Kaplan R. The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War. N.Y., 2000.

² Hoge J. A Global Power Shift in the Making. Is the United States Ready? // Foreign Affairs. 2004. No 83. Julu/August. P. 2 -7.

архаичной периферии и полупериферии. По мнению И.Валлерстайна, первопричина глобальной нестабильности кроется в существовании капиталистической мир-системы, генерирующей международные конфликты.

Международные конфликты возникают не потому, что граждане и руководители разных государств негативно воспринимают друг друга, принадлежат к разным цивилизациям и пр., а потому, что развивается бисбаланс отношений, препятствующий определённым государствам осуществлять свои обязательные функции – поддерживать экономическое благополучие, обеспечивать свободу и независимость своих граждан, защищать интересы страны на международной арене и т.д.

3.2.Основные направления анализа международных конфликтов.

Существуют три основных направления в исследовании международных конфликтов как формы взаимодействия между государствами – «стратегические исследования» (концепции К.Боулдинга, Г.Кана, Л.Козера, Дж.Бертон, Л.Козера, Дж.Коллинза, А.Рапопорта, Т.Шеллинга и др.), «исследования конфликта» (концепции Р.Арона, Ф.Брайар, Б.Броди, Й.Галтунга, М.-Р. Джалили, М.Каплана, А.Органски, К.Уолтца, и др.) и «исследования мира» (Й.Галтунг, К.Райт и др.). Направления объединяет стремление осмыслить роль конфликтов в функционировании международной системы и отношениях между её компонентами, сформулировать на этой основе практические рекомендации для политики. Различия между ними носят методологический характер, проявляются в их связи с практикой международных отношений.

Анализ международных конфликтов с позиций **стратегических исследований** направлен на разработку практических аспектов реализации национальных интересов, обеспечения безопасности государства, создания благоприятных условий для победы в возможных войнах. Эти исследования осуществляются в рамках парадигмы политического реализма с её приоритетом государственно-центричной модели международных отношений и силовых методов достижения целей.

Стратегические исследования являются на Западе одним из ведущих направлений в науке о международных отношениях. В США существует более тысячи созданных с целью осуществления таких исследований институтов,

среди которых наиболее известные «мозговые центры» - RAND Corporation, Брукингский институт, Вашингтонский институт оборонных исследований, Центр стратегических и международных изучений Джорджауэнского университета и др.

В 50-70-е гг. с созданием ракетно-ядерного потенциала стратегические исследования концентрировали внимание на проблематике взаимного устрашения и обеспечения стабильности в её конфронтационной форме. Часть экспертов, представленная прежде всего Т.Шеллингом в работе «Стратегия конфликта»(2007), считала возможным обеспечить контроль в кризисных ситуациях путём демонстрации силы, запугивания противников с целью заставить их поддаться давлению и пойти на компромисс. «Кризисная дипломатия» Т.Шеллинга по существу представляла собой вариант даллесовской концепции балансирования на грани войны и могла подвести мир к термоядерной войне.

Согласно теории конфликтного поведения А.Рапопорта, изложенной в работах «Стратегия и совесть»(1968) и «Большая двойка:советские и американские представления о внешней политике» (1971), разрешение любого конфликта возможно благодаря рациональному поведению его участников путём перевода в русло «дебатов», в ходе которых стороны стремились бы к справедливому решению, согласующемуся с требованиями разума и морали. Мысль о необходимости урегулирования конфликтов путём переговоров фактически отрицала «кризисную дипломатию» США и стимулировала реалистические тенденции во внешней политике этой страны, поворот к разрядке.

Идею рационализации конфликтного поведения развивал Г.Кан в работах «О термоядерной войне» (1960) и «Мысли о немыслимом» (1968). Главная идея теории эскалации - война должна вестись по определённым правилам, не перерастая в экстремальный глобальный катаклизм с катастрофическими последствиями. Наработки Г.Кана легли в основу принятой в 1961 г. стратегии «гибкого реагирования»

В 80-е гг. с приходом к власти в ведущих странах Запада неоконсерваторов была предпринята попытка выхода за рамки стратегии устрашения и реабилитации возможности победы в ядерной войне. Этому во многом способствовали новые тенденции в области вооружений и военных технологий, способных обеспечить преимущество не наступательной, а оборонительной стратегии и минимизировать возможные последствия

гипотетического ядерного удара, а в перспективе призванных обеспечить их обладателям «ядерную неуязвимость».

С окончанием холодной войны и крушением биполярной международной системы перед «стратегическими исследованиями» на первый план выдвинулся поиск адекватного ответа на вызовы, возникающие из-за распространения в мире новых типов конфликтов, генерируемых ростом децентрализованного политического насилия, агрессивного национализма, международного терроризма и организованной преступности и т.д. Сложность решения этих задач в условиях всё большей доступности новейших видов вооружений предопределила актуальность подходов, которые находят применение в рамках второго направления в изучении конфликтов – «исследовании конфликтов».

Второе направление - **«исследования конфликта»** концентрирует внимание на вопросах, не рассматриваемых первым направлением, а именно на происхождении и разновидностях международных конфликтов. По каждому из вопросов существуют различия в подходах.

Так, в вопросе о происхождении международных конфликтов могут быть выделены две позиции. В рамках одной из них международные конфликты объясняются причинами, связанными с характером структуры международной системы. Сторонники второй склонны выводить их из контекста, то есть внутренней среды системы межгосударственных отношений.

Первая из позиций может быть проиллюстрирована «теорией структурного агрессии» Й.Галтунга, изложенной в работах «Структурная теория агрессии» (1964), «Конфликт как образ жизни» (1968), «Права человека: новый взгляд» (1994) и др. Согласно этой теории причиной международных конфликтов служит разбалансирование критериев, определяющих место государств в международной системе. В соответствии с одними критериями у государства могут быть сильные позиции в системе, а по другим – слабые.

Ситуация структурного разбалансирования, согласно Й.Галтунгу, способна вызвать агрессию, причём не обязательно в форме военного противостояния. Последнее становится наиболее вероятным при двух условиях: во-первых, когда насилие превращается в неотъемлемую и привычную черту жизни общества; во-вторых, когда исчерпаны все другие средства поддержания необходимого баланса.

Согласно «теории структурной агрессии» прочный мир недостижим до тех пор, пока из международных отношений не будет изжито насилие не только в непосредственном виде, но и «структурное насилие», проявляющееся в

зависимости «периферии» от «центра». «Структурный конфликт», считает Й. Галтунг, деформирует развитие западных стран, порождая внутренние конфликты, оказывающие обратное воздействие на международные отношения.

Разновидностью «структурного» подхода к вопросу о происхождении международного конфликта является классификация трёх уровней его анализа, предложенная создателем неореализма («структурного реализма») К. Уолтцем в книге «Человек, государство и война» (1959). Это – уровни индивида, государства и международной системы.

. На первом уровне исследование причин международного конфликта предполагает изучение естественной природы человека и его психологии — прежде всего особенностей психологического облика государственных деятелей (отражаемых, например, в теориях инстинктов, фрустрации, агрессии и т.п.). На втором — рассматриваются детерминанты и факторы, связанные с геополитическим положением государств, а также специфика господствующих в них политических режимов и социально-экономических структур. Наконец, на третьем уровне выявляются характерные черты международной системы - «полярность», или «конфигурация соотношения сил», другие структурные признаки.

К структурным представлениям о происхождении международных конфликтов могут быть отнесены и господствовавшие в отечественных исследованиях интерпретации этого явления. Происхождение конфликтов объяснялось неоднородностью глобальной международной системы, свойственным ей разделением на мировую капиталистическую систему, мировой социализм и развивающиеся страны, в среде которых происходило размежевание на классовой основе. Фундаментальная же причина конфликтов и их основной источник виделись отечественным учёным в агрессивной природе империализма.

Сторонники контекстной детерминации международных конфликтов

Ф. Брайар и М.-Р. Джалили объясняли их зарождение особенностями взаимодействия международной системы и её внутренней среды. С этой точки зрения кризисам и следующим за ними конфликтам способствует международный контекст, характеризующийся размыванием или резким изменением соотношения сил. В обоих случаях государства теряют адекватное представление о взаимном положении в международной иерархии и предпринимают нередко спонтанные действия в поиске новой системы

координат. Международные кризисы (Суэцкий, Берлинский и Карибский) помогли достичь устойчивого соотношения сил.

Ф. Брайар и М.-Р. Джалили выделяют три группы международных конфликтов в зависимости от природы, мотивации участников и масштабов.

- классические межгосударственные конфликты (межгосударственные конфликты с тенденцией к интеграции; национально-освободительные войны)

- территориальные и нетерриториальные (нетерриториальные – по социально-экономическим мотивам, идеологическим, из-за воли к могуществу)

- по масштабам: генерализованные (например, мировые войны), региональные, субрегиональные (Индия-Пакистан, Иран-Ирак), ограниченные (в рамках одного государства).

Отсутствие общепринятого определения структуры международных отношений придаёт условность разграничению «структурного» и «контекстуального» подходов, которые взаимосвязаны и содержат ряд общих идей. В частности, их объединяет приверженность государственноцентричной модели международных отношений, для которой характерно сведение всего многообразия международных конфликтов к межгосударственным.

Третье направление - **исследования мира** - сосредоточено на поиске путей достижения мира, на разработке способов недопущения конфликта или методик по выходу из него.

Существенный вклад в изучение этой проблематики внёс К.Райт работами «Изучение войны» (1942), «Проблемы стабильности и прогресса в международных отношениях» (1954), «Исследование международных отношений» (1955), «Международный закон и Соединённые Штаты», «Роль международного права» (1961) и др. С работы «Изучение войны», в которой проанализированы 278 внутренних и международных конфликтов за период с 1482 по 1940 г., началось формирование нового исследовательского направления – изучения проблем мира (peaceresearch).

Тяготая к научной школе «политического реализма», К.Райт, подобно её создателю Г. Моргентгау, считал причиной войн мессианство и стремление к распространению «абсолютных ценностей» и «единственно верных идеологий» причиной войн. Подчёркивал необходимость различения идеального, регулируемого едиными нормами мирового порядка, и реального,

детерминируемого многообразием национальных интересов, религий, культур и политических систем.

К.Райт предложил трактовку мира как динамического баланса, включающего политические, социальные, культурные и технологические факторы. Война рассматривалась как следствие нарушения этого баланса.

Конструктивна мысль К.Райта о дифференциации мира на «негативный» и «позитивный». Первый понимался как отсутствие войны, второй – как преобладание не только внутри сообщества, но и за его рамками порядка и справедливости.

К.Райт исходил из посыла об объективном характере интеграционных процессов, возрастания регулирующей роли международного права, эффективности международных организаций и не исключал возможности создания мирового правительства. Разделяя реалистскую концепцию баланса сил, возражал против её абсолютизации и стремился в существующих научных школах выявить рациональное начало.

Важное место в методологии создателя и признанного лидера исследований проблематики мира Й.Галтунга занимают понятия «негативного» и «позитивного» мира» Под «негативным» миром понимается замораживание конфликта, прекращение активной фазы при полном сохранении основных противоречий, лежащих в его основе. «Позитивный» мир – нечто более устойчивое, основывающееся на разрешении этих противоречий и сотрудничестве антагонистов конфликта

Исследования мира во многом основываются на глобалистских представлениях о сущности и функционировании мировой системы. Й.Галтунг исходит из посыла об открытости международной системы и обосновывает гипотезу о вероятном упадке в перспективе не только государств-наций, но и транснациональных корпораций, что в итоге должно привести к созданию мирового правительства. Лейтмотивом работ Й.Галтунга являются тезисы о необходимости симметризации международной системы, более справедливого распределения ресурсов между акторами,

В рамках данного направления значительное место занимает комплекс вопросов, связанных с поисками урегулирования международных конфликтов. В рассмотрении этой проблематики могут быть выделены три подхода. Один из них связан с традициями англосаксонской школы «Conflict Resolution» («урегулирование конфликта»), второй основывается на видении, присущем

европейскому течению «Peace Research» («Исследования мира»), третий делает акцент на процессе международных переговоров.

Чёткой грани, разделяющей первый и второй подходы – урегулирование конфликтов и исследование проблем мира не существует, поскольку они ориентированы на изучение конфликтных ситуаций. К исследованию проблем мира тяготеет более пацифистски настроенное крыло учёных, выступающее с позиций свёртывания гонки вооружений и обеспечения международной безопасности

Значительную роль в развитии первого подхода продолжает играть созданный в 1955 году при Мичиганском университете «Journal of Conflict Resolution». Приверженцы данного подхода уделяют центральное место анализу вопросов, относящихся к механизмам разрешения и контроля конфликтов и к поиску на этой основе путей перехода от конфронтации к сотрудничеству. Большое значение придается разработке математических и игровых методов изучения социального конфликта.

Одна из широко распространенных позиций состоит в том, что конфликты являются универсальным феноменом, присущим всем сферам общественной жизни. Это означает, что они не могут быть устранены — в том числе и из области международных отношений. Поэтому речь должна идти о таком подходе к конфликтам, который позволил бы управлять ими с целью нахождения общей пользы для каждого из участников. С этой точки зрения, существует четыре способа разрешения социальных конфликтов: 1) соглашение в результате совпадения мнения всех сторон; 2) соглашение в соответствии с законодательной или моральной волей внешней силы; 3) соглашение, навязанное одной из сторон конфликта; 4) ситуация, когда застарелый конфликт теряет свою актуальность и разрешается сам собой.

В осознании возможностей разрешения международных конфликтов мирными средствами большую роль сыграли публикации выходящего в Осло периодического издания — «Journal of Peace Research». Одним из важных выводов, сделанных в рамках формируемого им идейно-теоретического течения, стал вывод о том, что мир — это не просто отсутствие войны, но прежде всего — законность и справедливость в отношениях между государствами. Й. Галтунг идет еще дальше, считая, что мир — это не просто отсутствие прямого насилия, но и отсутствие любых форм насилия, в том числе и тех, которые проистекают из структурных принуждений.

Характерной чертой данного течения западной конфликтологии является присущая ему значительная степень нормативизма. Мир рассматривается его представителями не только как ценность, но и как цель, достижение которой предполагает активные действия его сторонников. Средства таких действий могут быть разными — некоторые из авторов не исключают даже временного использования силы, усугубляя тем самым внутреннюю противоречивость течения.

Различие между рассматриваемыми течениями носят в значительной мере условный характер. Подтверждением может служить тесное сотрудничество их представителей в исследовании происхождения, природы и способов урегулирования конфликтов. Немаловажным является и то обстоятельство, что оба течения одним из важнейших средств урегулирования конфликтов считают переговоры.

На использование переговоров как особого вида взаимодействия между государствами оказывают воздействие две противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, представление о них как о средстве разрешения международных конфликтов и достижения мира; с другой – как о способе оказания давления на партнёра с целью получения от них максимальных уступок.

Разнообразие подходов к вопросу о сущности, причинах и функциях международных конфликтов вызывается многогранностью этого феномена и, как следствие, – возможностью акцентов на тех или иных его аспектах, различной интерпретации детерминант, хода и исхода.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аватков В., Винокуров В. Международные организации и урегулирование конфликтов. М.: Дашков и К. 2017. 188 с

Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология. Базовые концепты и региональные модели . М.: Альфа – М., 2009. 112 с.

Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008. 480 с.

Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки. Под ред. Ю.А.Красина. М.: Институт социологии РАН, 2013. 139 с.

Анашкина Е.Б. Подходы администрации Д.Трампа к государствам постсоветского пространства //США-Канада: экономика, политика, культура. 2018. С.52-62.

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. М.: Книжный дом. 2012. 526 с.

Арапова Е.Я. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №6. С 77-85.

Арбатов А.Г. До основания, а затем...Устарел ли контроль над ядерными вооружениями? // Россия в глобальной политике. №3. Май-июнь. 2017. С. 84-103.

Балуев Д.Г. Политика в войне постиндустриальной эпохи / Современная мировая политика: Прикладной анализ. Отв.ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010.

Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2018.- 358 с.

Батюк В.И. Мировая политика. М.: Юрайт, 2016. 256 с.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек.- М.: Прогресс – Традиция, 2000. 383 с.

Белланже Л. Переговоры. 5-е изд.СПб: Издательский дом «Нева», 2003. 122 с.

Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Зб.Бжезинский. - М.: Международные отношения, 2007. 288 с.

Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / Зб.Бжезинский. - М.: Международные отношения, 2012. 288 с.

Бжезинский Зб. Кризис мировой власти и тройственные отношения // Россия в глобальной политике. №1. Январь-февраль. 2017. С.132-138.

Блищенко В.И.Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 2014. 304 с.

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Бусыгина И.М. Политическая география. Формирование политической карты мира. М.: Аспект Пресс, 2017. 384 с.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос. 2003. 368 с.

Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. №4. С.35-49.

Василенко И.А. Искусство международных переговоров. Политические переговоры: Учебное пособие. 4 изд., М.: Международные отношения, 2014. 416 с.

Галенович Ю.М. Китайские претензии. Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. М.: «РУССКАЯ ПАНОРАМА», 2015. 136 с.

Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. М.; СПб.: Питер, 2005.

Гарри М. Конкурентная стратегия Пекина и малых стран АСЕАН в Южно-Китайском море // Международные процессы. 2015. №1 (40).

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь Мир». 120 с.

Глобальная перестройка / отв. ред. акад. А.А.Дынкин, акад. Н.И.Иванова / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2014. 528 с.

Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Пер. с англ. / Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 32 с.

Глобальный мир: к новым моделям национального и социального развития. В 2-х томах. Редколл.: И.С.Семененко (отв. ред.), Н.В.Загладин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1 – 312 с., Т.2 – 336 с.

Глобальное управление: возможности и риски. Барановский В.Г., Иванова Н.И. (отв. ред.). М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.

Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. Теоретико-методологический анализ. М.: Эдиториал УРСС. 2010. 280 с.

Графов Д.В. Отношения Китая и США в связи с территориальным спором в Южно-китайском море // США-Канада: экономика, политика, культура. 2018. №5. С.24-39.

Громогласова Е. Глобализация и общественный протест // Международные процессы. Т.13. №4. С.57-73.

Данилина Н.В., Костяев С.С. Внешнеполитический инструментарий США: «мягкая сила» и санкции //США-Канада: экономика, политика, культура. 2018. №1. С.86-100.

Даннинген Дж., Бэй О. Самые горячие точки XXI века. Как будут развиваться события / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2014. 832 с.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы / Р.Дарендорф. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 208 с.

Дериглазова Л.В. Ассиметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск. 2009.

Дериглазова Л. Ассиметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. 2010. Т.8. №2 (23). Май-август.

Дмитриев А.В. Конфликтология: учебник / А.В.Дмитриев. - Изд. 3-е, перераб. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, . 2009. 339 с.

Доклад Консультативной группы экспертов по обзору миростроительной архитектуры Организации Объединенных Наций от 29 июня 2015 г. Док. ООН A/69/968 – S/2015/490 [Report of the Advisory Group of Experts on the Review of the Peacebuilding Architecture (In Russ.)] Available at: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/ GEN/N15/202/96/PDF/N1520296.pdf? Open Element](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/202/96/PDF/N1520296.pdf?OpenElement) (Дата обращения: 12.02.2016).

Доклад Независимой группы экспертов высокого уровня по миротворческим операциям об объединении наших сил в интересах мира: политика, партнерство и люди от 17 июня 2015 г. Док. ООН A/70/95 – S/2015/446 [Report of the High-Level Independent Panel on Peace Operations on Uniting our Strengths for Peace: Politics, Partnership and People from June 17, 2015. Doc. UN A/70/95-S/2015/446 (In Russ.)] Available at: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/operations/reform.shtml> (Дата обращения: 14. 02.2016).

Доронина Н.И. Международный конфликт: о буржуазных теориях конфликта: критический анализ методологии исследования. М.: Международные отношения. 1981. 179 с.

Дойч М. Разрешение конфликта – конструктивный и деструктивный процессы //Социально-политический журнал. 2011. №1.

Дрожащих Е.В. Новое измерение американо-китайских отношений //Мировая экономика и международные отношения. 2017. №10. С.51-56.

Дубинин Ю.В. Мастерство переговоров: Учебник / Ю.В.Дубинин.- М.: Международные отношения, 2018. 320 с.

Европейский Союз и региональные конфликты. Отв. ред Н.К.Арбатова, А.М.Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 143 с.

Загорский А.В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 118 с.

Зарубежный опыт обеспечения социально-политической стабильности и Россия. Отв. ред. Н.В.Загладин, В.И.Катагарова. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 208 с.

Калдор Мэри. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.

Калядин А. В какой реформе нуждается Совет Безопасности ООН? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №7, С.48-59.

Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. Пер. с англ. М.: «КОЛИБРИ»-«АЗБУКА-АТТИКУС», 2015. 411 с.

Карпович О.Г. Противодействие терроризму в США. М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2017. 175 с.

Кашин В. Перерыв подходит к концу? Вонная стратегия Китая на современном этапе // Россия в глобальной политике. 2018.№6. <https://globalaffairs.ru/number/Pereryv-podkhodit-k-kontcu-19> (Дата обращения 17.1. 2019).

Кеннеди Г. Переговоры. Полный курс. Пер. с англ. 5-е изд. М.: «Альпина Паблишер», 2016. 388 с.

Киссинджер Г. Мировой порядок. Пер. с англ. М.: «АСТ». 2015. 512 с.

Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. 208 с.

Колбин А.С. От стратегической к тактической стабильности. Почему контроль над вооружениями больше не работает? // Россия в глобальной политике. Т.15. №3. Май-Июнь 2017. С.104-113.

Колби Э. Хочешь мира, готовьтесь к ядерной войне // Россия в глобальной политике. 2018. №6. <https://globalaffairs.ru/number/Khotite-mira-gotovtes-k-yadern>(Дата обращения: 10 января 2019)

Коллинз Дж., Фаттер Э. Война и технологии. Была ли революция? // Россия в глобальной политике. 2016. №2, С.102-117.

Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии / Под ред. А.И.Стребкова, А.Ф.Алейникова, А.Г.Пинкевич. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2015.

Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования. И.О. Абрамова, Д.М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2013. 459 с.

Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. Учеб. пособие. Под ред. А.Д.Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Отв. ред. В.В.Наумкин, Д.В.Малышева. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. 504 с.

Косоруков, А.А.Внешнеполитическая стратегия современного государства: соотношение глобального и национального [Текст] : монография / А. А. Косоруков ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - Москва : МАКС Пресс, 2016. - 188 с.;

Кременюк В.А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля / В.А.Кременюк.- М.:ИСКАН, 2006.

Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М.: «Аспект Пресс», 2015. 320 с

Кулагин В.М. Современная международная безопасность. Учебное пособие для вузов. М.: Кнорус, 2012. 432 с.

Куртов А. Водные ресурсы как причина конфликтов в Центральной Азии // Свободная мысль. 2013.№3.

Кутейников А., Масляк А. От строительства мира к государственно-строительству. Опыт ООН в разрешении международных конфликтов // международные процессы. 2013. № 1. С.29-48.

Лапкин В.В., Пантин В.И. Политические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №12, с. 93-102.

Лебедева М.М. Технология ведения переговоров. Учеб пособие для студентов вузов / М.М.Лебедева.- М.: Аспект пресс, 2010. 193 с.

Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник для бакалавров. М.: «Кнорус», 2014. 256 с.

Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т.13. №4. С.45-56.

Малышева Д. Исламское обличье африканских военных конфликтов // Международная жизнь. 2014. Ноябрь.

Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. Китай: фактор съезда и фактор Трампа// мировая экономика и международные отношения. 2017. №6. С.23-32

Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов / Под ред. А.И.Петренко. М.: Горячая линия – Телеком, 2008. 392 с.

Манойло А.В. Современные политические конфликты: право на вмешательство // Полис (Политические исследования). 2017, №6. С. 178-188.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т.А.Шаклеиной, А.А.Байкова. М.: НОФМО – Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Международные отношения и мировая политика. Учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. П.А.Цыганкова. М.: Юрайт, 2016. 290 с.

Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов: Учебное пособие / Отв. ред. Т.А.Закаурцева, Т.В.Каширина.- «Дашков и К», 2017. – 206 с.

Метаморфозы мировой политики / Под общ. ред. М.М.Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. 505 с.

Миллер А., Лукьянов Ф. Отстранённость вместо конфронтации. Постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Россия в глобальной политике. № 6. Ноябрь-декабрь. 2016. С. 8-27.

Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции англо-саксов. Сост. Е.Ларина, В.Овчинский. М.: Книжный мир, 2015. – 416 с.

Мирский Г. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. 2006. №5.

Михеев В.В., Лукошин С.А., Игнатьев С.В. Китай: фактор съезда и фактор Трампа //Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т.61. Т6. С.23-32.

Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН. 2012. 220 с.

Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 488 с.

Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: Учебник /А.И.Никитин. – М.: «Аспект Пресс», 2017.- 384 с.

Нэх В.Ф. Политический конфликт, технология манипулирования, регулирования и разрешения //Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. №5.

Панова В. В. Современные западные исследования международного конфликта // Международные процессы. Т.3. №2 (8). Май-август 2005.

Параг Ханна. Как управлять миром. М.: Астрель, 2012. 320 с.

Петухов В.В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте современных вызовов и угроз. В сб. Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции(Москва, 12-13 октября 2017 г.)/ Отв. ред. А.В.Тихонов. М.:ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.

Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под ред. А.В.Глухой. - Воронеж, Воронежский государственный университет, 2001.- 284 с.

Политическая конфликтология: хрестоматия / Под ред. М.М.Лебедевой и др. М.: МГИМО, 2002. 312 с.

Политическая конфликтология: Учебное пособие / Под ред. С.А.Ланцова. – СПб.: Питер, 2008. 319 с.

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М.: «Аспект-Пресс», 2016. – (Серия Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. ред. О.В.Гаман-Голутвиной). - 672 с.

Приходько О.В. США и ЕС: конкурирующие подходы в отношении Китая // США-Канада: экономика, политика, культура. 2018. №3. С. 21-39).

Проблемы конфликтности в современном мире. Научная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №6. С. 90-101.

Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы) / Под ред. Е.А.Степановой. — М.: ИМЭМО РАН, 2017. 262 С.

Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России. Редкол.: В.И. Пантин (отв. ред.), И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, К.Г. Холодковский. М.: ИМЭМО РАН, 2016, 183 с.

Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в анализе этнополитического конфликта // Полис. 2016. №6.

Прошанов С.Л. Социология конфликта. История. Теория, современность / М.: ЛКИ, 2008. 232 с.

Растольцев С.В. Теоретические подходы к исследованию «затяжных» конфликтов в Европе (На примере приднестровского и нагорно-карабахского) //Мировая экономика и международные отношения. 2016. №11. С.47-57.

Райт К. Некоторые размышления о войне и мире // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., научн. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.:Гардарики, 2002. С.384-398. 400 с

Романчук С.И. Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №1.

Садовая Е.С., Сауткина В.А. Трансформация мироустройства и конфликтный потенциал современных обществ // Мировая экономика и международный отношения. 2015. №11. С.103-112.

Саква Р. Кризис мирового порядка: Россия в поисках выхода из тупика // Полис (Политические исследования). 2016. №6. С. 52-68.

Сафонов А.А., Сафонова М.А. Международные конфликты в XXI веке. учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 299 с.

Светлов В.А. Современное введение в конфликтологию / В.А.Светлов.- М.: Нобель пресс, 2013.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. №6. С.69-94.

Сирота Н.М., Светлов В.А., Халлисте О.В. Международный конфликт. Теоретические, методологические и прикладные аспекты. Saarbrücken, Deutschland: Palmarium Academic Publishing, 2013.

Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Мегатренды глобального социума. Saarbrücken, Deutschland: Palmarium Academic Publishing, 2016. – 170 с.

Сирота Н.М., Мохоров Г.А., Хомелева Р.А. Постбиполярный мир: сосуществование или хаотизация. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2016. 73 p.

Сирота Н. М. Политическая конфликтология : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Н. М. Сирота. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. 121 с.

Слипченко В.И. Войны шестого поколения: оружие и военное искусство будущего. М.: изд. Вече, 2002 г., 384 с

Слотер А.-М. Большая стратегия для Цифрового века. Как преуспеть в мире, связанном сетями // Россия в глобальной политике. 2018. №1 <https://globalaffairs.ru/number/Bolshaya-strategiya-dlya-Tcifrov> (Дата обращения 21. 3. 2018).

Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы 1 международного конгресса конфликтологов. 2-е изд, стереотипное. Под ред. Е.И.Степанова. М.: Ленанд. 2015. 590 с.

Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трёх томах / Под общ.рбед. И.С.Иванова. М.: НП РСМД, 2015.

Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2017. 688 с .

Современный словарь по конфликтологии / науч. ред. В.А.Светлов. М.: ФЛИНТА: НОУ ВПО «МПСУ», 2013. 432 с.

Соловьёв Э.Я. Искусство проведения переговоров . М.: Ось, 2006.160 с.

Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 304 с.

Суслов, Евгений Валерианович. Политические конфликты в демократических государствах. монография .Йошкар-Ола : ФГБОУ ВПО "Марийский гос. ун-т", 2012. 208 с.

Сушенцов А.А. Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы. Т.8, №3(24). Сентябрь-декабрь 2010.

Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов / А.А. Сушенцов; отв. ред. Богатуров А.Д. – М.: Издательство МГИМО-Университета, 2013. – 249 с.

Сушенцов А.А. Национальные типы конфликтного поведения //Международные процессы. Т.12. №4(39). Октябрь-декабрь. 2014.

Степанова Е. А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты / ИМЭМО РАН. М.: Научная книга, 2010..

Степанова Е.А. Гуманитарные аспекты современных конфликтов // Пути к миру и безопасности. 2018. №1(54): Спецвыпуск. С. 11–43

Степанова Е. А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты / ИМЭМО РАН. — М.: Научная книга, 2010. 288 с.

США: возможности и пределы экономического и политического лидерства. В 2-х тт. / Отв. ред. Ф.Г.Войтоловский, Э.В.Кириченко. – М.: ИМЭМО РАН, 2016-2017, Т.1. – 240 с.

70 направлений деятельности ООН: изменяя мир к лучшему <http://www.un.org/un70/ru/content/70ways> (Дата обращения 20.11. 2016)

Талмадж К Ядерный выбор Пекина. Почему конфликт США и Китая может выйти из-под контроля //Россия в глобальной политике. 2018. №6<https://globalaffairs.ru/number/Yadernyi-vybor-Pekina-19843> (Дата обращения 14.1.2019).

Тебин П. Военно-политическая стратегия России в долгосрочной перспективе //Россия в глобальной политике . 2018. №6<https://globalaffairs.ru/number/Dolgii-mir-i-yadernoe-oruzhie-1> (Дата обращения 16.1.2019).

Теория международных отношений: учебник для академического бакалавриата / под ред. П.А.Цыганкова. М.: Издательство Юрайт, 2018 316 с.

Терёшина Е.А. История конфликтологии. Учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 240 с.

Тимофеева Л.Н., Глухова А.В. Политическая конфликтология / Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии. Научное издание / Под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М.: «Аспект Пресс», 2015 – (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. Ред. О.В.Гаман-Голутвиной). 464 с.

Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке (сборник). Отв. ред. – И.Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 95 с.

Тоффлер Э., Х.Тоффлер. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Тоффлер Э., Тоффлер Х.- М.: АСТ, 2005. 416 с.

Труш С.М. Подход Д.Трампа к Китаю: оценка мотивации и внешнеполитического стиля // США – Канада: экономика, политика, культура. 2018. №2. С.41-54.

Угрозы информационной безопасности в кризисах и конфликтах XXI века / Под ред. А.В.Загорского, Н.П.Ромашкиной. М.: ИМЭМО РАН, 2015.151 с.

Фельдман Д.М. Политология конфликта. М.: Стратегия, 1998.

Фененко А.В. Хуже, чем в холодную войну // Россия в глобальной политике. 2016. №2. С.142-160.

Фененко А.В. «Долгий мир» и ядерное оружие, удержит ли оно от большой войны? // Россия в глобальной политике. 2018. №6. <https://globalaffairs.ru/number/Dolgii-mir-i-yadernoe-oruzhie-1> (Дата обращения 10.1.2019)

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения / Предисл. В. А. Кременюка.— М.: Наука, 1992. 158 с.

Холодная война: В 2 т. (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева). М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т.1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. 984 с.; Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. 584 с.

Цыбаков Д. Военно-политическая конфликтогенность постсоветского пространства // Международная жизнь. 2014. Декабрь. С.118-124.

Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. 2-е изд. М.:Аспект Пресс, 2017. 336 с.

Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг.- М.: Изд-во «ИРИСЭН», 2007.

Штански Н. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности» // Международные процессы. №1-2 (36-37). 2014.

Шульц Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «Арабской весны» // Международные процессы. №1 (40). 2015.

Хаас Р. Разваливающийся миропорядок. Как реагировать на анархию в мире // Россия в глобальной политике. Т.12. №6. Ноябрь-Декабрь. 2014. С.22-32.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С.Хантингтон.- М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Харитонов Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №6. С.48-58.

Экономика и политика в современных международных конфликтах. Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: ЛКИ, 2008. 336 с.

Эллисон Г. Миф о либеральном порядке. От исторической случайности к общепринятому мнению // Россия в глобальной политике. 2018. №4.
<https://globalaffairs.ru/number/Mif-o-liberalnom-poryadke-19>

Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современности. Материалы научно-практической конференции //Мировая экономика и международные отношения. 2013. №11

Юдин Н.В. Современное прочтение феномена мягкой силы //Международные процессы. 2015. Т.13. №2, С.96-105.

Allison G. Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition / Windows of Opportunity: From Cold War to Peaceful Competition in U.S.-Soviet Relations. Ed. by Graham T. Allison and William L. Ury. with Bruce J. Allyn. Cambridge (Mass.): Ballinger Publishing Company, 1989. 345 p.

Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Kindle Edition / G. Allison – Boston-New York: 2017. – 384 p.

Axelrod R. *The Evolution of Cooperation*. N.Y., 1984. 241 p.

Brzezinski Zb K. *Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power* / Zb. K. Brzezinski. – N.Y.: Basic Books, 2012. – 208 p.

Blackwill R.D., Harris J.M. *War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft* / R.D. Blackwill, Harris J.M. – Cambridge-London: Harvard University Press, 2016. – 386 p.

Brooks S.G., Wohlforth W. C. *The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United States* / S.G. Brooks, W. C. Wohlforth // *Foreign Affairs*. 2016. May/June. №3. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (Accessed 28.11.2016).

Kaplan R. *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us about Coming Conflicts and the Battle against Fate*. N.Y. : Random House, 2012. 403 p.

Conflict, Peace, Security and Development: Theories and Methodologies / Ed. by H. Hintjens. L.; N.Y.: Routledge, 2015. 256 p.

Haass R. *World Order 2.0. The Case for Sovereign Obligation* // *Foreign Affairs*. 2017. January-February. P.2-9.

Mazarr M. *The Once and Future Order* // *Foreign Affairs*. 2017. January-February. P.25-32.

Kaplan R. *What Next for Donald Trump? (Symposium)* // *The National Interest*. Januau – February 2017. P.5-24.

Kaplan R. *The Return of Marco Polo's World. War, Strategy, and American Interests in the Twenty-First Century*. New York: Random House, 2018. 320 p.

Kissinger H. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History* / H. Kissinger. – N.Y., Allen Lane, 2014. – 432 p.

Klaas B. *The Despot's Accomplice: How the West is Aiding and Abetting the Decline of Democracy* / B. Klaas. – N.Y.: Oxford University Press, 2017. – 256 p.

Kroeber A.R. *China's economy. What Everyone Needs to Know* / A.R. Kroeber A.R. – N.Y.: Oxford University Press, 2016. – 320 p.

Merry R. *What Next for Donald Trump? (Symposium)* // *The National Interest*. Januau – February 2017. P.5-24.

Mouffe Ch. *Politics and Passions: the Stakes of Democracy*. Centre for the Study of Democracy, University of Westminster (London). 2002.

<http://www.ethical-perspectives.be/viewpic.php?TABLE=EP&ID=139>

Mytshell C. *The Nature of Intractable Conflict Resolution in the Twenty-First Centure*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 353 p.

The Next Great War? The Roots of World 1 and the Risk of U.S. – China Conflict. Ed by R. N. Rosencrance, S. E. Miller. Cambridge MA: MIT PRESS. 2015. – 290 p.

National Security Strategy of the United States of America December 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).

Nye J.Jr., Welch D.A. Understanding Global CONFLICT and Cooperation: An Introduction to Theory and history (Ninth Edition) L.; N.Y.: Pearson, 2013. 384 p.

Nye J. Is the American Century Over? / J. Nye. – John Wiley and Sons. 2015. – 152 p.

Osgood Ch. Alternative to War or Surrender. University of Illinois Press. Urbane. 1962. 183 p.

Quackenbush S.L. International Conflict: Logic and Evidence. L.: SAGE Publishers, 2015. 360 p.

Reycycler L. Time for Peace: The Essential Role of Time in Conflict and Peace Processes. University of Queensland Press, 2015. 292 p.

Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. 480 p.

Sakwa R. Frontline Ukraine. Crisis in the Borderlands. London, New York: I.B.Tauris, 2016. 348 p.

Slaughter A.- M. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. 341 p.

Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power / D. Shambaugh. – N.Y.: Oxford University Press. 2013. – 409 p.

Tarrow S. Power in Movement Social Movements and Contentious Politics Third Edition Cambridge, Cambridge University Press. 2011. 315 p.

Tilly Ch, Tarrow S. Contentious Politics. Oxford University Press 2015. 242 p.

Uniting Our Strengths – Policy, Partnerships, People. Report of the High-Level Independent Panel on Peace Operations. UN Document A/70/95-S/2015/446 17 June, 2015. https://www.un.org/sg/pdf/HIPPO_Report_1_June_2015.pdf. (дата обращения: 8 августа 2016 г.

Wright Ph.Q. The Role of International Law in the Elimination of War. N.Y.: Oceana. 1961. 119 p.

More Books!

yes I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

SIA OmniScriptum Publishing
Brivibas gatve 1 97
LV-103 9 Riga, Latvia
Telefax: +371 68620455

info@omniscryptum.com
www.omniscryptum.com

OMNIScriptum

